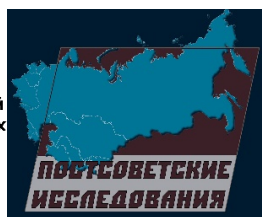

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022 Том 5 № 8

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курьлев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курьлев Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович
кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна
доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна
старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассе Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник РФ Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ), Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2022 г., следующий:

№ 1 2023	Проблема терроризма на постсоветском пространстве	до 01.01.2023 г.
№ 2 2023	Номер не тематический	до 01.02.2023 г.
№ 3 2023	Республика Узбекистан в мировой политике и международных отношениях	до 01.03.2023 г.
№ 4 2023	Номер не тематический	до 01.04.2023 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

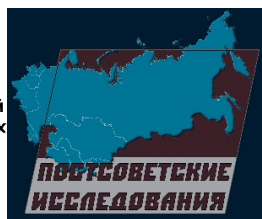
Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2022 VOLUME 5 No. 8

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Beibutova Risbyubyu Aldzhambaeвна, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2022 will deal with the following issues:

№ 1 2023	The problem of terrorism in the Post-Soviet region	Until 01.01.2023 r.
№ 2 2023	Non-thematic issue	Until 01.02.2023 r.
№ 3 2023	The Republic of Uzbekistan in world politics and international relations	Until 01.03.2023 r.
№ 4 2023	Non-thematic issue	Until 01.11.2023 r.

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

- Дудайти А.К. Проблемы безопасности на Южном Кавказе в контексте регионального взаимодействия России, Ирана и Турции в постсоветский период771
- Буторов А.С. Особенности российского влияния на обеспечение региональной безопасности на Южном Кавказе.....780
- Енокян А.В., Станис Д.В. Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии.....787
- Алемдар М., Атабай Э. И. Стратегический анализ Нагорно-Карабахской проблемы и ее возможные сценарии развития.....799

КИТАЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

- Тянь Е. Пограничные и торговые отношения Китая и Казахской ССР..... 806
- Пархитько Н.П., Дорофеева Е.А., Агальцов О.А. Карикатура как инструмент пропаганды в контексте китайско-тайваньского кризиса. Влияние кризиса на постсоветский регион.....816

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

- Аватков В.А., Рожкова З.П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе.....825
- Румянцева А.К., Рахимов К.Х. Роль ШОС в противодействии терроризму в странах Центральной Азии835
- Лагуткина Ю.Н., Мадалимбеков Ж.И., Омарова Д.К. Противодействие стран Российской Федерации и Республики Казахстан информационному терроризму.....847

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ

- Борзова А.Ю., Савичева Е.М., Кулумбегова Л.Т. Проблема взаимодействия Турции и России в новых политических реалиях в исследованиях Немецкого института международных отношений и безопасности (SWP)861

Contents

South Caucasus

Dudaiti A.K. Security problems in the South Caucasus in the relations of Russia, Iran and Turkey in the region in the Post-Soviet period (the 90s of the XX – the beginning of the XXI century).....771

Butorov A.S. Security problems in the South Caucasus in the research of foreign analytical centers.....780

Yenokyan A.V., Stanis D.V. The Factor of "Soft Power" in the Promotion of The Turkish Interests in Georgia.....787

Alemdar M., Atabay E.I. Strategic Analysis of Nagorno-Karabakh Issue and Possible Scenarios of the Future of the Problem.....799

CHINA IN THE POST-SOVIET REGION

Tian Ye. The Treaty Basis, Border and Trade Relations between China and Kazakhstan Prior to the Formation of the Republic of Kazakhstan in 1991.....806

Parkhitko N.P., Dorofeeva E.A., Aghaltsov O.A. Caricature as a propaganda tool in the context of the Sino-Taiwanese crisis. Impact on the Post-Soviet region.....816

CENTRAL ASIA

Avakov V.A., Rozhkova Z.P. Conceptual foundations of the foreign policy of the republic of Uzbekistan at the present stage.....825

Rumyantseva A.K., Rakhimov Kh. The SCO's role in countering terrorism in Central Asian countries.....835

Lagutkina Y.N., Madalimbekov ZI., Dinara K. Omarova. Counteraction of the countries of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan to information terrorism.....847

THINK TANKS

Borzova A.Yu., Savicheva E.M., Kulumbegova L.T. New aspects in relations between Turkey and Russia (based on materials from German think tank).....861

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ / SOUTH CAUCASUS

Научная статья/ Research article

Проблемы безопасности на Южном Кавказе в контексте регионального взаимодействия России, Ирана и Турции в постсоветский период

А. К. Дудайти

*ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», Владикавказ, Россия
E:mail: adudaiti@mail.ru*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено вопросам регионального взаимодействия России с Ираном и Турцией на Южном Кавказе, выработке ими комплекса мер, направленных на урегулирование межэтнических конфликтов и содействие безопасному развитию региона. Показаны факторы, определяющие конкурентный характер отношений этих стран на Южном Кавказе. Выявлены особенности в их подходе к урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе, показана их позиция в период кавказского кризиса 2008 г. Особое место в работе уделено отношениям указанных стран с Азербайджаном и Арменией. Отмечается, что важную роль в турецко-азербайджанских отношениях играл экономический (энергетический) фактор, а также стремление правящих кругов Турции реализовать идеи пантюркизма в центральноазиатском направлении. В свою очередь, развитие партнерских связей Ирана с Арменией стало ответом на формирование союзнических отношений Азербайджана с Турцией, а также его стремление сблизиться с западными странами и Израилем. Констатируется, что успех внешней политики России, Ирана и Турции на Южном Кавказе во многом определялся конструктивным взаимодействием в регионе. С другой стороны, на их политику на Южном Кавказе влияли внешние факторы, а именно – отношения с США и Евросоюзом. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что Россия, Иран и Турция, исходя из своих национальных интересов, были заинтересованы в мирном урегулировании конфликтов на Южном Кавказе, расширении торгово-экономических связей на двусторонней и многосторонней основе, реализации в регионе трансграничных экономических проектов.

Ключевые слова: Южный Кавказ, конфликты, безопасность, Россия, Иран, Турция, региональное взаимодействие, конкуренция.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–59–56010 от 3.03. 2021 г.

Для цитирования: Дудайти А. К. Проблемы безопасности на Южном Кавказе в контексте регионального взаимодействия России, Ирана и Турции в постсоветский период // Постсоветские исследования. 2022;8(5):771-779.

Problems of security in the South Caucasus in the context of regional interaction between Russia, Iran and Turkey in the post-Soviet period

Albert K. Dudaiti

*North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russia
adudaiti@mail.ru*

Abstract. This study is devoted to the issues of regional cooperation between Russia and Iran and Turkey in the South Caucasus, their development of a set of measures aimed at resolving interethnic conflicts and promoting the safe development of the region. The factors determining the competitive nature of the relations of these countries in the South Caucasus are shown. The peculiarities of their approach to the settlement of the conflict in Nagorno-Karabakh are revealed, their position during the Caucasian crisis of 2008 is shown. A special place in the work is given to

the relations of these countries with Azerbaijan and Armenia. It is noted that an important role in the Turkish-Azerbaijani relations was played by the economic (energy) factor, as well as the desire of the ruling circles of Turkey to implement the ideas of pan-Turkism in the Central Asian direction. In turn, the development of Iran's partnership with Armenia was a response to the formation of Azerbaijan's allied relations with Turkey, as well as its desire to get closer to Western countries and Israel. It is stated that the success of the foreign policy of Russia, Iran and Turkey in the South Caucasus was largely determined by constructive interaction in the region. On the other hand, their policy in the South Caucasus was influenced by external factors, namely, relations with the United States and the European Union. As a result of the conducted research, the author came to the conclusion that Russia, Iran and Turkey, proceeding from their national interests, were interested in the peaceful settlement of conflicts in the South Caucasus, the expansion of trade and economic ties on a bilateral and multilateral basis, the implementation of cross-border economic projects in the region.

Keywords: South Caucasus, conflicts, security, Russia, Iran, Turkey, regional cooperation, competition.

Acknowledgement: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-59-56010 dated 3.03. 2021.

For citation: Albert K. Dudaiti. Security problems in the South Caucasus in the relations of Russia, Iran and Turkey in the region in the Post-Soviet period (the 90s of the XX – the beginning of the XXI century) // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;8(5):771-779. (In Russ.)

Введение. После распада СССР 1991 г. в решение проблем Южного Кавказа – одного из самых беспокойных регионов постсоветского Юга, наряду с традиционными игроками, такими как Россия, США и Евросоюз (с их конкурирующими интеграционными форматами) активно включились региональные «гранды» в лице Турции и Ирана. Южный Кавказ является для них чрезвычайно важным регионом: достаточно вспомнить, что до начала XIX в. отдельные части региона входили в состав Персидской державы и Османской империи. Многие представители народов Южного Кавказа (азербайджанцы, армяне, грузины и др.) имеют в Иране и Турции территории, идентифицируемые ими в качестве этнических (исторических), либо довольно многочисленные диаспоры, оказывающие влияние на политику Тегерана и Анкары. При этом интересы Ирана и Турции в регионе Южного Кавказа тесно соприкасаются с национальными интересами России, что отражается на региональной политике трех стран. В ее основе лежат такие факторы, как озабоченность национальной безопасностью, культурные и исторические связи с кавказскими народами, общее

религиозно-этническое наследие, экономическое значение Южного Кавказа, как важного транспортного коридора и др.

Цель и задачи. Целью настоящего исследования является исследование взаимоотношений России с Ираном и Турцией на Южном Кавказе в контексте проблем безопасности в регионе в постсоветский период. Для достижения этой цели в работе решаются следующие задачи:

– рассмотреть основные направления регионального взаимодействия между Россией, Ираном и Турцией на постсоветском Южном Кавказе стран;

– раскрыть особенности конкурентной борьбы между этими странами за влияние и позиции в регионе;

– выявить факторы, воздействующие на позицию России, Ирана и Турции в Нагорно-Карабахском конфликте, а также в период кавказского кризиса 2008 г.

Историография. В отечественной, а также зарубежной историографии рассматриваются актуальные проблемы международных отношений на Южном Кавказе, в частности, стратегические интересы НАТО в регионе [Forster 2002, Misiągiewicz 2012]; отношения России с Арменией, Азербайджаном и Грузией

[Дудайти 2014]; кавказская стратегия Турции [Aliriza 2008; Babali 1996; Çelikpala 2013; Phillips 2012; Smith 2009.], региональная политика Ирана [Kazemzadeh 2017; Kouhi-Esfahani 2019; Sadegh-Zadeh 2008; Souleimanov 2013; Therme 2011]. Однако в современной историографии недостаточно представлены работы, посвященные региональному взаимодействию России с Ираном и Турцией, их конкурентной борьбе за влияние и позиции в регионе. Между тем, эти вопросы сохраняют свою актуальность: они вызывают дискуссии среди многих ученых, экспертов-аналитиков и нуждаются в научной разработке. Настоящая работа, нацеленная на исследование взаимоотношений России с Ираном и Турцией на Южном Кавказе в постсоветский период, позволяет в определенной степени восполнить этот пробел.

Региональное взаимодействие России с Ираном и Турцией: общие вопросы. После распада СССР в 1991 г. и возникновения на Южном Кавказе молодых постсоветских государств – Азербайджана, Армении и Грузии, стали закладываться основы регионального взаимодействия между Россией, Ираном и Турцией. Постепенно налаживались устойчивые связи между этими странами на Южном Кавказе, хотя воздействие со стороны Запада негативно сказывалось на их подходе к решению сложных региональных проблем [The Turkey 2013: 2–3].

Учитывая интересы национальной безопасности России, в ее руководстве были заинтересованы в мирном и безопасном развитии приграничных с ней южных территориях [Дудайти 2014: 12–13]. Поскольку Южный Кавказ был приграничной зоной России, она стремилась ограничить возможные риски и угрозы своей безопасности – будь то присутствие в этом регионе иностранных вооруженных сил, или же разных террористических групп, способных перейти на российский Северный Кавказ. Основным стратегическим партнером России на Южном Кавказе была Армения, но в Москве стремились также к развитию отношений с Азербайджаном, в том числе, путем оказания посреднических услуг в деле урегулирования Нагорно-

Карабахского конфликта. В то же время, сложными были отношения России с Грузией, взявшей курс на сближение с Западом, интеграцию в структуры НАТО [Дудайти 2014: 154–155].

Важную роль в налаживании двусторонних связей Ирана с государствами Южного Кавказа в самом начале их независимого существования играло тесное взаимодействие с Россией и Турцией в регионе. Но постепенно участие Тегерана в решении региональных проблем стало уменьшаться из-за ведущей роли России в посреднических усилиях, а также осложнения международного положения Ирана из-за его ядерной программы. В этих условиях иранское руководство воздерживалось от критики политики России на Южном Кавказе, старались не оспаривать ее интересы в регионе [Forster 2004: 32].

В рамках регионального взаимодействия на Южном Кавказе Иран уступал лидерство России, чьи позиции усилились после кавказского кризиса 2008 г. В то же время, иранские усилия были сконцентрированы на достижении успеха в борьбе с Турцией за влияние и позиции в регионе. В частности, власти Ирана негативно относились к поддержке Турцией в конфликте в Нагорном Карабахе азербайджанской стороны; в свою очередь, в Баку критиковали Иран за то, что он придерживался проармянской позиции в этом конфликте [Агазаде 2021: 806]. Одновременно Азербайджан продолжал ориентироваться на Турцию, стремился добиться с ней союзнических отношений. Важным шагом в этом направлении стало подписанное между двумя странами в 2010 г. соглашение о стратегическом партнерстве, включающее пункт о взаимной обороне. В это время Азербайджан находился в состоянии ограниченной межконфессиональной конфронтации с Ираном, поддерживающим оппозиционные шиитские группы в республике, противостоящих ее сближению с ведущими западными странами и Израилем [Kouhi-Esfahani 2019: 120–121].

Высокий интерес Турции к Южному Кавказу во многом объяснялся тем, что этот регион представлял собой транзитный коридор в Центральную Азию, куда шли

турецкие товары, а также являлся маршрутом для доставки на Запад энергоресурсов из Каспия. Развивая отношения с Грузией и Азербайджаном, а также содействуя их усилиям по налаживанию тесных связей с Западом, Турция в то же время старалась своими действиями ослабить влияние России на Южном Кавказе, вытеснить ее позиции с региона. При этом большая часть турецких усилий была сосредоточена в энергетической сфере: в частности, в Анкаре оказывали дипломатическую поддержку Азербайджану и Грузии, содействовали созданию емкого рынка для каспийской нефти и газа, транспортируемых в Турцию через азербайджанскую и грузинские территории. В результате постепенно сокращалась зависимость Азербайджана и Грузии от России и наоборот, росло турецкое влияние на эти страны. Важное внимание в региональной политике Турции уделялось проекту создания энергетического транзитного коридора, соединяющего бассейн Каспийского моря, Ближний Восток и Европу. Но этому мешали сложные турецко-армянские отношения, в основе которых лежало отрицание Анкарой Геноцида армян в Османской империи, а также нежелание рассмотреть вопрос о западноармянских землях в Турции.

Позиция Ирана и Турции в период кавказского кризиса 2008 г. В период кавказского кризиса 2008 г. Иран придерживался нейтральной позиции, стараясь не навредить отношениям с Россией и Грузией. С одной стороны, иранские власти негативно относились к стремлению Грузии интегрироваться в структуры НАТО, опасаясь создания форпоста альянса близко к границам Ирана, с другой – выражали беспокойство из-за усиления военного присутствия России в регионе. Из российско-грузинского вооруженного конфликта в Иране могли извлечь выгоду, учитывая дефицит рынков сбыта для иранских энергоресурсов в условиях действия санкций. Между тем, после кавказского кризиса 2008 г. в Тбилиси стали выражать интерес в увеличении объемов импортируемого из Ирана природного газа. [Sadegh-Zadex 2008: 40]. В этой связи

примечателен тот факт, что во время энергетического кризиса в Грузии зимой 2006 г. именно Иран поставлял в Грузию всю необходимую ей электроэнергию. Во время российско-грузинского вооруженного конфликта в Иране возросли опасения, что из-за него возрастет угроза безопасности на Южном Кавказе. Исходя из этого, в Тегеране были готовы предоставить посреднические услуги в его мирном разрешении [Therme 2011: 138–139].

После кавказского кризиса 2008 г. возникла опасность подрыва усилий Турции, направленных на стратегическое сближение с Азербайджаном и Грузией. Во время российско-грузинского вооруженного конфликта в Анкаре вынуждены были лавировать, чтобы избежать осложнения отношений с Россией, являющейся важным торговым партнером Турции, хотя там старались оказать содействие укреплению государственного суверенитета Грузии, предоставив ей услуги для получения доступа к мировым рынкам. В руководстве Турции не были согласны мириться с чрезмерным, на их взгляд, ростом влияния России на Южном Кавказе. Основные турецко-российские разногласия касались вопросов энергоснабжения и маршрутов: Турция поддерживала строительство новой транзитной инфраструктуры на запад от Каспийского моря через территорию Грузии, включая нефтепровод Баку — Тбилиси-Джейхан (БТД) и Южнокавказский газопровод. Кроме того, в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира» турецкие инструкторы обучали военнослужащих Грузии, а фирмы и компании из Турции строили новые военные объекты на грузинской территории [Çelikpala 2005: 188–189].

Между тем, руководство России старалось оказывать давление на Турцию – с тем, чтобы заставить его воздержаться от помощи Грузии. Одновременно было выдвинуто требование о закрытии Черноморских проливов для военных судов США, что полностью соответствовало положениям Конвенции Монтрё от 1936 г. Турецким грузоперевозчикам запрещалось пересекать российскую границу, пока не

будет выполнено указанное выше требование [Aliriza 2008: 2–3]. В период кавказского кризиса 2008 г. высветилась высокая уязвимость Турции от транзита энергоресурсов на Южном Кавказе: так, на турецком участке трубопровода Баку — Тбилиси-Джейхан был совершен теракт, в котором власти Турции обвинили боевиков РПК. С учетом этих факторов наблюдалась заметная активизация турецкой дипломатии. Демонстрируя высокую заинтересованность в «развитии стабильности, доверия и сотрудничества» на Южном Кавказе, в Анкаре предложили создать «Кавказский пакт о стабильности и сотрудничестве» (CSCP) с участием России, Турции и государств Южного Кавказа, и разработать в ее рамках платформу для разрешения проблемы фрагментации региона, а также обеспечения безопасности транзита энергоносителей в Турцию [Erşen 2013: 11–12]. Эта инициатива без энтузиазма была встречена в Москве, так как она ставила своей задачей защитить турецкие «привилегированные интересы» на Южном Кавказе.

Подход России, Ирана и Турции к решению проблемы урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта. После начала вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе Армения пользовалась поддержкой со стороны России, чему в немалой степени способствовала националистическая политика руководства Азербайджана во главе с А. Эльчибеем, последователем идей пантюркизма и представителем турецких интересов на Южном Кавказе [Babalı 1996: 63–64]. Посреднические усилия Москвы привели к урегулированию конфликта по тому сценарию, который устраивал армянскую сторону. В Ереване призвали Россию разместить в зоне конфликта своих миротворцев, но против этого выступило руководство Азербайджана. В результате Россия вместе с США и Францией стала сопредседателем Минской группы ОБСЕ, созданной с целью содействия

урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта.

После завершения вооруженной фазы Нагорно-Карабахского конфликта российско-армянские отношения продолжали укрепляться. Армении были предоставлены гарантии безопасности под эгидой ОДКБ и, кроме того, ее безопасность обеспечивала 102 российская военная база в Гюмри. В условиях азербайджано-турецкой блокады Россия была важнейшим торговым партнером Армении. В сентябре 2013 г. она присоединилась к Евразийскому таможенному союзу, несмотря на отсутствие общих границ со странами-членами этого союза.

Поддерживая союзнические отношения с Арменией, Россия в то же время была обеспокоена сохранением в неурегулированном состоянии проблемы принадлежности Нагорного Карабаха. Из-за нее российско-азербайджанские отношения продолжали ухудшаться и наоборот, усиливалось влияние Турции и западных держав в республике. В этих сложных условиях были активизированы усилия на сохранение за Россией статуса основного посредника в Нагорно-Карабахском урегулировании. Кроме того, когда в 2008–2009 гг. Турция принимала меры для нормализации отношений с Арменией, Россия в ответ расширила связи с Азербайджаном: в частности, были увеличены закупки газа, а также подписаны контракты на поставку военной продукции в эту страну. Тем не менее, курс Азербайджана на сближение с Турцией оставался неизменным. Она снабжалась азербайджанскими энергоресурсами, а 6 ноября 2007 г. между двумя странами был заключен Договор о партнерстве и кооперации¹.

Между тем, азербайджано-турецкое сближение вызывало беспокойство в руководстве Ирана. Оно оказывало поддержку Армении в Нагорно-Карабахском конфликте, поскольку опасалось, что азербайджанские власти могут разжечь

¹ Agreement between the government of the Republic of Azerbaijan and the government of the Republic of Turkey on partnership and cooperation. Baku, 6 of November 2007 // Documents signed between the Republic of

Turkey and Republic of Azerbaijan / Republic of Azerbaijan Ministry of foreign affairs. URL: <http://www.mfa.gov.az/content/352>. (accessed 10.08.2022).

сепаратизм в Иранском Азербайджане. В условиях блокады Армении территория Ирана стала важным коридором для выхода республики во внешний мир. В 2007 г. был открыт нефтепровод из Ирана в Армению, что смягчало последствия блокады для экономики Армении [Kazemzadeh 2017: 9–10]. В этих условиях азербайджанцы, состоящие в этническом родстве с турками, но исповедующие шиитский ислам, оказались на перекрестке турецкого и иранского подходов к политике на Южном Кавказе. Напряженность в регионе усугублялась вследствие стремления Азербайджана наладить связи с Западом и Израилем, прежде всего, в области безопасности. Все это вызывало недовольство в Тегеране: там считали, что превращение светского Азербайджана в прозападный форпост приведет к созданию на ее территории плацдарма для военных операций против Ирана. По этой причине руководство Ирана подвергло в 2011 г. критику власти Турции за намерение разместить радары противоракетной обороны НАТО на востоке страны [Ауман 2014: 20–21].

С целью ослабления позиций прозападного руководства Азербайджана из Ирана продвигалась шиитская идеология в эту республику, финансировались проповедники, поддерживались оппозиционные властям группы. Между тем, нестабильная ситуация в Азербайджане противоречила интересам Турции, хотя ее власти успокаивал растущий статус Азербайджана в качестве энергетического центра Южного Кавказа. Что же касается Ирана, то реакция его руководства на нестабильность в Азербайджане зависела от того, каков характер оппозиции в Азербайджане. Но основной его интерес заключался в том, чтобы не допустить распространения националистических идей в северо-западных территориях Ирана,

населенных этническими азербайджанцами [Souleimanov 2013: 78–79].

Как и в случае с Ираном, региональная политика Турции находилась под воздействием целого ряда факторов. Прежде всего, в период вооруженной фазы конфликта Азербайджана с Арменией из-за Нагорного Карабаха власти Турции опасались вовлечения своей страны в конфронтацию с Россией. В то же время, они оказались под мощным общественным давлением: население требовало выступить в поддержку азербайджанских собратьев в конфликте с армянами. Весной 1993 г., после отказа армянских вооруженных формирований выйти из Кельбаджарского района Азербайджана, Турция закрыла границу с Арменией, а затем выступала в качестве союзника Азербайджана. Турецкие инструктора обучали его военнослужащих, азербайджанская армия снабжалась вооружением и обмундированием из Турции. Сотрудничеству в этом направлении был придан дополнительный импульс после подписания 13 апреля 2004 г. Договора о об экономической и военной кооперации между двумя странами¹.

Несмотря на зависимость экономики Турции от импорта энергоносителей, ее руководство стремилось использовать географическое положение страны, а также контроль над трубопроводами контроль в качестве рычага давления на ЕС, обеспечения выхода азербайджанских энергоносителей на европейские рынки. В 2012 г. энергетические компании Turkish Petroleum Corporation (ТРАО) и Petroleum Pipeline Corporation (BOTAŞ) подписали соглашение с Государственной нефтяной компанией Азербайджана (SOCAR), предусматривающее строительство Трансанатолийского газопровода (TANAP) из газового месторождения Шах-Дениз в Каспийском море, в качестве основы для планируемого Южного газового коридора Евросоюза². Эти трубопроводы, которые

¹ Agreement between the government of the Republic of Azerbaijan and the government of the Republic of Turkey on long-term economic and military cooperation. Ankara, 13 of April 2004 // Documents signed between the Republic of Turkey and Republic of Azerbaijan / Republic

of Azerbaijan Ministry of foreign affairs. URL: <http://www.mfa.gov.az/content/352> (accessed 11.08.2022).

² Turkish Petroleum Corporation (ТРАО) and the State Oil Company of the Azerbaijan Republic (SOCAR) could

Турция также стремилась провести через Каспий в Среднюю Азию, стали серьезным источником напряженных отношений с Россией, стремящейся сохранить доминирующее положение на европейских энергетических рынках, а также с Ираном. С другой стороны, они заложили основу для сотрудничества в сфере безопасности между Турцией, Грузией и Азербайджаном [Misiągiewicz 2012: 73–74].

Кавказский кризис 2008 г., продемонстрировавший высокие риски для региональной безопасности на Южном Кавказе, побудил Турцию принять меры для нормализации отношений с Арменией. Открытие турецко-армянской границы должно было оказать содействие стремлению Турции стать главным энергетическим узлом Европы. В частности, облегчался транзит между Турцией и Каспийским морем и уменьшалась зависимость от уязвимых путей сообщения, проходящих через территорию Грузии. В октябре 2009 г. лидеры Турции и Армении подписали протоколы о нормализации отношений и открытии границы [Phillips 2012: 59–62; Smith 2009: 1–4]. Но затем их дипломатические контакты зашли в тупик

из-за возражений руководства Азербайджана, считавшего, что они помешают возвращению Нагорного Карабаха.

Выводы. Региональное взаимодействие между Россией, Ираном и Турцией на Южном Кавказе в значительной степени определялось динамикой развития двусторонних отношений, с воздействием на них внешних факторов. Все это усиливало их заинтересованность в мирном урегулировании конфликтов в регионе, развитии экономических связей, реализации здесь трансграничных проектов. Но следовало учесть наличие серьезных внешних сил, вынашивающих планы дестабилизации международной обстановки на Южном Кавказе, включая агрессию против Ирана. В этих условиях возрастала актуальность регионального взаимодействия между Россией, Ираном и Турцией: попытки исключить кого-либо из них в поиске баланса сил на Южном Кавказе могло скомпрометировать возможные конструктивные решения, касающиеся безопасного, стабильного и мирного развития региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Aghazade M.M.* Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности в 1991–2019 гг. (историографический обзор) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. Р. 803–821.
- Дудайтми А.К.* Вместе с Россией: проблемы формирования, эволюции и современное состояние российской государственности на Северном Кавказе // Проблемы всеобщей истории и политологии: сборник научных трудов. Владикавказ: СОИГСИ, 2014. С. 12–30.
- Дудайтми А.К.* Возможно ли будущее Кавказа в Евразийском союзе? // Проблемы всеобщей истории и политологии: сборник научных трудов. Владикавказ, 2014. С. 152–162.
- Forster P.* The paradox of policy: American interests in the post-9/11 Caucasus // Security Sector Governance in Southern Caucasus – Challenges and Visions. Study Groups Regional Stability in Southern Caucasus Security Sector Reform. 2004. С. 12–33.
- Aliriza B.* Turkey and the Crisis in the Caucasus // CSIS Commentary. 2008. Vol. 9. P. 1–3.
- Ayman S.G.* Turkey and Iran: Between friendly competition and fierce rivalry // Arab Studies Quarterly. 2014. Vol. 36. № 1. P. 6–26.
- Babali T.* Turkey's foreign policy towards the Transcaucasia after the end of the Cold War (1991–1995). London: School of Oriental & African Studies University of London, 1996. 49 p.
- Çelikpala M.* From a Failed State to a Weak State? Georgia and Turkish-Georgian Relations // Turkish Yearbook of International Relations. 2005. № 36. P. 159–199.

work together in field development and production of Turkey's giant gas discovery in the Black Sea // Daily Sabah. URL: <https://globuc.com/news/socar-signals->

potential-cooperation-with-tpao-in-black-sea (accessed 12.08.2022).

- Erşen E.* Turkey as a “Regional Stability Contributor” in the South Caucasus // *Orta Asya ve Kafkasya Araştırmaları*. 2013. №. 15. P. 1–19.
- Kazemzadeh H. Kazemzadeh H., Zabanova Y., Weiss A., Jijelava D.* Iran and the South Caucasus After the Nuclear Deal // *Caucasus Analytical Digest (CAD)*. 2017. Vol. 92. 19 p.
- Kouhi-Esfahani M.* Iran’s Foreign Policy in the South Caucasus: Relations with Azerbaijan and Armenia. London: Routledge, 2019. 318 p.
- Misiągiewicz J.* Geopolitics and energy security in the Caspian region // *TEKA Komisji Politologii i Stosunków Międzynarodowych*. 2012. Vol. 7. P. 61–79.
- Phillips D.L.* Diplomatic History: The Turkey-Armenia Protocols. New York: Institute for the Study of Human Rights. Columbia University. 2012. 139 p.
- Sadegh-Zadeh K.* Iran’s strategy in the South Caucasus // *Caucasian Review of International Affairs*. 2008. Bd. 2. № 1. P. 35–41.
- Smith R.* The Politics of Genocide and the Turkey-Armenia Protocols // *Zoryan Institute Website*. 2009. Vol. 21. P. 1–4.
- Souleimanov E., Pikal K., Kraus J.* The Rise of Nationalism Among Iranian Azerbaijanis: A Step Toward Iran's Disintegration? // *Middle East Review of International Affairs (Online)*. 2013. Vol. 17. №. 1. P. 71–91.
- The Turkey, Russia, Iran Nexus: Evolving Power Dynamics in the Middle East, the Caucasus, and Central Asia / S. Brannen (ed.)*. London: Strategic International Studies, 2013. 48 p.
- Therme C.* Iranian Foreign Policy towards the South Caucasus: Between Revolutionary Ideals and Realpolitik // *Reassessing Security in the South Caucasus: Regional Conflicts and Transformation*. 2011. P. 137–154.

REFERENCES

- Agazade M.M.* Azerbaidzhano-iranskie otnosheniya: osnovnye napravleniya i osobennosti v 1991–2019 gg. (istoriograficheskiy obzor) // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 21. № 4. P. 803–821.
- Dudaiti A.K.* Vmeste s Rossiei: problemy formirovaniya, evolyutsii i sovremennoe sostoyanie rossiiskoi gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze // *Problemy vseobshchei istorii i politologii: sbornik nauchnykh trudov*. Vladikavkaz, 2014. S. 12–30.
- Dudaiti A.K.* Vozmozhno li budushchee Kavkaza v Evraziiskom soyuze? // *Problemy vseobshchei istorii i politologii: sbornik nauchnykh trudov*. Vladikavkaz: SOIGSI, 2014. S. 152–162.
- Forster P.* The paradox of policy: American interests in the post-9/11 Caucasus // *Security Sector Governance in Southern Caucasus – Challenges and Visions*. Study Groups Regional Stability in Southern Caucasus Security Sector Reform. 2004. S. 12–33.
- Aliriza B.* Turkey and the Crisis in the Caucasus // *CSIS Commentary*. 2008. Vol. 9. P. 1–3.
- Ayman S.G.* Turkey and Iran: Between friendly competition and fierce rivalry // *Arab Studies Quarterly*. 2014. Vol. 36. №. 1. P. 6–26.
- Babali T.* Turkey's foreign policy towards the Transcaucasia after the end of the Cold War (1991–1995). London: School of Oriental & African Studies University of London, 1996. 49 p.
- Çelikkpala M.* From a Failed State to a Weak State? Georgia and Turkish-Georgian Relations // *Turkish Yearbook of International Relations*. 2005. № 36. P. 159–199.
- Erşen E.* Turkey as a “Regional Stability Contributor” in the South Caucasus // *Orta Asya ve Kafkasya Araştırmaları*. 2013. №. 15. P. 1–19.
- Kazemzadeh H. Kazemzadeh H., Zabanova Y., Weiss A., Jijelava D.* Iran and the South Caucasus After the Nuclear Deal // *Caucasus Analytical Digest (CAD)*. 2017. Vol. 92. 19 p.
- Kouhi-Esfahani M.* Iran’s Foreign Policy in the South Caucasus: Relations with Azerbaijan and Armenia. London: Routledge, 2019. 318 p.
- Misiągiewicz J.* Geopolitics and energy security in the Caspian region // *TEKA Komisji Politologii i Stosunków Międzynarodowych*. 2012. Vol. 7. P. 61–79.
- Phillips D.L.* Diplomatic History: The Turkey-Armenia Protocols. New York: Institute for the Study of Human Rights. Columbia University. 2012. 139 p.

- Sadegh-Zadeh K.* Iran's strategy in the South Caucasus // *Caucasian Review of International Affairs*. 2008. Bd. 2. № 1. P. 35–41.
- Smith R.* The Politics of Genocide and the Turkey-Armenia Protocols // *Zoryan Institute Website*. 2009. Vol. 21. P. 1–4.
- Souleimanov E., Pikal K., Kraus J.* The Rise of Nationalism Among Iranian Azerbaijanis: A Step Toward Iran's Disintegration? // *Middle East Review of International Affairs (Online)*. 2013. Vol. 17. №. 1. P. 71–91.
- The Turkey, Russia, Iran Nexus: Evolving Power Dynamics in the Middle East, the Caucasus, and Central Asia* / S. Brannen (ed.). London: Strategic International Studies, 2013. 48 p.
- Therme C.* Iranian Foreign Policy towards the South Caucasus: Between Revolutionary Ideals and Realpolitik // *Reassessing Security in the South Caucasus: Regional Conflicts and Transformation*. 2011. P. 137–154.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дудайти Альберт Константинович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Всеобщей истории ФБГОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», E-mail: adudaiti@mail.ru

Albert K. Dudaiti – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History of the North Ossetian State University, E-mail: adudaiti@mail.ru

Особенности российского влияния на обеспечение региональной безопасности на Южном Кавказе

А. С. Буторов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0796-6695>, e-mail: butorov-as@rudn.ru

Г. М. Турава

Выпускник Российского университета дружбы народов, Москва, Россия e-mail: giorga939@mail.ru.

С. М. Плиев

Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Республика Южная Осетия

Аннотация. В статье рассматривается геополитическая ситуация, сложившаяся в регионе Южного Кавказа после очередной эскалации Нагорного-Карабахского конфликта осенью 2020 г. Затянувшийся кровопролитный конфликт вокруг проблемы принадлежности Нагорного Карабаха привел к обострению проблемы региональной безопасности, затрагивая интересы Армении, Азербайджана, России, Турции, Ирана, США. Отмечается, что новые реалии усиливающейся конкуренции за политическое и экономическое лидерство в регионе сопровождаются сложными внутривосточными процессами и усилением борьбы за влияние в регионе внешних акторов, что в значительной степени актуализирует проблему обеспечения региональной безопасности. В работе приведены примеры развития ВТС некоторых государств Южного Кавказа с внерегиональными игроками, в частности особенности ВТС между Баку и Анкарой.

Ключевые слова: Южный Кавказ, безопасность, геополитические интересы, аналитические центры, конфликты, США, Турция, РФ, Иран, переговорный формат «3+3».

Для цитирования: Буторов А. С., Турава Г. М., Плиев С. М. Особенности российского влияния на обеспечение региональной безопасности на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2022;8(5):780-786.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО № 21–514–07001.

Peculiarities of Russian Influence on Ensuring Regional Security in the South Caucasus

Alexey S. Butorov

RUDN University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0796-6695>, e-mail: butorov-as@rudn.ru

G.M. Turava

RUDN University, Moscow, Russia, e-mail: giorga939@mail.ru

G.M. Pliev

South Ossetian State University, Tskhinvali, Republic of South Ossetia

Abstract. The article examines the geopolitical situation that has developed in the South Caucasus region after another escalation of the Nagorno-Karabakh conflict in the fall of 2020. The protracted bloody conflict over the problem of Nagorno-Karabakh's ownership has led to an aggravation of the problem of regional security, affecting the interests of Armenia, Azerbaijan, Russia, Turkey, Iran, and the United States. It is noted that the new realities of increasing competition for political and economic leadership in the region are accompanied by complex internal political

processes and an intensification of the struggle for influence in the region of external actors, which to a large extent actualizes the problem of ensuring regional security. The paper gives examples of the development of military-technical cooperation between some states of the South Caucasus with non-regional players, in particular, the features of military-technical cooperation between Baku and Ankara.

Key words: South Caucasus, security, geopolitical interests, analytical centers, conflicts, USA, Turkey, Russia, Iran, negotiation format "3 + 3".

For citation: Alexey S. Butorov, Georgy M. Turava, Soslan M. Pliev Peculiarities of Russian Influence on Ensuring Regional Security in the South Caucasus // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;8(5):780-786. (In Russ.)

Acknowledgment: the reported study was funded by RFBR, project № 21-514-07001

Географически Южный Кавказ представляет из себя регион, расположенный на границе Восточной Европы и Юго-Западной Азии, южнее Главного хребта Большого Кавказа. В России рассматриваемый регион принято также называть Закавказьем. В регионе расположены пять государств: Абхазия, Азербайджан, Армения, Грузия, Южная Осетия и одна непризнанная республика — Нагорный Карабах (НКР). Страны Южного Кавказа граничат на севере с Российской Федерацией, на юге — с Турцией и Ираном; морские границы региона проходят по Каспийскому и Черному морям. В последнее время в научном сообществе выдвигается концепция «системы трех морей», где Южный Кавказ является частью более обширного региона, простирающегося до Средиземного моря включительно. Признается, что «Южный Кавказ занимает в этой системе важное в геополитическом и геоэкономическом плане место». Данный регион бесспорно является стратегически важным транспортным узлом, где пересекаются коммуникации и торговые пути с Востока на Запад и с Юга на Север [Иванов 2019: 41-52].

Объективной представляется оценка доктора политических наук, профессора Давтяна В.С., согласно которой нарастающая на Южном Кавказе конкуренция за интеграцию в международные транспортно-логистические коридоры продолжает детерминировать ход и логику

геополитических процессов в регионе [Давтян, Маргарян 2022: 123-135].

Сложные внутривосточные процессы в регионе Южного Кавказа усиливаются борьбой за влияние между внешними центрами силы, что приводит порою к непредсказуемому развитию ситуации и эскалациям замороженных конфликтов, и обострению противоречий [Борзова, Савичева, Кулумбегова 2022: 138-146].

Через кровопролитных конфликтов, восходящих своими истоками к периоду распада СССР и провозглашения независимости государств Южного Кавказа, сопровождаемая ростом национализма и внутривосточной борьбы привела к состоянию неурегулированности противоречий между молодыми республиками региона и вызовам безопасности южных границ России.

Объективно, что Россия, будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН и сопредельное государство с особой тревогой следит за региональными конфликтами на Южном Кавказе и прилагает максимум усилий с целью недопущения их перерастания в локальные войны или вооруженные столкновения в регионе [Иванов 2011: 78–86]. Особую озабоченность в Москве вызывают попытки вне региональных государств, в первую очередь США и стран НАТО, расширить свое военное присутствие в регионе. Частота совместных учений и маневров с участием объединенных вооруженных сил НАТО в акватории Черного моря, а также на

¹ Генеральный секретарь НАТО отмечает важность совместной подготовки сил стран НАТО и Грузии //

https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_193624.htm?selectedLocale=ru (Дата обращения 17.11.2022)

территориях Грузии и Азербайджана является подтверждением этих устремлений и актуальности тревог Москвы. Следует отметить, что Иран также категорически против вовлечения в дела Южного Кавказа нерегиональных акторов [Иванов 2019: 41-52]. Российская позиция в определенных аспектах совпадает с подходами Тегерана, т.к. превращение Азербайджана в турецкий плацдарм в регионе и, как следствие, усиление в этой стране позиций США, НАТО и Израиля вызывают все большее раздражение в Иране¹.

С распадом СССР вне региональные акторы сумели распространить свое влияние на постсоветское пространство. Одновременно с этим начался процесс расслоения региона на страны, видящие свое будущее в союзе с Россией; ориентирующиеся на тесное взаимодействие с Западом во главе с США; декларирующие свой нейтральный статус и, наконец, дрейфующие от одного центра силы к другому, в зависимости от международной и внутренней конъюнктуры [Курьлев, Галоян, Станис, Бредихин 2018: 108-118.]. Армения, Грузия и Азербайджан, образуя регион Южного Кавказа, относятся к разным группам, имея различную внешнеполитическую ориентацию. К первой группе представляется возможным отнести Армению, которая является стратегическим партнером РФ и активно участвует в региональной интеграции (Армения – член ЕАЭС и ОДКБ). Во вторую группу входит Грузия, которая провозгласила целью своей внешней политики интеграцию в евроатлантические структуры. Наконец, Азербайджан – представитель третьей группы, ввиду того что страна не хочет вступать ни в НАТО, ни в ОДКБ. Вместо этого Баку примкнул к Движению

неприсоединения, а также не стоит забывать, что Азербайджан и Турция взаимодействуют по формуле «один народ – два государства».

Ввиду исторической общности РФ рассматривает постсоветское пространство, включая рассматриваемый регион, как зону исключительных интересов. Согласно Концепции внешней политики РФ, приоритетными направлениями внешней политики Кремля являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием². В документе отмечается активная роль России в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве. В Военной доктрине РФ указано, что приоритетным направлением является взаимодействие с государствами-членами ОДКБ для обеспечения коллективной безопасности и совместной обороны, а также государствами-участниками СНГ для поддержания региональной и международной безопасности³. Близкие оценки были даны роли постсоветского пространства в Стратегии национальной безопасности РФ 2015 г., в которой отмечалась особая роль развития региональной и субрегиональной интеграции в контексте обеспечения национальной безопасности России⁴. В актуальной редакции Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. отмечается, что «продолжается эскалация напряженности в зонах конфликтов на постсоветском пространстве»⁵.

Таким образом, мы видим, что постсоветское пространство занимает приоритетное место во внешнеполитической деятельности Кремля. Россия является ведущей силой интеграционных процессов в

¹ С. Иванов Южный Кавказ: иранский фактор <http://infoshos.ru/ru/?idn=32102> (Дата обращения: 17.11.2022)

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (Дата обращения 17.11.2022)

³ Военная доктрина Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. // Официальный сайт Президента России. URL:

<http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (Дата обращения: 17.11.2022 г.)

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (Дата обращения: 17.11.2022)

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (Дата обращения: 17.11.2022)

регионе, обладая значительным экономическим и военным потенциалом: будучи экспортером минеральных и технологических ресурсов; обладает огромным рынком, открывая его для товаров из стран региона; является реципиентом трудовых мигрантов. Более того, Москва является крупнейшей военной силой, а также - «ядерным зонтом» для членов ОДКБ. Для РФ вопросы региональной безопасности Южного Кавказа носят принципиальный характер в том числе по причине географической близости, т. к. в состав России входят семь субъектов Северо-Кавказского федерального округа.

Рассматривая проблемы безопасности на Южном Кавказе, в первую очередь следует отметить наличие неурегулированных конфликтов между Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией, конфликт в Нагорном Карабахе. Учитывая специфику конфликтного потенциала региона, Москва стремится проводить политическую линию, направленную на поддержание баланса сил

на Южном Кавказе. Особенно данный подход проявляется в сохранении статус-кво в кооперации с Арменией и Азербайджаном. С одной стороны, мы можем назвать российско-армянские отношения союзническими, т.к. Ереван участвует во всех региональных интеграционных форматах, инициированных Россией. В Армении также дислоцируется 102-я российская военная база. С другой стороны, Россию и Азербайджан связывают отношения «стратегического характера»¹, в рамках которых развивается в том числе в области ВТС.

Одним из ключевых аспектов региональной безопасности является, на наш взгляд, ВТС со странами региона, а также собственное развитие ВПК. СИПРИ, специализирующийся на исследованиях проблем мира и конфликтов, прежде всего, вопросах контроля над вооружениями и разоружения, предоставляет следующие данные по военным расходам среди стран региона (См. табл. 1).

Таблица 1.

Военные расходы в регионе Южного Кавказа (по выбранным странам) в 2008-2021 гг., в млн. долл.²

Страна	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Армения	365	380	397	364	373	420	426	461	453	464	524	653	634	601
Азербайджан	1932	1707	1616	3075	3191	3227	3239	3442	2296	1676	1763	1905	2238	2589
Грузия	806	491	368	331	344	313	303	270	290	294	302	298	288	288
Россия	43049	45166	46085	49183	56986	59763	64049	69033	74006	59969	57709	60296	61713	63485

Следует отметить, что расходы Армении на военные расходы последовательно росли, в то время как военные расходы Азербайджана значительно сократились в 2015 г., после чего продолжили повышаться, однако в абсолютных цифрах военные расходы Республики Армения уступают Азербайджанской стороне в три-четыре раза на протяжении десяти лет, что не могло не сказаться на результатах Нагорно-Карабахского конфликта осенью 2020 года. Что касается Грузии, то расходы на военный комплекс после значительного роста в 2008 г. неуклонно сокращаются и по региону

Грузия занимает последнее место по объему средств, выделяемых на военную сферу. Помимо этого, Россия является одним из крупнейших экспортеров вооружения в Армению и Азербайджан. Необходимо подчеркнуть, что военно-политическое сотрудничество России с Арменией и Азербайджаном, как известно, основано на поддержании интегрального паритета взаимоотношений, с целью поддержки регионального военного баланса. Для Москвы кооперация со странами региона в ВТС является важным фактором сохранения рычагов влияния на ситуацию в регионе.

¹ Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией от 3 июля 2008 г. // Официальный сайт Президента России. URL:

<http://kremlin.ru/supplement/250> (Дата обращения: 17.11.2022)

² SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://milex.sipri.org/sipri>

Для Армении ВТС с Россией является принципиальным, что подтверждается результатами исследования СИПРИ, согласно которому Армения за 2016-2020 гг. импортировала 94% вооружения из России¹. Среди закупок – системы ПВО, самолеты, баллистические ракеты и артиллерия.

Однако следует отметить, что Армения существенно развивает военно-техническую кооперацию с Индией и КНР². согласно сообщениям СМИ Индия, поставит Армении крупную партию вооружений и боеприпасов на сумму почти в 250 млн долл., что возможно будет свидетельствовать о значительной диверсификации ключевых поставщиков вооружений для армянского государства³. Безусловно, масштабы закупок вооружений армянской стороной уступают аналогичным Азербайджана, о чем свидетельствует представленная выше таблица СИПРИ. Армения закупает российскую военную технику по льготным ценам (будучи членом ОДКБ), а также часть поставляемых вооружений и военной техники Россия передает странам ОДКБ безвозмездно в рамках совместного оборонного строительства, либо заключаемых соглашений об оказании военной помощи⁴.

Что касается Азербайджана, то это крупный российский партнер в сфере закупок вооружений в СНГ. Помимо России, Азербайджан активно закупал вооружения у Украины и Беларуси, а с 1990-х гг. он активно развивает ВТС с Турцией, Израилем, западноевропейскими странами, США, а также Пакистаном⁵. Отдельного внимания заслуживает исследование СИПРИ, согласно которому в период с 2016 по 2020 год 69%

азербайджанского импорта вооружения пришелся на Израиль, 17% - на Россию⁶. Израильские поставки в Азербайджан включали беспилотные летательные аппараты, баллистические ракеты и барражирующие боеприпасы, в то время как Россия поставляла в основном бронетехнику и артиллерию.

Таким образом, мы видим, что военно-техническое взаимодействие России с Арменией и Азербайджаном весьма показательно в контексте соблюдения регионального баланса сил. Россия выступает основным поставщиком вооружений и военной техники, как для Еревана, так и для Баку. Очевидно, что Кремль старается не допустить нарушения сложившегося динамического равновесия на Южном Кавказе. Россия должна продолжать поддерживать мир и стабильность на Кавказе, чтобы исключить перевод конфликтов в «горячую» стадию, иначе это может иметь негативные последствия для интересов безопасности России.

Крайне сложно складываются взаимоотношения России и Грузии, которые характеризуются резкой сменой динамики их развития. Достигнув своей низшей точки в 2008 г., определенное улучшение наметилось в начале 2010-х гг., особенно в торгово-экономической сфере. Однако очередной кризис 2019 г. с последующей отменой прямого авиасообщения между Россией и Грузией подтвердил отсутствие конструктивной повестки дня в двусторонних политических отношениях. Сохраняющиеся системные противоречия между Россией и Грузией заключаются в том, что Грузия стремится интегрироваться в

¹ Trends In International Arms Transfers, 2020 // https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-03/fs_2103_at_2020.pdf

² Армения и Китай подписали соглашение в области обороны// Синьхуа Новости, 15.04.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-04/15/c_136210409.htm (Дата обращения: 17.11.2022).

³ Папикян обсудил с главой МО Индии военно-техническое сотрудничество и пригласил в Армению <https://ru.armeniasputnik.am/20221018/papikyan-obsudil-s-glavoy-mo-indii-voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-i-priglasil-v-armeniyu-49967503.html> (Дата обращения: 17.11.2022).

⁴ Хетагуров А. Военно-техническое сотрудничество России: страны СНГ // РСМД, 11.11.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-strany-sng/>

⁵ Хетагуров А. Военно-техническое сотрудничество России: страны СНГ // РСМД, 11.11.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-strany-sng/>

⁶ Trends In International Arms Transfers, 2020 // https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-03/fs_2103_at_2020.pdf

ЕС и НАТО, а также развивает военное сотрудничество с Турцией, что вызывает беспокойство Москвы в первую очередь в контексте обеспечения безопасности.

Подводя итог следует подчеркнуть, что Вторая карабахская война между Азербайджаном и Арменией, ставшая обострением конфликта осенью 2020 г. в значительной степени изменила геополитическую ситуацию в регионе Южного Кавказа и привела к развертыванию миротворческого контингента РФ вдоль линии соприкосновения в Нагорном Карабахе¹. Трёхсторонняя встреча, прошедшая в октябре 2022 года в г. Сочи в ходе которой была обсуждена реализация предшествующих заявлений 2020 и 2021 годов, не привела к подписанию окончательного мирного соглашения, но

подтвердила готовность сторон к соблюдению договоренностей в интересах нормализации азербайджано-армянских отношений, обеспечения мира, стабильности, безопасности и устойчивого экономического развития Южного Кавказа².

Россия, будучи одним из сопредседателей Минской группы, выступающей посредником в конфликте, остается ключевым актором на Южном Кавказе и во многом определяет уровень стабильности и безопасности в регионе. Однако, в новых условиях развивающейся конкуренции за политическое и экономическое лидерство в регионе Южного Кавказа в ближайшей и среднесрочной перспективе Москве необходимо быть готовой к новым вызовам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Markedonov S., Suchkov M.* Russia and the United States in the Caucasus: cooperation and competition // *Caucasus Survey*. 2020. Vol. 8. № 2. P. 179-195.
- Аватков В.А.* Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? // *Мировая экономика и международные отношения*, 2022, т. 66, № 2. Сс. 90-100.
- Аватков В.А., Касьяненко А.В.* Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия-Турция-Иран» // *Мировая политика*, 2021. № 3. С. 1-18.
- Агазаде М.М.* Вторая карабахская война: кто на самом деле победитель? // *Постсоветские исследования*. 2021;2(4):119-126.
- Борзова А.Ю., Савичева Е.М., Кулумбегова Л.Т.* Проблемы безопасности на Южном Кавказе в исследованиях зарубежных аналитических центров // *Постсоветские исследования*. 2022;2(5):138-146.
- Давтян В., Маргарян Н.* Транспортные коммуникации Южного Кавказа после войны в Нагорном Карабахе. Россия и новые государства Евразии, 2022, № I (LIV), сс. 123-135.
- Ибрагимов А.Г.* Основные принципы и приоритеты внешней политики Азербайджанской Республики // *Постсоветские исследования*. 2021;2(4):96-103.
- Иванов С.М.* Россия и проблемы региональной безопасности на постсоветском пространстве // *Мировая экономика и международные отношения*, 2011. № 11. С. 78-86.
- Иванов С.М.* Ситуация в Закавказье и ее влияние на международную и региональную безопасность. – *Международная жизнь*. – 2019. – № 3. – С. 114 – 119.
- Иванов С.М.* Южный Кавказ в региональной геополитике // *Дипломатическая служба*, 2019. № 2 (83). С. 41-52.
- Курьлев К., Галоян Н., Станис Д., Бредихин А.* Соблюдение баланса сил на Южном Кавказе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 3, С. 108-118.

¹ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации <https://www.mid.ru/ru/vyskazyvaniya-po-teme/id/1446283/> (Дата обращения: 17.11.2022).

² Совместное заявление лидеров России, Азербайджана и Армении по Карабаху. Стенограмма <https://rg.ru/2022/10/31/sovmestnoe-zaiavlenie-liderov-rossii-azerbajdzhana-i-armenii-po-karabahu-stenogramma.html> (Дата обращения: 17.11.2022).

- Курьлев К.П., Мачавариани Г.Г.* Внешняя политика Грузии на Южном Кавказе: 1991-2016 гг. Москва, 2019.
- Мачавариани Г.Г.* Безопасность на Южном Кавказе в отношениях Грузии с Арменией и Азербайджаном // Постсоветские исследования. 2021;2(4):130-138.

REFERENCES

- Agazade M.M.* Vtoraya karabahskaya vojna: kto na samom dele pobeditel'? // Postsovetskie issledovaniya. 2021;2(4):119-126.
- Avatkov V.A.* Turciya i Azerbajdzhan: odna naciya – odno gosudarstvo? // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2022, t. 66, № 2. Ss. 90-100.
- Avatkov V.A., Kas'yanenko A.V.* Voenno-politicheskie otnosheniya na YUzhnom Kavkaze v kontekste treugol'nika «Rossiya-Turciya-Iran» // Mirovaya politika, 2021. № 3. S. 1-18.
- Borzova A.YU., Savicheva E.M., Kulumbegova L.T.* Problemy bezopasnosti na YUzhnom Kavkaze v issledovaniyah zarubezhnyh analiticheskikh centrov // Postsovetskie issledovaniya. 2022;2(5):138-146.
- Davtyan V., Margaryan N.* Transportnye kommunikacii YUzhnogo Kavkaza posle vojny v Nagornom Karabahe. Rossiya i novye gosudarstva Evrazii, 2022, № I (LIV), ss. 123-135.
- Ibragimov A.G.* Osnovnye principy i priority vneshnej politiki Azerbajdzhanskoj Respubliki // Postsovetskie issledovaniya. 2021;2(4):96-103.
- Ivanov S.M.* Rossiya i problemy regional'noj bezopasnosti na postsovetskom prostranstve // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2011. № 11. S. 78-86.
- Ivanov S.M.* Situaciya v Zakavkaz'e i ee vliyanie na mezhdunarodnuyu i regional'nuyu bezopasnost' // Mezhdunarodnaya zhizn', 2019. № 3. S. 114-119.
- Ivanov S.M.* YUzhnyj Kavkaz v regional'noj geopolitike // Diplomaticeskaya sluzhba, 2019. № 2 (83). S. 41-52.
- Kurylev K., Galoyan N., Stanis D., Bredihin A.* Soblyudenie balansa sil na YUzhnom Kavkaze // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. T. 62. № 3, S. 108-118.
- Kurylev K.P., Machavariani G.G.* Vneshnyaya politika Gruzii na YUzhnom Kavkaze: 1991-2016 gg. Moskva, 2019.
- Machavariani G.G.* Bezopasnost' na YUzhnom Kavkaze v otnosheniyah Gruzii s Armeniej i Azerbajdzhanom // Postsovetskie issledovaniya. 2021;2(4):130-138.
- Markedonov S., Suchkov M.* Russia and the United States in the Caucasus: cooperation and competition // Caucasus Survey. 2020. Vol. 8. № 2. P. 179-195.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Буторов Алексей Сергеевич, к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН. Москва, Россия. (E-mail: butorov-as@rudn.ru)

Aleksey S. Butorov, PhD in history, Senior Teacher of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University, Moscow, Russia (E-mail: butorov_as@pfur.ru)

Турава Георгий Мерабиевич аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия (E-mail: giorga939@mail.ru)

Georgy M. Turava, graduate of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia (E-mail: giorga939@mail.ru)

Плиев Сослан Муратович, к.п.н., доцент кафедры политологии и социологии ЮОГУ им. А.А Тибилова; старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории ЮОНИИ им. З.Н. Ванеева, Цхинвал Республика Южная Осетия

Soslan M. Pliev, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology, Yu. A.A. Tibilova; senior researcher of the Department of Modern and Contemporary History of Yuoniya named after I.I. Z.N. Vaneeva, Tskhinval, Republic of South Ossetia.

Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии

А. В. Енокян

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5758-7637>, e-mail: artyomyen@gmail.com

Д. В. Станис

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9824-0365>, e-mail: stanis_dv@rudn.university.ru

Аннотация. В контексте своей политики на Южном Кавказе Турция особое место уделяет Грузии, которая в связи с трудностями в армяно-азербайджанских и армяно-турецких отношениях приобрела роль надежного моста не только к важным партнёрам – Азербайджану и тюркоязычным странам Центральной Азии, но и к другим пространствам: Россия на севере, Центральная Азия на востоке, Ближний Восток на юге и Европа на западе. При анализе турецкого влияния в Грузии наиболее интересным и изученным является рассмотрение фактора турецкой «мягкой силы», которая чуть ли не считается образцовой по своей успешности в постсоветском пространстве. Однако данный процесс не был столь гладок и часто встречал противодействие со стороны других групп интересов, которые, ссылаясь на «исторический контекст», рассматривали Турцию не как «доброе соседство», а как «угрозу» внутренней безопасности. В начале XXI в. Турция концептуально разработала и начала в полной мере применять свою политику мягкого воздействия в странах региона, особенно активно в Азербайджане и Грузии. Результатом стало то, что у Турции сложились близкие и даже союзнические отношения с двумя из трех южнокавказских государств. Значимость и влияние Турции в регионе сопровождается успешной региональной политикой, которая с помощью «мягкой силы» привлекает государства Южного Кавказа учитывать фактор Турции в регионе и считаться с ним.

Ключевые слова: Турция, Грузия, внешняя политика, «мягкая сила», культура, образовательная политика, ТІКА, Фонд Юнуса Эмре, Diyanet, гюленовское движение.

Для цитирования: Енокян А. В., Станис Д. В. Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии // Постсоветские исследования. 2022;8(5):787-798.

The factor of soft power in the promotion of the Turkish interests in Georgia

Artem V. Yenokyan

RUDN University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5758-7637>, e-mail: artyomyen@gmail.com

Daria V. Stanis

RUDN University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9824-0365>, e-mail: stanis_dv@rudn.university.ru

Abstract. In the context of its policy in the South Caucasus, Turkey pays special attention to Georgia, which due to the difficulties in the Armenian-Azerbaijani and the Armenian-Turkish relations has acquired the role of a reliable bridge not only to important partners - Azerbaijan and Turkic-speaking countries of Central Asia, but also to other sides: Russia to the north, Central Asia to the east, the Middle East to the south and Europe to the west. While analyzing the Turkish influence in Georgia, the most interesting and studied issue is the consideration of the Turkish “soft power” factor, which is almost considered to be exemplary in terms of its success in the post-Soviet space. However, this process was not so smooth and often met with opposition from other interest groups,

which, referring to the "historical context", saw Turkey not as a "good neighbor" but as a "threat" to internal security. At the beginning of the XXI century, Turkey conceptually developed and began to fully apply its policy of soft influence in the countries of the region, especially actively in Azerbaijan and Georgia. In the result, Turkey has developed close and even allied relations with two states of the three South Caucasian ones. The importance and influence of Turkey in the region is accompanied by a successful regional policy, which, with the help of "soft power", attracts the states of the South Caucasus to take into account the factor of Turkey in the region and to reckon with it.

Keywords: Turkey, Georgia, foreign policy, "soft power", culture, education policy, TİKA, Yunus Emre Foundation, Diyanet, Gülen movement.

For citation: Artem V. Yenokyan, Daria V. Stanis. The Factor of "Soft Power" in the Promotion of The Turkish Interests in Georgia // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;8(5):787-798. (In Russ.)

Интересы Турции в Грузии.

С активизацией региональной политики после 2002 г. Грузия с турецкой стороны была определена как жизненно важная артерия и мост между Западом и Востоком, стратегическое расположение которой играет одну из ключевых ролей в реализации региональных и международных транспортно-логистических проектов.

После провозглашения независимости стран Южного Кавказа свою деятельность в регионе активизировали как региональные, так и глобальные акторы международных отношений. Среди этих акторов Турция также внедряется в регион с целью создания своей зоны влияния, а в условиях Карабахского конфликта, армяно-турецких, армяно-азербайджанских непростых взаимоотношений Грузия приобрела особо важную роль в региональной политике Турции.

В регионе Южного Кавказа Грузия всегда находилась в зоне особых интересов Турции, а его «стратегическое значение можно объяснить сочетанием политических, экономических, культурно-исторических и этнических факторов» [Areshev 2016: 7–21]. Турция также отмечала стратегическое значение Грузии во своей внешней политике из-за ее географического положения, «имеющей выход на четыре важнейших геополитических пространства: Россию на севере, Центральную Азию на востоке, Ближний Восток на юге и Европу на западе» [Мгалоблишвили 2016: 72].

16 декабря 1991 г. Турция была первой страной, которая признала независимость Грузии, однако дипломатические отношения между Турцией и Грузией установились 21 мая 1992 г., после того как Эдуард Шеварднадзе смог вернуться в Грузию и занять пост председателя Государственного совета (фактически глава Грузии). На политические изменения в Грузии Турция положительно отреагировала, чему последовали визит премьер-министра Турции С. Демиреля в Грузию и в 30 июля 1992 г. подписание договора о «Дружбе и сотрудничестве» [Охрименко 2008], который стал основным документом двусторонних взаимоотношений.

Двусторонние отношения между Турцией и Грузией начали стремительно развиваться в начале 2000-х гг. Активизация закавказского направления внешней политики Турции в этот период связана с концепциями А. Давутоглу по пересмотру региональной политики и со сменой власти в Грузии после Революции роз в 2003 г.

Важным событием прозападной и протурецкой ориентации Грузии стала так называемая «Революция роз» в октябре 2003 г. и приход к власти М. Саакашвили, после чего в Концепции национальной безопасности Грузии (2005 г.) приоритетами внешней политики страны было провозглашено членство в НАТО и ЕС, а также сотрудничество с Турцией¹.

Активизация политики Анкары сопровождалась уменьшением роли России,

¹ Концепция национальной безопасности Грузии (2005 г.) // *Новости Грузии*. 15.10.2010. URL:

<https://newsgeorgia.ru/spravki/20100509/213153512.htm>
1 (дата обращения: 14.02.2021).

что особо проявилось после вооружённых конфликтов 2008 года и признания Россией Абхазии и Южной Осетии. Турция, укрепив свои позиции, проявила особый интерес к роли лидера в регионе и сделала попытку пополнить вакуум, который был образован после расторжения отношений между Россией и Грузией [Алексамян 2017: 308]. Для достижения этого лидерства была предложена турецкая инициатива создания «Платформы сотрудничества и безопасности на Кавказе», где планировалось в состав этой платформы включить три страны региона, Турцию и Россию [Манчхашвили 2010: 101]. В силу слабого регионального влияния Турции, существующих противоречий и конфликтов, отсутствия США и ЕС в инициативе данный план не был реализован [Aras 2011: 64]. В итоге Платформа продемонстрировала ограниченные возможности Турции в регионе [Balci 2014].

Однако с неудачей платформы Турция не ослабила свою политику в регионе и продвигала свои интересы через процесс развития отношений в трехстороннем формате Грузия-Турция-Азербайджан, в рамках чего 8 июня 2012 г. стороны подписали Трабзонскую декларацию. Согласно декларации стороны, обязались поддерживать друг друга в международных организациях, сотрудничать в вопросе урегулирования конфликтов в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии основываясь на международно-признанных границах Азербайджана и Грузии, развивать сотрудничество в вопросах экономики, культуры, инфраструктуры и прямых капиталовложений¹. Таким образом, при сложных армяно-азербайджанских и армяно-турецких отношениях, Грузия стала единственным и надежным выходом для Турции в Азербайджан и центральноазиатские тюркоязычные государства, также, наряду с Азербайджаном, Грузия приобрела роль стратегического союзника в регионе.

Характер турецко-грузинских отношений был переосмыслен грузинской стороной после 2012 г., что было обусловлено внутренними и внешними преобразованиями. В октябре 2012 г. оппозиционная коалиция «Грузинская мечта», одержав победу на парламентских выборах, начала искать пути диверсификации внешней политики страны и объявила о приверженности прагматичной политики в регионе. Новая политическая элита обвинила президента М. Саакашвили (2004–2013 гг.) в том, что его антироссийская, явно прозападная и, в контексте этого, протурецкая политика Грузии привела страну к политической, экономической и энергетической зависимости не только от Турции, но и от Азербайджана. Чтобы как-то противодействовать дальнейшему углублению этого влияния «Грузинская мечта» разработала и приняла в парламенте резолюцию о направлениях внешней политики Грузии, согласно которой Грузия подтвердила курс на сохранение прозападной ориентированности и одновременно отказалась от яростной антироссийской риторики в пользу диалога с Россией². Однако Грузия не отказывалась от Турецкого и Азербайджанского экономического влияния, а начала искать альтернатив энергетического баланса в сотрудничестве с Ираном и Россией.

После Второй карабахской войны Баку и Анкара объявили о создании платформы "3+3", в которую, помимо Азербайджана и Турции, должны были войти Россия, Грузия, Иран и Армения. Именно Грузия стала той стороной, которая отказалась участвовать в новом формате. В частности, глава МИД Грузии Д. Залкалиани объявил, что «на данном этапе не видит возможности совместного с Россией участия Грузии в

¹ Trabzon Declaration Of The Ministers Of Foreign Affairs Of The Republic Of Azerbaijan, Georgia And The Republic Of Turkey // Ministry of Foreign Affairs. 08.06.2012. URL: <https://mfa.gov.ge/getattachment/MainNav/ForeignPolic>

y/BilateralRelations/Trabzon-Declaration.pdf.aspx (дата обращения 12.02.2022)

² Полный текст резолюции «О направлениях внешней политики Грузии» // NewsGeorgia. 03.08.2013. URL: <http://www.newsgeorgia.ru/politics/20130308/215583721.html> (дата обращения: 21.04.2022)

новых региональных форматах»¹. Грузия опасалась, что в данном формате у нее будут очень слабые позиции, так как Тбилиси не

устраивает не только участие России, но и отсутствие Запада, ключевых партнеров республики - США и ЕС.

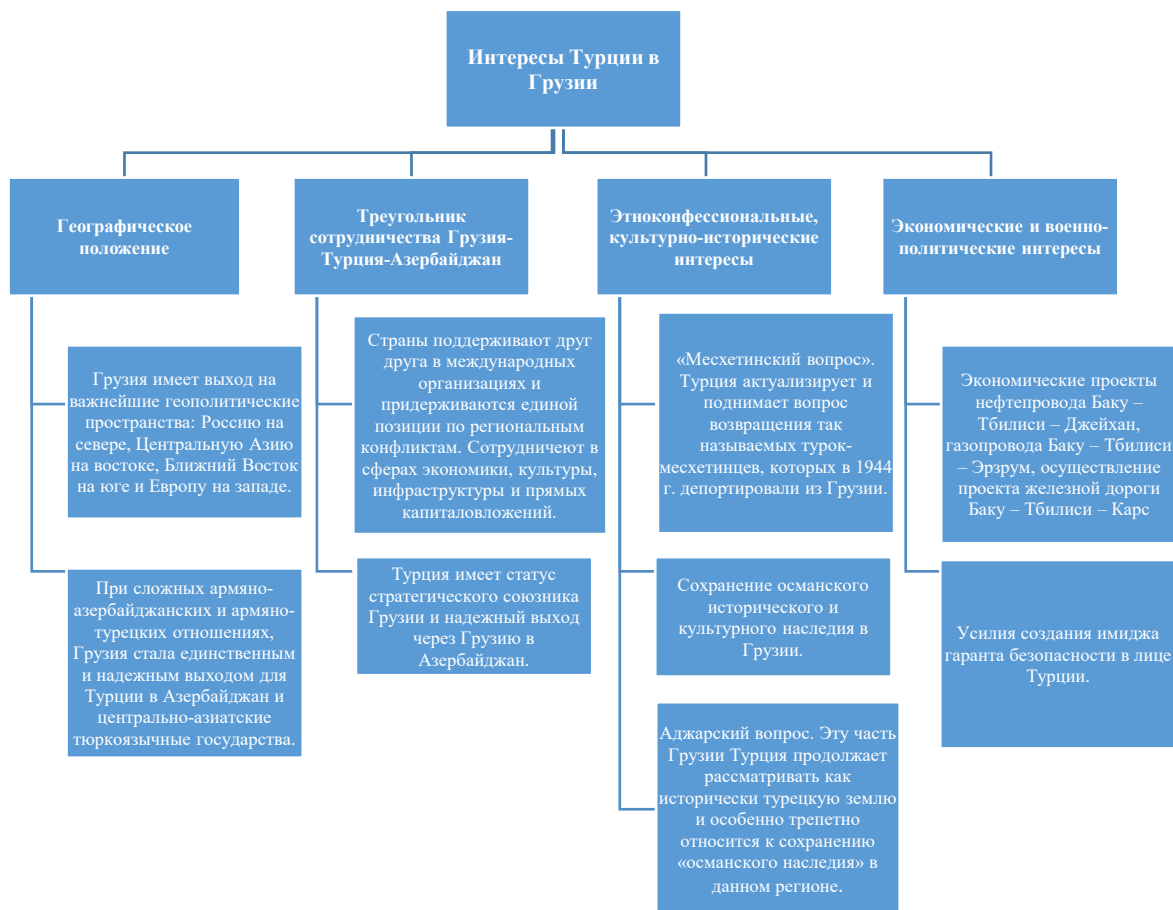

Рисунок 1. Интересы Турции в Грузии.

Однако в турецко-грузинских отношениях существуют и множество проблем, среди которых Грузию особо беспокоят контакты турецкого руководства с Абхазией и Южной Осетией. 19 февраля 2016 г. глава МИД Турецкой Республики М. Чавушоглу на трехсторонней встрече с Азербайджаном и Грузией заявил, что Абхазия и Южная Осетия являются частью Грузии, а Нагорный Карабах – частью

Азербайджана [Карапетян 2017: 92]. Несмотря на такого рода заявления, Турция развивала отношения с Абхазией и не ограничивала антигрузинскую деятельность 700 тысячной абхазской общины Турции [Çelikpala 2005: 180]. В 2014 г. Абхазию посетила официальная делегация парламента Турецкой Республики, также совершались визиты абхазских делегаций в Турцию, чему последовала активизация турецкого бизнеса

¹ Платформа "3+3" – вопросов больше, чем ответов // Спутник Азербайджан. 02.11.2021. URL: <https://az.sputniknews.ru/20211102/platforma-33-->

voprosov-bolshe-chem-otvetov-434787525.html (дата обращения 12.02.2022)

в Абхазии и создание турецко-абхазских ассоциаций [Геворгян, Енокян, Мелконян 2020: 80]. Грузия не раз выражала свой протест насчет налаживания таких отношений между Турцией и Абхазией в обход Тбилиси, но решительных успехов не добивалась.

Также стоит отметить, что Турция спокойно реагировала на попытки Южной Осетии налаживания двухсторонних отношений. Во время пребывания в Стамбуле министр иностранных дел Республики Южная Осетия Дмитрий Медоев вручил Ремзи Канукати удостоверение Полномочного Представителя МИД РЮО и дипломатический паспорт РЮО. Данный шаг подразумевает наличие политических и дипломатических отношений между Анкарой и Цхинвали [Геворгян, Енокян, Мелконян 2020: 80]. Такими контактами Турция стремится обеспечить свое присутствие и продвигать свои интересы не только в признанных, но и непризнанных государствах Южного Кавказа.

Важным аспектом политики Турецкой Республики по отношению к Грузии также является «месхетинский вопрос». Турция актуализирует и поднимает вопрос возвращения так называемых турок-месхетинцев, которых в 1944 г. депортировали из Грузии. Данный вопрос имеет для Турции стратегическое значение: Анкара стремится населять своих соплеменников в регионе Самцхе-Джавахети Грузии, которая преимущественно населена армянами, создавая благоприятные условия для распространения своего влияния в этой части Грузии.

Важным аспектом взаимных интересов стран является безопасность и военное сотрудничество, в рамках чего Турция стала проводником для Грузии в

евроатлантические структуры (Грузия установила первые контакты с НАТО, присоединившись в 1992 г. к Совету североатлантического сотрудничества и в 1994 г. – к программе «Партнерство ради мира»). Одним из важнейших документов в военной сфере стало Соглашение о военном сотрудничестве, подписанное в марте 1999 г. После данного договора грузинская политическая элита охарактеризовала турецко-грузинские военные взаимоотношения как «стратегическое партнерство» [Uslu 2003: 172]. С 2012 года проходят турецко-грузино-азербайджанские военные учения «Кавказский орел» с участием сил специальных операций трех стран, а в мае 2017 г. в Батуми на очередной встрече министров обороны 3 стран, была подчеркнута необходимость более глубокого военного сотрудничества Турция-Грузия-Азербайджан. Говоря о значимости Грузии, турецкие исследователи П. Акпынар и Б. Арас утверждают, что «в интересах Турции продолжать позитивные отношения с Грузией, учитывая безопасность границ и энергетические ресурсы» [Aras 2011: 54].

Экономические интересы имеют ключевое значение в сотрудничестве двух стран, и базируются на договоре «О торговле и экономическом сотрудничестве» (1992 г.) и на «Соглашении о свободной торговле» (2007 г.). Развитие этих взаимоотношений определяются также стремлением Грузии максимально успешно реализовать свой транзитный потенциал в новых энергетических и транспортных проектах региона. Торговые связи охватывают такие области экономики, как энергетика, туризм, финансы, транспорт и т. д. Турция является крупнейшим торговым партнером Грузии с объемом двусторонней торговли в 1,8 млрд долларов США в 2019 г. (см. рис. 2).

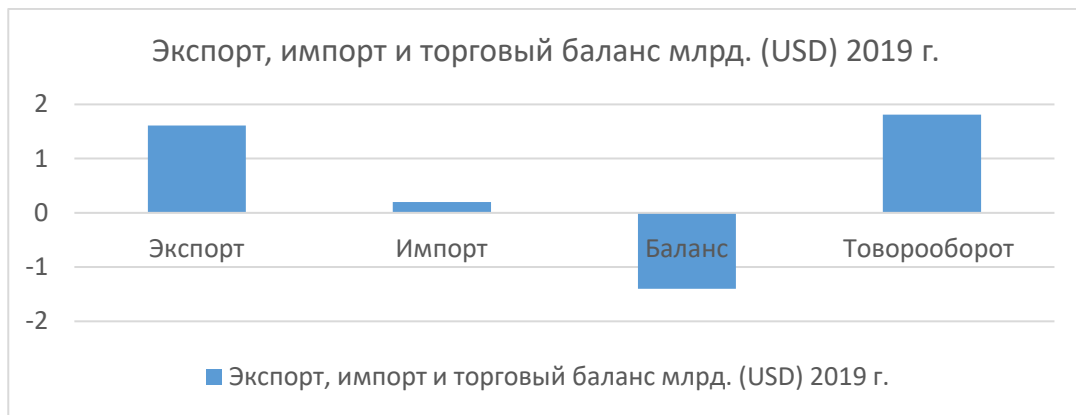

Рисунок 2. Экспорт, импорт и торговый баланс между Турцией и Грузией. 2019 г.¹

Согласно вышеуказанным данным, можно констатировать, что дисбаланс турецко-грузинской торговли высокий, что показывает неспособность грузинской экономической сферы занять место в турецком внутреннем рынке. Ситуация не очень отличается и в области инвестиций. Турецкие компании работают в Грузии в сфере строительства, промышленности, услуг, логистики, они осуществляют деятельность в таких стратегически важных прокатах, как железнодорожное строительство, строительство нефтяных трубопроводов и гидроэлектростанций, модернизация и управление аэропортами и службами полетов, банковское дело и т. д.

Однако логистическая роль Грузии в энергетической политике Турции очень велика. Участие Грузии в каспийских энергетических проектах в качестве страны обеспечивавшей транзит повысила значение Тбилиси во внешней политике Турции и неизбежно сделало две страны взаимозависимыми. Турецкие экономические интересы в Грузии обусловлены также тем, что Грузия рассматривается как коридор для выхода на европейские рынки и в Азербайджан. В экономическом аспекте в развитии сотрудничества важную роль сыграли успешные проекты нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, газопровода Баку – Тбилиси – Эрзрум, осуществление проекта железной дороги Баку – Тбилиси – Карс [Sayin 2017: 42–54]. В этом контексте очень важно упомянуть железную дорогу Баку —

Тбилиси-Карс (срок завершения в 2017 г.). Железная дорога БТК соединит железные дороги Азербайджана, Грузии и Турции (826 км), является важной веткой связи европейских стран со странами Азии, минуя Россию и Армению. С февраля 2016 г. также начался транзит электроэнергии (около 80 мегаватт мощности) из Азербайджана в Турцию через Грузию. Фактически Грузия приобрела для Турции статус транзитной сервисной страны [Алексамян 2017: 307].

Таким образом можно сделать вывод, что Турецкая зона интересов распространялась не только на транспортно-логистических и экономических, но и этноконфессиональных, военно-стратегических, и политических сферах в Грузии, а для реализации своих внешнеполитических целей турецкая элита, особенно в случае Грузии, основывалась на политике «мягкой силы» с использованием государственных и негосударственных организаций. Однако, как и в случае с Арменией, историческое прошлое и непреодоленный образ «завоевателя и угрозы» в лице Турции не дают возможность в полной мере реализовать политику «мягкой силы» Турции в Грузии. Главными проблемными вопросами остаются противоречия в религиозной, территориальной и этнической плоскостях, для преодоления которых пока что турецкая «мягкая сила» не владеет необходимыми ресурсами. Несмотря на данные факторы, Анкара добилась очень многих удач внешнеполитической, экономической, культурной сферах, и используя весь инструментарий

¹ საქართველოს სტატისტიკის ეროვნული სამსახური // Национальное статистическое управление Грузии. URL: <http://ex-trade.geostat.ge/ka>. (дата обращения 12.02.2022)

«мягкой силы» смогла позиционировать себя как одного из важных союзников Грузии, без сотрудничества с которой Тбилиси не сможет достичь своих внешнеполитических целей.

Политика «мягкой силы» Турции в Грузии: государственные и негосударственные институты.

Важнейшую роль во внешней политике Турции по отношению к Грузии играет политика «мягкой силы», с помощью которой Анкара, основываясь на указанных в первой главе концептуальных основах, смогла успешно повысить свое влияние и продвигать свои интересы. Основной целью этих стратегий является с помощью экономики, науки, технологий, образования и дипломатии включение в сферу своего влияния новых стран и особенно страны сопредельных регионов. Основными направлениями политики «мягкой силы» Турции в Грузии стали:

- *Культурное сотрудничество и развитие турецкого языка*
- *Сотрудничество в сфере образования и науки*
- *Экономическое сотрудничество*
- *Религиозные связи (в определенных регионах)*

Как мы уже указали, стратегия «мягкой силы» с новой силой во внешней политике Турции начала развиваться после 2002 года, когда к власти пришла Партия справедливости и развития, которая под основу своей внешнеполитической деятельности взяла доктрину «Стратегическая глубина» [Yeşiltaş 2013: 661–687] и в дальнейшем подход «ноль проблем с соседями» [Safonkina 2014: 148]. Разработанные комплексные подходы и инструменты в скором времени начали очень активно внедряться в Грузии, главная цель которых была продвижение турецких интересов. Подход «Ноль проблем с соседями», который предполагал взаимный диалог и решение конфликтов, углубление экономических и культурно-образовательных связей за короткий период времени принес первые плоды¹.

Говоря об успешности политики «мягкой силы» Турции в регионе А. Давутоглу, указывая на состояние взаимоотношений с Турцией, считает Грузию «наиболее ярким примером успеха Турции в регионе» [Davutoğlu 2008: 77–96].

Сразу после распада СССР и признания Турцией независимости Грузии (16 декабря 1991 г.) турецкие государственные и негосударственные организации стали активно внедряться в культурную, экономическую, научно-техническую и образовательную среду в Грузии. Грузинская политическая элита со своей стороны, понимая потенциал торгово-экономической и инвестиционной выгоды, не противодействовала проявлениям турецкой «мягкой силы», которая очень деликатно развивала культурное сотрудничество и продвижение турецкого языка, также активизировала сотрудничество в области образования и науки.

Турецкая политика «мягкой силы» не отводила на второй план экономическое и военно-политическое сотрудничество, а наоборот, после успешного наращивания своего присутствия в этих сферах «второй волной» обеспечивала продвижение турецкой культуры и языка в Грузии. Помимо министерства иностранных дел, министерства туризма и культуры, министерства общественной дипломатии, в Турции были созданы несколько крупных ведомств для введения данной политики. Из них в Грузии активную деятельность ведут:

- *Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (TİKA),*
- *Фонд Юнуса Эмре*
- *Управление по делам религии Турции (Diyamet)* [Енокян, Закарян, Турава 2021: 19].

Турецкое агентство ТІКА, которое образовалось в 1994 г. и начало вести активную деятельность в Грузии, осуществляло крупные проекты не только в культурно-образовательной сфере, но и в экономике, здравоохранении, туризме и т. д. В рамках проекта в Грузии строились школы и другие образовательные учреждения, а

¹ Yeni Dönemde Sıfır Sorun Politikası // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL:

<http://www.mfa.gov.tr/yeni-donemde-sifir-sorun-politikasi.tr.mfa> (дата обращения 12.02.2022)

одним из главных достижений организации ТІКА после 2000 г. стал масштабный проект «Тюркология», в рамках которого грузинские университеты стали внедрять в свои учебные программы турецкий язык и основы турецкой культуры. ТІКА продолжает свою активную деятельность в Грузии. На постсоветском пространстве Грузия по числу и масштабам проектов ТІКА занимает второе место после Киргизии [Aleksanyan 2016: 72-79].

Среди инструментов «мягкого воздействия» особую роль играет Институт Юнуса Эмре, который своей основной целью считает распространение турецкой культуры и продвижение турецкого языка во всем мире. Именно во время активной фазы турецкой политики «мягкой силы» в 2007 г. был создан Институт Юнуса Эмре, который взял в основу своей деятельности продвижение и обучение турецкой культуре, истории, языку и литературе¹. Институт со дня основания успел открыть по всему миру 58 филиалов. В 2011 г. в Тбилиском государственном университете имени И. Джавахишвили был открыт культурный центр Юнуса Эмре [Сафонкина 2014: 145]. По данным филиала Института Юнуса Эмре в Тбилиси, «жители Грузии проявляют интерес не только к турецкому языку, но и культуре»².

Благодаря Диянету Турция ведёт активную религиозно-просветительскую деятельность среди исламских верующих в Грузии и знакомит их с турецкой интерпретацией ислама, тем самым расширяя свое влияние на мусульманское меньшинство страны. Следует отметить, что Диянет имеет тесные связи с муфтиятом, который является официальным органом, представляющим интересы аджарских мусульман [Ivanov 2011: 79-90]. Диянет также осуществляет реставрации и

строительства мечетей и активно набирает грузинских студентов в религиозно-просветительские курсы по исламу.

Продвижением турецкой культуры и изучением «общего османского наследия» напрямую занимается также турецкое правительство, важным успехом которой стал формат «стратегического совета» между Грузией и Турцией, в рамках чего в 2017 г. Турция смогла добиться обязательств со стороны Грузии реставрировать памятники османского наследия, создать совместную рабочую группу, которая займется вопросами реставрации памятников материальной культуры. Страны также объявили о сотрудничестве в таких сферах искусства, как театр, кино и литература. Турция получила доступ к большому количеству архивных материалов, в рамках которой Грузия взяла на себя обязательство содействовать представителям второй стороны в поиске информации и документации, хранящихся в национальных и ведомственных архивах (фотографии, проекты, гравюры, карты и др.)³.

Особо интересным для исследования Турецкой политики «мягкой силы» в Грузии является сфера образования. Как показывают статистические данные турецкое высшее образование является очень популярным для грузинских студентов. Согласно статистике Министерства образования Турции, в 2018 г. в турецких университетах обучались 689 студентов из Грузии: 256 женщины и 433 мужчины. Показатель был самым высоким за последние пять лет (см. рис. 3)⁴. В основном обучающиеся получают образование в государственных университетах. По данным 2013–2018 гг. уехавшие из Грузии студенты учатся примерно в 80 турецких вузах, большинство – в университете Реджепа Тайипа Эрдогана в Ризе [Енокян, Закарян, Турава 2021: 25].

¹Vizyon – Misyon 2023 Vizyonu // Yunus Emre Vakfi. URL: <https://www.yee.org.tr/tr/kurumsal/vizyon-misyon> (дата обращения 12.02.2022)

²Жители Грузии проявляют интерес к курсам турецкого языка // Anadolu Agency. 18.02.2020. URL: <https://inlnk.ru/YAjpXp> (дата обращения 10.03.2022)

³Грузия планирует реставрировать памятники османского наследия // EurAsia Daily. 24.05.2017.

URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/24/gruziya-planiruet-restavrirovat-pamyatniki-osmanskogonaslediya> (дата обращения 06.03.2022).

⁴საქართველოდან თურქეთში სასწავლებლად წასული სტუდენტების რაოდენობა [ინფოგრაფიკა] // URL: <https://batumelebi.netgazeti.ge/news/152038/> (дата обращения 06.03.2022).

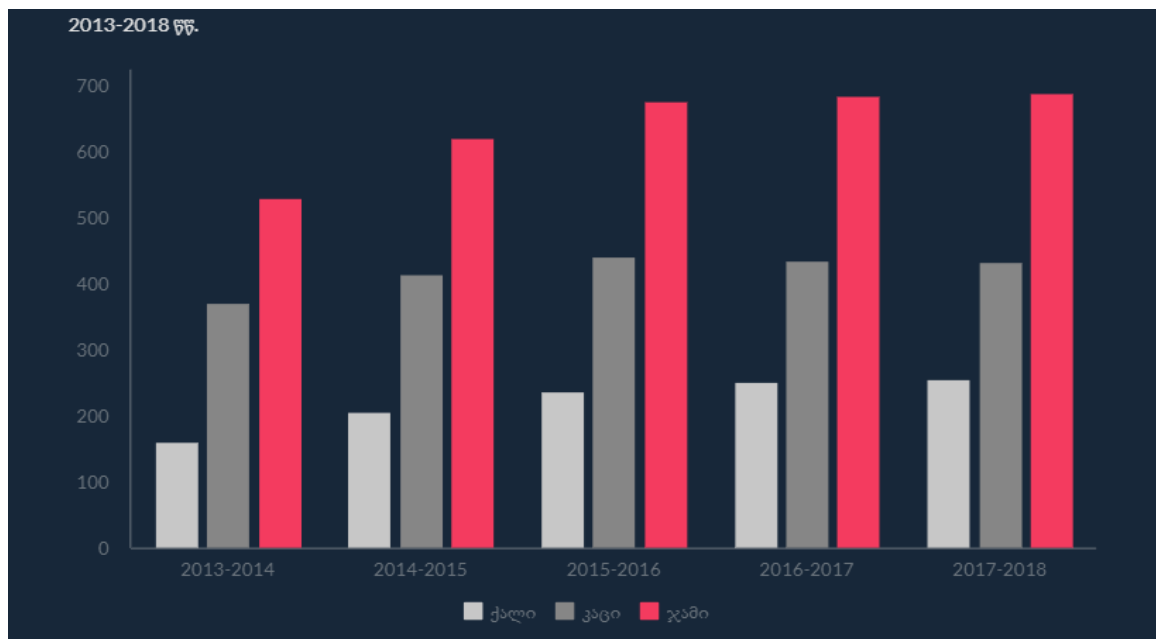

Рисунок 3. Количество грузинских студентов в Турции (2013–2018 гг.): первый столбец – женщины, второй – мужчины, третий – всего студентов

В грузинской образовательной среде особое место занимают турецкие негосударственные учебные заведения и университеты. Самые известные и активные среди них те, которые были основаны организацией «Фетхуллахчылар» (также известна как «Хизмет»), лидером которой является Фетхуллах Гюлен. Деятельность данной организации до 2016 г. полностью поддерживалась турецким руководством, однако после неудавшегося государственного переворота 15 июля 2016 г., в организации которого обвинялись гюленисты, государство перестало поддерживать проект и, более того, начало активную борьбу против движения. Представители данной организации появились в Грузии еще в 1980-х гг., однако активную и открытую деятельность начали вести после распада СССР и подписания «рамочного договора» в 1992 г. между Турцией и Грузией [Кудаяров 2019]. Основной целью движения в Грузии стало приобретение влияния в образовательной среде и образовательной политике страны [Ivanov 2011: P. 81]. Гюленовские учебные организации не только занимались преподаванием и образовательными программами, но и стали активными участниками внешнеполитической стратегии Турции. Под покровительством гюленовской организации «Учебно-просветительские

заведения в Грузии» (образовательная сеть «Чаглар») в Грузии действовали семь школ-лицеев, однако после запрещения движения «Хизмет» две из них закрылись. Национальный центр Грузии по развитию качества образования в августе 2017 г. приостановил авторизацию колледжа имени Демиреля, а в феврале была приостановлена авторизация престижной школы-лицея имени Реффадина Шахина [Kasatkin 2014. 3]. Часть общественности и многие грузинские эксперты считают, что причина крылась не в нарушениях, а в выполнении властями Грузии требований Турции закрыть гюленовские учебные организации.

Анкара оказала давление на Тбилиси и в вопросе университетов. Под ударом оказался Международный черноморский университет (IBSU), который функционировал с 1995 г. и стал одним из самых популярных университетов в Грузии. В августе 2018 г. Совет авторизации высших учебных заведений Грузии на год лишил Черноморский университет права принимать новых студентов, объясняя это финансовыми

проблемами вуза¹. Министерство образования Грузии отвергала политическую составляющую в вопросах гюленовских учебных заведений в Грузии, однако бывший министр образования Гия Нодия и эксперты выразили уверенность, что столь жесткие меры в отношении сразу нескольких школ сети Чаглар и Черноморского университета дают лишний повод обвинить грузинские власти в потакании интересам Турции². Своей борьбой против гюленистов Турция нанесла сильный удар и ослабила свою политику «мягкой силы» в регионе Южного Кавказа, а попытки замены гюленовских учреждений на новые турецкие инициативы и организации не увенчались полным успехом.

Турция для распространения своего положительного имиджа использовала такие инструменты, как:

- *Государственные и негосударственные организации.*
- *Экономическая и инвестиционная деятельность.*
- *Региональные организации и платформы для позиционирования себя как лидера.*
- *Этно-религиозная отношения.*
- *Образование, трудоустройство, туризм.*
- *Политические связи.*

Последующие годы (2008–2011 гг.) Анкара по отношению к Тбилиси начала реализовывать масштабные инициативы,

которые исходили из принципа «доброжелательного соседства» и внесли большой вклад для распространения положительного образа Турции. В этот период для реализации своих целей Турция активно внедрила и использовала весь инструментарий своего потенциала мягкого воздействия.

Таким образом турецкая политика мягкой силы в лице вышеперечисленных институтов, движений и организаций успешно продвигали ценности и положительный имидж Турции в этно-религиозных, культурных, образовательных сферах в Грузии. Обязательство обеспечения взаимосвязи между государственными и негосударственными учреждениями взяла на себя Министерство общественной дипломатии при премьер-министре Турции, этим демонстрируя заинтересованность государства в координации и развития публичной дипломатии как инструмента внешней политики. Несмотря на трудности, связанные с деятельностью гюленистов и их запретом, Турецкое мягкое воздействие не сдало позиции и особенно активизировалось в сферах культуры и образования в Грузии, населенных преимущественно мусульманами (Аджария, Квемо-Картли), чем, естественно, вызывала также обеспокоенность грузинского руководства и некоторых слоев общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексян Л.М.* Турецко-грузинские отношения в контексте региональной политики Турции на современном этапе // Проблемы постсоветского пространства. 2017. 4(4). С. 307-320. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-307-320.
- Геворгян А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А.* Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века / // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3(19). 80 с. DOI 10.25730/VSU.2070.20.037. – EDN GUAXWM.
- Енокян А.В., Закарян С.Б., Турава Г.М.* Образовательная политика Европейского союза, Турции и России в отношении Грузии в начале XXI в // Вопросы истории. 2021. №. 8-1. С. 18-30.
- Кудаяров К.А., Балджи Б.* Каковы перспективы движения Фетхуллага Гюлена в странах Центральной Азии после неудавшегося переворота в Турции? // Социальные и

¹ Турецкие школы в Грузии – жертвы политического давления? // Jam-news. 06.11.2017. URL: <https://hromadske.ua/ru/posts/turetskiye-shkoly-v-hruzyu-zhertvy-polytycheskoho-davleniya> (дата обращения 06.03.2022).

² Черноморский университет в Тбилиси лишился первокурсников. Правозащитники считают, что виновата Турция // Би-би-си Тбилиси. 28.09.2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45657769> (дата обращения: 06.03.2022).

гуманитарные науки. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2019. № 4.

- Манчхашвили М.* Турция и безопасность Южного Кавказа: Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Том 13(4). С. 100-107.
- Мгалоблишвили В.И.* Основные направления внешней политики Республики Грузии: дисс. на соискание ученой степени канд. полит.наук: 23.00.04. Пятигорск. 2016. 72 с.
- Охрименко И.* Турция и кризис на Кавказе. Некоторые политические и экономические аспекты [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 2008 г. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7652> (дата обращения: 09.09.2022).
- Каранетян Р.* "Расширяющееся сотрудничество между Турцией, Грузией и Азербайджаном" // 21-й век. 1 (42), 2017, С. 86-97.
- Сафонкина Е.А.* Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. Т. 9. С. 145-166.
- Aleksanyan, L.M.* The “soft power” policy of Turkey towards Georgia // MGIMO Review of International Relations. 2 (47). 2016. P. 72-79.
- Aras B., Akpınar P.* The Relations between Turkey and the Caucasus / B. Aras, P. Akpınar // Perceptions: Journal of International Affairs. 2011. Autumn. Vol. XVI. № 3. P. 53-68.
- Areshv A.* Turkey’s policies in the Southern Caucasus and regional security mechanisms. Turkish-Russian academics: A historical study on the Caucasus (4). 2016. P. 7-21.
- Avatkov V., Kasatkin P.* The soft power of migration – a hard task for the European union. Defence & Security Analysis. 2014. P. 311-322.
- Balcı B.* Strengths and Constrains of Turkish policy in the South Caucasus [Электронный ресурс] // Carnegie. 08.05.2014. URL: <http://carnegieendowment.org/2014/06/18/strengths-and-constraints-of-turkish-policy-in-southcaucasus-pub-55945> (дата обращения: 14.05.2021).
- Çelikpala M.* From a failed state to a weak one? Georgia and Turkish-Georgian relations // The Turkish Yearbook. 2005.Vol. 36. P. 159-199.
- Davutoğlu A.* Turkey’s foreign policy vision: An assessment of 2007 // Insight Turkey. 2008;1(10): P. 77-96.
- Ivanov V.* Religious dimension of Turkey’s policy in Ajaria and the Georgian Orthodox church // Central Asia and the Caucasus. 2011;3(12): P. 79-90.
- Safonkina E.A.* Turkey as a new actor of soft power policy // International organizations research journal: education, science, new economy. 2014, no. 2, vol. 148 p.
- Sayin F.M., Dogan M.* (2017). Political relations between Turkey and Georgia in the post-soviet era // Journal of Liberty and International Affairs. № 3 (2). P. 42–54.
- Uslu N.* The Russian, Caucasian and Central Asian Aspects of Turkish Foreign Policy of the Post Cold War Period // Turkish Journal of International Relations. Ankara, 2003. Vol. 2. No 3&4.
- Yeshiltash M.* The transformation of the geopolitical vision in Turkish foreign policy // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. No. 4, P. 661–687.

REFERENCES

- Aleksanyan L.M.* Turecko-gruzinskie otnosheniya v kontekste regional'noj politiki Turcii na sovremennom etape // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2017. 4(4). S. 307-320. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-307-320.
- Gevorgyan A.G., Enokyan A.V., Melkonyan L.A.* Politika Turcii i interesy Rossii v Zakavkaz'e v nachale XXI veka / // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. 2020. № 3(19). S. 80. DOI 10.25730/VSU.2070.20.037. – EDN GUAXWM.
- Enokyan A.V., Zakaryan S.B., Turava G.M.* Obrazovatel'naya politika Evropejskogo soyuza, Turcii i Rossii v otnoshenii Gruzii v nachale XXI v //Voprosy istorii. 2021. №. 8-1. S. 18-30.
- Kudayarov K.A., Baldzhi B.* Kakovy perspektivy dvizheniya Fethullaha Gyulena v stranah Central'noj Azii posle neudavshegosya perevorota v Turcii? // Social'nye i gumanitarnye nauki. Ser. 9. Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyj zhurnal. 2019. № 4.
- Manchkhashvili M.* Turciya i bezopasnost' YUzhnogo Kavkaza: Platforma stabil'nosti i sotrudnichestva na Kavkaze // Central'naya Aziya i Kavkaz. 2010. Tom 13(4). S. 100-107.

- Mgaloblishvili V.I.* Osnovnye napravleniya vneshnej politiki Respubliki Gruzii: diss. na soiskanie uchenoj stepeni kand. polit.nauk: 23.00.04. Pyatigorsk. 2016. S. 72.
- Ohrimenko I.* Turkiya i krizis na Kavkaze. Nekotorye politicheskie i ekonomicheskie aspekty [Elektronnyj resurs] // Institut Blizhnego Vostoka. 2008 g. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7652> (data obrashcheniya: 09.09.2022).
- Karapetyan R.* "Rasshiryayushcheesya sotrudnichestvo mezhdur Turciej, Gruziej i Azerbajdzhanom" // 21-j vek, no. 1 (42), 2017, P. 86-97.
- Safonkina E.A.* Turkiya kak novyj aktor politiki «myagkoj sily» // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2014. № 2. T. 9. S. 145-166.
- Aleksanyan, L.M.* The “soft power” policy of Turkey towards Georgia // MGIMO Review of International Relations. 2 (47). 2016. P. 72-79.
- Aras B., Akpinar P.* The Relations between Turkey and the Caucasus // Perceptions: Journal of International Affairs. 2011. Autumn. Vol. XVI. № 3. P. 53-68.
- Areshev A.* Turkey’s policies in the Southern Caucasus and regional security mechanisms. Turkish-Russian academics: A historical study on the Caucasus (4). 2016. P. 7-21.
- Avatkov V., Kasatkin P.* The soft power of migration – a hard task for the European union // Defence & Security Analysis. 2014. P. 311-322.
- Balci B.* Strengths and Constrains of Turkish policy in the South Caucasus [Электронный ресурс] // Carnegie. 08.05.2014. URL: <http://carnegieendowment.org/2014/06/18/strengths-and-constraints-of-turkish-policy-in-southcaucasus-pub-55945> (дата обращения: 14.05.2021).
- Çelikpala M.* From a failed state to a weak one? Georgia and Turkish-Georgian relations // The Turkish Yearbook. 2005.Vol. 36. P. 159-199.
- Davutoğlu A.* Turkey’s foreign policy vision: An assessment of 2007 // Insight Turkey. 2008;1(10): P. 77-96.
- Ivanov V.* Religious dimension of Turkey’s policy in Ajaria and the Georgian Orthodox church // Central Asia and the Caucasus. 2011;3(12):79-90.
- Safonkina E. A.* Turkey as a new actor of soft power policy // International organizations research journal: education, science, new economy. 2014, no. 2, vol. 148 p.
- Sayin F. M., Dogan M.* (2017). Political relations between Turkey and Georgia in the post-soviet era // Journal of Liberty and International Affairs. № 3 (2). P. 42–54.
- Uslu N.* The Russian, Caucasian and Central Asian Aspects of Turkish Foreign Policy of the Post Cold War Period // Turkish Journal of International Relations. Ankara, 2003. Vol. 2. No 3&4.
- Yeshiltash M.* The transformation of the geopolitical vision in Turkish foreign policy // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. No. 4, p. 661–687.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Енокян Артём Вачаганович — аспирант, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов. Россия, Москва. E-mail: artyomyen@gmail.com

Станис Дарья Владимировна — к.э.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов. Россия, Москва. E-mail: stanis_dv@rudn.university.ru

Enokyan Artyom V. — postgraduate student, assistant of the Department of theory and history of international relations, RUDN University. Russia, Moscow. E-mail: artyomyen@gmail.com

Darya V. Stanis — Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of State and Municipal administration of the RUDN University; Russia, Moscow. E-mail: stanis_dv@rudn.university.ru

Стратегический анализ Нагорно-Карабахской проблемы и ее возможные сценарии развития

М. Алемдар

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: st098622@student.spbu.ru, e-mail: st080793@student.spbu.ru

Э. И. Атабай

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: st098622@student.spbu.ru, e-mail: st080793@student.spbu.ru

Аннотация. Вопрос Нагорного Карабаха является одним из наиболее широко изучаемых в рамках кавказоведения как до Второй Нагорно-Карабахской войны, так и после нее. Вторая Нагорно-Карабахская война была начата с целью изменения «застывшего» статуса конфликта. Попытки урегулировать Нагорно-Карабахский конфликт оказались безрезультатными даже несмотря на то, что к его решению прикладывали усилия Организация Объединенных Наций и некоторые другие международные организации. Более того, ни переговоры, ни наличие режима прекращения огня на спорных территориях не способствовали фактическому завершению военных действий. Столкновения низкой интенсивности продолжались вплоть до начала Второй Карабахской войны. Помимо этого, на ход конфликта влияет и постоянное вмешательство третьих сторон. Так, Российская Федерация и Турецкая Республика выступали в конфликте в статусе крупных региональных игроков, а США и Франция представляли собой международных акторов за счет роли армянских групп интересов в социально-политической сфере США и Франции. Поскольку Нагорный Карабах имеет решающее значение для энергетических линий и структуры безопасности Кавказа, конфликт является одним из центральных пунктов регионального и международного конфликта. Помимо этого, Вторая Нагорно-Карабахская война представляет собой особую значимость для исследований в области безопасности в контексте изменения структуры войны в отношении роли военных беспилотников. В то же время относительное уменьшение напряженности между сторонами способствует критическому анализу возможности установления мира на территории Закавказья. В данной статье представлен отчет об анализе управления конфликтами для понимания специфики проблемы, а также рассмотрены три сценария развития конфликта: лучший, худший и наиболее вероятный.

Ключевые слова: Нагорный Карабах, стратегический анализ, управление конфликтами, миростроительство, дипломатия второго уровня

Для цитирования: Алемдар М., Атабай Э. И. Стратегический анализ Нагорно-Карабахской проблемы и ее возможные сценарии развития // Постсоветские исследования. 2022;8(5):799-805.

Strategic Analysis of Nagorno-Karabakh Issue and Possible Scenarios of the Future of the Problem

M. Alemdar

St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
E-mail: st098622@student.spbu.ru, st080793@student.spbu.ru

Eup I. Atabay

St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
E-mail: st098622@student.spbu.ru, st080793@student.spbu.ru

Abstract. Nagorno-Karabakh is one of the most widely studied issue in Caucasian studies both before the Second Nagorno-Karabakh war and after the war. Second Nagorno-Karabakh War has been constituted a possibility to change its frozen status. Although Nagorno-Karabakh conflict has been tried to resolve by United Nations and some other international organizations, attempts remained inconclusive. Moreover, the concluded negotiations and presence of ceasefire between parties has never sustained an actual ceasefire. Low intensity clashes between parties lasted until second Nagorno-Karabakh War time by time. As a regional conflict, Nagorno-Karabakh conflict has been witnessed third parties' intervention. Russian Federation and Turkey have intervened as regional actor but also USA and France have intervened as international actor by Armenian interest groups' role within USA and France socio-political realm. Since Nagorno-Karabakh is crucial for Energy roads and Caucasian security structure, the conflict is one of the focal points of the regional and international conflict. Beside Caucasia has been always important region for Post-Soviet Studies, Second Nagorno-Karabakh war is also important for Security Studies in the context of changing war structure with regards of armed drones' role in the field. Yet the tension has decreased relatively between parties, peace possibility and future of issue should be analyzed and received considerable critical attention. To that end, this article will give an account of conflict management analysis to understand features of issue and examine three scenarios as best, worst, and most likely by using Conflict Analysis Tools

Key words: Nagorno-Karabakh, Strategic Analysis, Conflict Management, Peacebuilding, Track II Diplomacy

For citation: Misdiyari Alemdar, Eup I. Atabay. Strategic Analysis of Nagorno-Karabakh Issue and Possible Scenarios of the Future of the Problem // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;8(5):799-805. (In Russ.)

Searching the roots of conflict takes this paper to 19th Century to understand spatial features and limits of conflict. Nagorno-Karabakh conflict is a frozen conflict conceptualized by international relations literature. Neither wars nor diplomatic attempts couldn't resolve this conflict. The core of conflict is looking like territorial and geopolitical issue, however problem beyond a simple border issue. Azerbaijani people separated from each other by Gulistan 1813 and Turkmenchay 1828 agreements. Azerbaijani people separated into two different countries that Russian Imperial and Iran. In three different era, Russian Imperial, USSR and post-Soviet era, conflict has remained unsolved and lasts up until today. Moreover, from the sovereignty perspective, in USSR era, Nagorno Karabakh recognized as Azerbaijani territory.¹ Third, the humanitarian aspects of conflict that over 1 million people had to migrate because of the wars and limited armed conflict in the region. Mostly, regional conflicts cause regional effects

and related to regional countries, Nagorno-Karabakh has exception feature in this context. Armenian diaspora especially in the Russian Federation, USA and France make the conflict international rather than regional and highly involved the OSCE and Minsk process. As a contribution to this point, Armenian diaspora using the conflict for the identity construction and consolidation that makes the conflict into identity issue. When everything is taken into account, the Nagorno-Karabakh conflict exceeds its spatial limits and beyond a regional border issue. The main characteristics of conflict that briefly explained in this paragraph make this conflict out of spatial limits and allow the foreign and oversea intervention.

As for main actors that involved this conflict, varied actors, states and national interests is giving an idea to answer reason of unsolvable structure of the conflict. Since too many internal and external actors got involved the conflict, the best way is categorize them as primary and secondary actors. Primary actors

¹ Britannica. Nagorno Karabakh [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.britannica.com/place/Nagorno-Karabakh>

are Armenia and Azerbaijan but also, we can add Russia, Turkey and Iran if we consider the situation from the historical perspective. Secondary actors are USA and major EU countries especially France because of the Armenian diaspora as strong interest groups within the political system of those countries. As for official positions of actors, Armenia claims Nagorno-Karabakh region is part of national territory of Armenia however, Armenian government supported the independence of the region since 1998.¹ The reclamation is based on the principle of self-determination of the Armenian population which inhabits the territory.² Azerbaijani government is also claiming the Nagorno-Karabakh as national territory based on the historical reasons. As a response to self-determination claim of Armenia, Azerbaijan claims forced immigration of Azerbaijani people from Nagorno-Karabakh and ethnic cleansing by Armenian armed groups. Moreover, they do not recognize the sense of belonging of the inhabitants of the zone because of the common origin of all population in Caucasus [Vayrynen 1998]. Moscow position is partly neutral and partly pro-Azerbaijan because of the sustaining balance between parties because of near abroad policy and national interests in post-Soviet countries. Furthermore, Russia sells arms to both sides and limited conflict with low-pitched armed engagement allows to Russian army presence in the region as a peacekeeper force. The real interest of Russia and the reason beyond its ambiguous relationships with both parties is the influence on the Caucasus and energy roads [Behlul 2008: 572–599]. Turkish position is almost same with Azerbaijan because of the historical and identical links between two countries. Moreover, so-called genocide claims of Armenian diaspora makes the Turkey standing with Azerbaijan. Although initiation to build new relations between Turkey and Armenia in 2009 which included opening border gate that crucial for Armenian economy, diaspora who benefitting from tensed relation

between Armenia and Turkey, nationalists of Turkey prevent the process and initiation couldn't go further. Ankara's interests in the region is controlling over the Caucasus and energy independence from Russia. If the government of Turkey will be involved in the resolution of the conflict, it will become a new center of gravity for the region [Fidan 2010]. A weak Azerbaijan means the weak Turkish presence in the Caucasus which is very important for Turkey in the energy aspect when the reality of poor energy sources in Turkey is considered. Since Armenia claims a part of Turkish national territories as Armenian territory, realization of the Armenian arguments is the last thing Turkey wants in the region. As for Iran, there is a minority problem in the north of Iran region which mostly consist of people claims themselves as Turks which parted from Azerbaijan by 1813 agreement. Therefore, Iran approaches the conflict from the national security perspective and highly supported Armenia. A realization of Azerbaijanian arguments could trigger the internal unrests in Iran from the Iranian perspective. US and France approaches to this conflict as international external actors and consist of main supporters of Armenian arguments in international arena by the power of Armenian diaspora and interest group within those countries political system. Main fears of presidents and congress members of these countries are losing Armenian votes and Armenian media support in their political campaigns.

When the relationship that has been prevalent between the parties to the conflict over various stages of its development is considered, the level of interdependence of parties is significant to understand structure of conflict. The conflict has started as border issue without armed engagement between parties. During the Soviet Union era, parties followed the Moscow national policies and weren't engaged. During the 1980s, the Gorbachev's liberal policies weakened the control over the Caucasus, and as a consequence, many strikes and protests

¹ Zurcher C. *The Post-Soviet Wars: Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus*. New York, USA: New York University Press. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://doi.org/10.18574/nyu/9780814797440>

² Mustafayeva N. Armenia's recognition of Nagorno-Karabakh could trigger a war. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/armenia/opinion/armenia-recognition-of-nagorno-karabakh-could-trigger-a-war/>

emerged in the region. Armenians from the Nagorno-Karabakh reclaimed their membership to Armenia, and thousands of Azerbaijanis left the region [Ayunts, Zolyan, Zakaryan 2016: 543-559]. After the weakening Soviet control over the region, conflict reached the peak point and many people died in the war until 1993.¹ After the first war, region stayed under Armenian control, but conflict remained unsolved because of the lack of an agreement defines territories and borders. Until the second war, parties didn't try to solve the issue and didn't develop a diplomatic relation. In the second war, parties reached the cease fire agreement and some particular territory agreement under the Russian reconciliation; however, disputes still remain in the applying articles of the agreement. All factors that given in the question have impacted the relationship since the beginning of the conflict. Both parties are interdependent each other in the context of energy, economic and political although both of them are member of CIS. Small scaled economy Armenia needs to Russia to make export, Azerbaijan is selling oil and natural gas via Caspian Sea. Both sides don't have any economic or political tie that caused lack of development of diplomatic relations since the beginning. Imbalance of power impacted two wars held between parties. At the first one Armenia could strength over Azerbaijanian army and vice versa in second war. Moreover, the theories and arguments of both sides are not seeking peaceful solution and don't step back from the fully control over the region which causes unsolved and frozen conflict.

As for the other aspects of the conflict, historical and cultural aspect of the conflict must be underlined. The roots of conflict between Armenian and Turks dates to beginning of 20th century. In the WWI, Armenian armed groups rose against the Ottoman Empire and cooperated with enemy in the eastern regions of Anatolia. Ottoman government made the deportation law against these rebelled regions and relocate Armenian people that cooperated with enemy. Today, Armenian diaspora is using this law to identity construction and consolidation besides

claiming this law as genocide. This issue lasts until today and still underpins of conflict between Armenia and Azerbaijan. Moreover, possible corridor via Nagorno-Karabakh could tie up Azerbaijan and Turkey which quite crucial threat from the Armenian perspective. On the other hand, dispute and war situation is covering weak economic situation of Armenia and constitutes a strong reason of government to excuse poverty in country. At the other side, Azerbaijan government consolidates public and legitimizes itself.

Even though the conflict dates back to early 20th century, it has been ceased with the Bolshevik Revolution. The region has given to Azerbaijan SSR and remain as autonomous region (oblast). Unrest within region reached the peak point when Nagorno-Karabakh assembly declared independence from the Azerbaijan SSR. After the collapse of USSR, conflict turned into armed conflict. In 1993, the United Nations Security Council passed four resolutions concerning the Azerbaijan Armenia conflict. In addition to calling for a cessation of hostilities, the resolutions "reaffirm[ed] the sovereignty and territorial integrity of the Azerbaijani Republic and of all other States in the region," as well as the "inadmissibility of the use of force for the acquisition of territory." The resolutions called for "the withdrawal of occupying forces" from "recently occupied areas" of Azerbaijan. Conflict has lasted ceased until 2020. Although low density armed engages since 1994, last attack from the Armenian side to Tovuz, ends the Azerbaijan's policy "strategical patient" and started to second Nagorno-Karabakh war. The first violent emerged after the collapse of USSR. The main reason was emerging power vacuum and lack of authority in the region. Parties was seeking to fully occupy the region and started to fight.

As last words on the analysis of conflict features, all wars and escalation of the crisis caused by the power vacuum and overwhelming one side. Second war emerged because of the stronger position of the Azerbaijan side and small armed engagements turned unto conventional war. Presence of the Russian army

¹Helsinki Commission Report x [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.csce.gov/sites/helsinkicommission.house.go>

v/files/Report%20-%20Nagorno-Karabakh%20-%20Design%20FINAL_0.pdf

in the region as a peacekeeping power and current overwhelmed position of the Azerbaijan could give us the idea of the less possibility of crisis escalation. Today, the main risk is unwillingness of Armenia to satisfy the conditions which defined by agreement after the Second Nagorno-Karabakh war. According to the agreement, Lachin Corridor which tie Azerbaijan and Nakhichevan up. Main opportunity is possible economic relation with Turkey and Armenia to build up warm relations and solve the problem.

This paper categorizes possible scenarios into three groups and name them as best, worst, and most likely scenarios. Main parameters are determined as follows governments' intention, increasing nationalism and heterogeneity within societies, international manipulation, militarization, increasing population and lastly economic performance.

The best case could be maintained by a sustainable and stable peace enhanced by the governments' initiatives without any foreign intervention or manipulation the process. An effective and logical agricultural, economic policies and population planning applied by governments, diplomatic relations sustained by regional actors and governments directly. Borders reopened and Azerbaijan, Turkey and Armenia encourage economic and diplomatic ties especially in the context of energy sector.

The worst case which would cause more casualty for each party and all regional actors could be emerged in case of any party perceives the current ceasefire agreement as unacceptable. Parties increase militarization, violence re-escalated, foreign intervention hold by different actors and societies triggered by nationalism.

As for most likely scenario, today's incidents within conflict show us to predict this scenario. Although a ceasefire is signed between parties, small armed groups violate agreement time by time. Threats between parties continue and peacekeeping initiatives mostly held by external actors Russia and Turkey rather than parties directly. Azerbaijani government replaces the Nagorno-Karabakh autonomous government and parties still insisted on the arguments. Despite of limited economic growth, economic values are not quite good to solve current issues within societies. Increasing population plus poor agricultural fertility

damaged by environmental issues would increase the social unrest. International manipulation and militarization still remain, and conflict most likely lasts in short and middle term.

When the key feature of the conflict is taken into account, it can thus be suggested that two different conflict management tools could be applied in Nagorno Karabakh Issue to maintain sustainable peace. This article concluded these two tools as Peacebuilding Process and Track II Diplomacy.

Peacebuilding Process between parties could start by bringing the parties together because since the beginning of the conflict main problem was lack of diplomatic contact between parties. Lack of diplomatic contact causes lack of negotiation and parties would be insisted on their arguments by fighting. Therefore, peacebuilding process would be best option for this conflict. The main actors would be political leaders of the fighting parties rather than their military officials. Moreover, Turkey and Russia would be part of process as direct involvers of the conflict and main mediator actors. Since the Armenian diaspora would seek the stuck process because of benefitting from the unrest and dispute within region, diaspora backed European or American actors should be apart from the process for effective solution. As for time, today or short term would be better to initiate the process because stopping war and dispute would enhance the economy of the countries and every actor in the region when Covid-19 (C19) negative consequences are considered on the national economies. Minsk Group within OSCE has tried to solve this conflict but failed through the time. It started in 1992 and ended in 2020. OSCE started the process in Helsinki under the presidency of US-France-Russia with the members that Belarus, Germany, Italy, Portugal, Netherlands, Sweden, Finland and Turkey besides Armenia and Azerbaijan. Multimember structure and internationalized the conflict even if it is a regional conflict hinder the process and failed. The main risk is manipulation the process by Armenian diaspora because diaspora is benefitting from dispute by using it as vote power within Western countries. Moreover, extremist approach of any parties could hinder the process.

Track II Diplomacy is the most effective solution, this paper argues. Since the main problem is lack of diplomatic contact between parties and building relations somehow or other, and parties' legitimizing themselves policy by using the conflict and wars, Track II diplomacy could give a way to develop relation between parties. Main actors are economical actors and companies businessmen/women. When weak economic situation of the Armenia is considered, developing a relation through companies and business interest groups within states rather than international society could be a solution. As for third parties, Turkish and Russian business environment could mediate the process. Turkish involvement is crucial in this process because Armenia and Turkey are constituting hinterland for each other. Especially Turkish open policy to Armenian companies could solve the tensed relations. As for time, same reasons are valid as written in Peacebuilding Process paragraph. Today or

short term would be better to initiate the process because stopping war and dispute would enhance the economy of the countries and every actor in the region when C19 negative consequences are considered on the national economies. Possible increase in nationalism level of societies or foreign manipulation or intervention to process is the biggest risk and threat before solution.

The main goal of this paper was to point out key characteristics of Nagorno-Karabakh Issue, analyze features of conflict and forecast possible scenario includes suggestions to maintain peace. The following conclusions can be drawn from the present study and personal ideas of the author, there is not any superior idea or process before peacemaking motivation of parties. Moreover, economic relations even it would be limited or small scaled could increase the interdependency and help peaceful relations between parties.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Aliyev N. War in Nagorno-Karabakh Requires a Russian Balancing Act. // The Central Asia - Caucasus Analyst, 2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13646-war-in-nagorno-karabakh-requires-a-russian-balancing-act.html>

Avdoyan L. Nagorno Karabakh: An Historical Perspective// International Journal on Minority and Group Rights 3.2, 1995. P. 161–167.

Ayunts A., Zolyan M., Zakaryan T. Nagorny Karabakh conflict: Prospects for conflict transformation. // Nationalities Papers, 2016. 44(4) P. 543-559

Bayraktar B. Turkey's Karabakh Policy // Karabakh: From conflict to resolution, 2021. P. 333-356

Behlul A. Who Gains from the «No War No Peace Situation?» A Critical Analysis of the Nagorno-Karabakh Conflict // Geopolitics. 2008 P. 572–599.

Central for Strategic Research of MFA. Armenian claims and historical facts questions and answers // Ankara: Center for Strategic Research, 2005. 70 p.

Fidan H. Turkish foreign policy towards Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. V. 12. Number 1. March 2010

Perovic J. Karabakh Conflict. // Caucasus Analytical Digest, No. 84, 2016. 29 p.

Şir A. Turkish-Armenian relations and the think-tank effect // Review of Armenian Studies No:19-20, 2009. 20 p.

Trupia F. Loosening the Karabakh Knot: Why Peacekeeping Won't Be Enough.// New Eastern Europe, 2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://neweasterneurope.eu/2020/11/19/loosening-the-karabakh-knot-why-peacekeeping-wont-be-enough/>

Vayrynen T. New Conflicts and their Peaceful Resolution: Post-Cold War Conflicts, Alternative means for their Resolution and the Case of Nagorno-Karabakh // The Aland Islands Peace Institute. 1998. 106 p.

REFERENCES

Aliyev N. War in Nagorno-Karabakh Requires a Russian Balancing Act. // The Central Asia - Caucasus Analyst, 2020. [Electronic resource] // Access mode:

<https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13646-war-in-nagorno-karabakh-requires-a-russian-balancing-act.html>

Avdoyan L. Nagorno Karabakh: An Historical Perspective // International Journal on Minority and Group Rights 3.2, 1995. P. 161–167.

Ayunts A., Zolyan M., Zakaryan T. Nagorny Karabakh conflict: Prospects for conflict transformation. // Nationalities Papers, 44(4) P. 543-559

Bayraktar B. Turkey's Karabakh Policy // Karabakh: From conflict to resolution, 2021. P. 333-356

Behlul A. Who Gains from the «No War No Peace Situation?» A Critical Analysis of the Nagorno-Karabakh Conflict // Geopolitics. 2008 P. 572–599.

Central for Strategic Research of MFA. Armenian claims and historical facts questions and answers // Ankara: Center for Strategic Research, 2005. 70 p.

Fidan H. Turkish foreign policy towards Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. V. 12. Number 1. March 2010

Perovic J. Karabakh Conflict. // Caucasus Analytical Digest, No. 84, 2016. 29 p.

Şir A. Turkish-Armenian relations and the think-tank effect // Review of Armenian Studies No:19-20, 2009. 20 p.

Trupia F. Loosening the Karabakh Knot: Why Peacekeeping Won't Be Enough. // New Eastern Europe, 2020 [Electronic resource] // Access mode: <https://neweasterneurope.eu/2020/11/19/loosening-the-karabakh-knot-why-peacekeeping-wont-be-enough/>

Vayrynen T. New Conflicts and their Peaceful Resolution: Post-Cold War Conflicts, Alternative means for their Resolution and the Case of Nagorno-Karabakh // The Aland Islands Peace Institute. 1998. 106 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мисдияр Алемдар, магистр в области «Международных отношений», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: st098622@student.spbu.ru

Misdiyar Alemdar, in «International Relations», St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: st098622@student.spbu.ru

Атабай Эюб Ибрахим, аспирант кафедры международных отношений на постсоветском пространстве, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: st080793@student.spbu.ru

Eup I. Atabay postgraduate student, Department of International Relations in the PostSoviet Space, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: st080793@student.spbu.ru

**КИТАЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ /
CHINA IN THE POST-SOVIET REGION**

Научная статья / Research article

Пограничные и торговые отношения Китая и Казахской ССР

Тянь Е

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: tinaa1792@mail.ru*

Аннотация. Исторический контекст особенно явно проявляется в вопросах экономического и межкультурного взаимодействия, восприятия образа Китая в Казахстане и Казахстана в Китае, а также в вопросах разрешения сложных вопросов, имеющих историческую основу, таких как делимитация и демаркация границы, регулирование трансграничных рек и положение национальных меньшинств, проживающих в приграничной зоне. На протяжении более 150 лет до прекращения существования СССР Китай рассматривал Центральную Азию в контексте общего комплекса китайско-российских и китайско-советских отношений. В процессе постепенного взаимодействия Китая и России образовывались глубокие и сложные исторические корни трёхстороннего взаимодействия, до сих пор оказывающие влияние на развитие отношений. Данная статья призвана проследить процесс последовательного формирования договорно-правовой основы китайско-казахстанского сотрудничества с учетом исторического опыта китайско-российских и китайско-советских отношений, раскрыть важное значение российского фактора для формирования китайско-казахстанских отношений. В статье также анализируются базовые договоры в современном смысле, имея ключевую роль в развитии приграничных торговых отношений между Китаем и Россией на территории современного Синьцзяна и Центральной Азии, рассматриваются исторические корни погранично-территориальных вопросами в двусторонних отношениях КНР с Республикой Казахстан.

Ключевые слова: Китай, Казахстан, Россия, история, договорная основа, торговля, граница, пограничные народы, вопрос рек.

Для цитирования: Тянь Е. Пограничные и торговые отношения Китая и Казахской ССР // Постсоветские исследования. 2022;8(5):806-815.

Border and Trade Relations between China and Kazakh Soviet Socialist Republic

Tian Ye

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail: tinaa1792@mail.ru*

Abstract. The historical context is particularly evident in the issues of economic and intercultural interaction, the perception of the image of China in Kazakhstan and Kazakhstan in China, as well as the resolution of complex issues with a historical basis, such as border delimitation and demarcation, the regulation of cross-border rivers and the situation of national minorities living in the border area. For more than 150 years before the collapse of the Soviet Union, China viewed Central Asia in the context of the overall complex of Sino-Russian and Sino-Soviet relations. In the process of gradual interaction between China and Russia, deep and complex historical roots of trilateral interaction were formed, which still influence the development of relations. This article aims to trace the process of consistent formation of the contractual and legal basis of Sino-Kazakhstan cooperation, taking into account the historical experience of Sino-Russian and Sino-Soviet relations, to reveal the importance of the Russian factor for the formation of Sino-Kazakhstan relations. The article analyzes the basic treaties in the modern sense, have a key role in the development of cross-border trade relations between China and Russia in the territory of modern Xinjiang and Central Asia, examines the

historical roots of border-territorial issues in bilateral relations of China with the Republic of Kazakhstan.

Key words: China, Kazakhstan, Russia, history, treaty basis, trade, border, border peoples, river issue.

For citation: Tian Ye. Border and Trade Relations between China and Kazakh Soviet Socialist Republic // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;8(5):806-815. (In Russ.)

Китайская Народная Республика все более уверенно идет по пути становления глобальной державой, проецируя свое влияние на все регионы мира, а в качестве крупного пограничного с Китаем государства Центральной Азии Республика Казахстан (Далее РК или Казахстан) закрепляет за собой статус одного из самых влиятельных государств Центральной Азии, играет важную роль в обеспечении безопасности в регионе. Постоянно повышается внимание мирового сообщества к изучению сотрудничества КНР с Республикой Казахстан.

Для изучения взаимоотношений КНР с Республикой Казахстан невозможно без понимания их глубокого исторического контекста, который способствовал не только накоплению опыта выстраивания отношений на уровне народов, но и формированию исторического восприятия друг друга, как в положительном, так и в отрицательном ключе. В этой связи необходимо рассмотреть китайско-казахские отношения в рамках китайско-российских и китайско-советских отношений за полтора столетия до образования Республики Казахстан в 1991 г., что является особенным историческим этапом китайско-казахских отношений. С одной стороны, с упадком традиционной феодальной системы Китая и изменением мировой обстановки Китай перешел от замкнутости к открытости, в процессе чего его восприятие внешнего мира и самого себя претерпело немало изменений. На протяжении более 150 лет до прекращения существования СССР в процессе постепенного территориального сближения Китая и России Китай рассматривал Центральную Азию лишь в контексте общего

комплекса китайско-российских и китайско-советских отношений, что фактически явилось первым изменением восприятия китайцев о Центральной Азии и стало важным переломным моментом в сфере научных исследований о Центральной Азии в Китае. В то же время присоединение Казахстана сначала к Российской империи, а затем к СССР, не только стало важной частью развития самого Казахстана, но также привело к формированию глубоких и исторических корней взаимодействия Китая, Казахстана и России, влияние которой сохраняется в современных отношениях КНР с Казахстаном.

Договорная основа и торговые отношения между Китаем и Россией на территории современного Синьцзяна и Центральной Азии

В середине XIX в. территория современного Казахстана стала частью Российской империи¹. Граница между Китаем и Россией проходила по территории, населенной казахами и другими народами Центральной Азии. С этого времени китайско-казахские отношения развивались в форме взаимодействия между сопредельными регионами Китая и Российской империи. Это в основном проявлялось в приграничных торговых отношениях между двумя странами на территории современного Синьцзяна и Центральной Азии, тогда началось формирование договорной базы пограничной торговли в современном смысле. Особое внимание следует уделить нижеперечисленным базовым договорам.

1. «Кульджинский торговый трактат» (伊犁塔尔巴哈台通商章程) от 1851 г. положил официальное начало китайско-российской

¹ В 1822 г. согласно «Устав о сибирских киргизах» в Западную Сибирь вошли территории кочевий Среднего и части Старшего Жуза. В 1824 г. в состав России вошла территория Семиречья. В 1867 г. часть

южного Казахстана вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Так, территории Казахстана вошли в состав Российской Империи.

торговле в Центральной Азии [Моисеев 2003: 23]. В соответствии с Трактатом была разрешена беспошлинная торговля для купцов с обеих сторон, русским купцам было предоставлено право торговли в городах Кульджа (ныне Инин) и Чугучак (ныне Тачэн), в этих же городах также были открыты русские консульства, занимавшиеся вопросами двусторонней торговли [Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) 2004: 59].

2. «Договор об Илийском крае» (伊犁条约) и «Правила для сухопутной торговли» (改定陆路通商章程) от 1881 г. узаконили право русских купцов торговать в городах сегодняшнего Синьцзяна, такие как Или, Тачэн, Кашгар, Урумчи и др., а также была разрешена беспошлинная торговля на расстоянии 50 верст от границы [Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) 2004: 59]. В 1884 г. цинское правительство официально учредило на территории современного Синьцзяна провинцию и назвало этот регион «Синьцзяном» (新疆), что означает «вновь возвращенные древние земли» (故土新归)¹.

3. «Илийское Соглашение» (伊犁临时通商协定、伊宁会议定案) от 1920 г. предусматривало создание взаимных коммерческих агентств в городах Кульджа (ныне Инин) и Верный (ныне Алматы), установление стандартов введения налогообложения, и открытие торгового порта Хоргос [Обзор старых договоров между Китаем и зарубежными странами 1957: 79–80]. В июле 1921 г. был открыт Хоргос, что способствовало развитию пограничной торговли между Синьцзяном и Советской Россией.

4. «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Китайской Республикой и Союзом ССР» (中苏解决悬案大纲协定) от 1924 г. [Дин Дубэнь 2007] предусматривало восстановление дипломатических отношений между странами. В 1924 г. сразу были открыты крупные ярмарки на пограничных территориях Китая и современного

Казахстана, такие как Каракаринская (Семиреченская область), Нижегородская и Куяндинская (Семипалатинская область).

5. После образования КНР 1 октября 1949 г. был подписан китайско-советский «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» (中苏友好同盟互助条约) [Галенович 2003: 391–393], который сформировал фундамент в политической, экономической, культурной и других сферах. Это, прежде всего, отразилось на экономическом сотрудничестве между приграничными регионами двух стран, на территории современного Синьцзяна и Центральной Азии.

Был подписан ряд документов об открытии в Синьцзяне китайско-советских нефтяных компаний, о совместной добыче руд, цветных и драгоценных металлов в Синьцзяне. Советский Союз отправил в Синьцзян много технических специалистов, консультантов и сотрудников, а также предоставил кредиты [Дин Дубэнь 2007]. В 1955 г. в составе КНР был образован Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). Синьцзян начал получать экономическую поддержку от центральных властей Китая, а также стремился привлечь больше инвестиций и технологий из СССР. В 1950 г. объем товарооборота между Синьцзяном и СССР составил 29067.9 тыс. руб., а в 1960 г. увеличился уже почти в 10 раз (290130 тыс. руб.) [Ли Шэн 1993: 791].

Однако, начиная с конца 1950-х гг., межгосударственные отношения КНР и СССР начали ухудшаться по идеологическим и политическим причинам, что привело к замедлению развития торговли. Только с начала 1980-х гг. отношения между КНР и СССР стали постепенно восстанавливаться, что имело огромное значение не только для двух стран, но и для становления современных китайско-казахстанских отношений.

В этот период в КНР началась эпоха «реформ и открытости», были запущены процессы модернизации социализма. В этой связи КНР активно продвигала

¹ 新疆的若干历史问题 (白皮书) (Некоторые исторические вопросы о Синьцзяне (Белая книга) 21.07.2019 // Официальный сайт Информационного бюро Госсовета Китайской Народной Республики //

<http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1659930/1659930.htm>

сотрудничество СУАР с пограничными советскими республиками, в том числе с КазССР. Стимулом к данному сотрудничеству послужил бурный экономический рост после 1980-х гг., который определил характер позже отношений КНР и Республики Казахстан на начальном этапе двусторонних отношений.

В апреле 1982 г. советская торгово-экономическая делегация посетила Пекин и обсудила с китайской стороной вопросы пограничной торговли. Стороны подписали Протокол об обмене товарами и платежами 1982 г. [Ли шэн 1993: 671–679] и согласились восстановить экономическую деятельность в приграничных районах. В январе 1986 г. между КНР и СССР было подписано «Соглашение о восстановлении торговых отношений между СУАР КНР и СССР», который официально возобновил пограничную торговлю Синьцзяна с пятью советскими республиками Центральной Азии [Сюэ Цзюньду, Син Гуанчэн 1999: 40]. Уже в ноябре того же года были восстановлены пограничные пункты Хоргос (на границе с Казахстаном), Туругат (на границе с Киргизстаном). В августе 1986 г. в Алма-Ате состоялась первая приграничная ярмарка, в рамках которой было выставлено более 2000 образцов товаров из СУАР. В октябре того же года было подписано первое соглашение о пограничной торговле между СУАР и СССР, в котором утверждался ряд принципов равновесных торговых отношений [Ли шэн 1993: 688]

Для стимулирования экономического развития Синьцзяна в 1987 г. Государственный совет Китая приступил к работе по вопросу открытости Синьцзяна внешним партнерам. В дополнение к вышеперечисленному были открыты пограничные пункты Покиту (Бахты), Зимунай (Майкапчагай), Дулаты (Кольжат) и Актобек (Алексеевка). В начале 1988 г. было принято постановление о льготной политике, в результате которого Синьцзян получил ряд льгот для экономического развития. Среди них следует отметить: разрешение

иностранным инвесторам открывать компании в СУАР, увеличение числа городов (к Урумчи, Инин, Шихэцзы и Кашгар были добавлены пять городов: Аксу, Корла, Чанцзи, Турфан и Хами), которые могли вводить бесполошинный режим, упрощение процедур импорта и торговли, открытие Хоргоса и Туругата для третьих стран, ускорение строительства железных дорог, аэропортов и других объектов инфраструктуры Синьцзяна и т.д.¹

С 1983 г. по 1989 г. стремительно развивались торговые связи Синьцзяна и КазССР. В 1986 г. объем торговли между Синьцзяном и КазССР был всего \$3 млн, а уже в 1989 г. – \$45,6 млн. [Сыроежкин 2010: 22]. Произошли также значимые изменения в синьцзяно-советской торговой структуре. В структуре экспорта Синьцзяна сильно увеличилась доля продукции легкой промышленности, в это же время доля сырьевых продуктов сельского хозяйства и животноводства резко снизилась. Из КазССР и СССР в целом экспортировалась продукция цветной и черной металлургии, энергоносители.

Наблюдалось развитие СУАР и КазССР в сфере технико-экономического сотрудничества. У КазССР имелись определенные технико-экономические преимущества, что было привлекательно для менее развитого СУАР. В 1989 г. КазССР и СУАР подписали ряд экономических соглашений, в т.ч. «План экономического сотрудничества между СУАР и Казахской ССР на 1989–1995 гг.» [Сюэ Цзюньду, Син Гуанчэн 1999: 43], в котором были утверждены ряд технико-экономических проектов, такие как совместное создание шерстопрядильной фабрики, обработка кожи и производство термосов.

Кроме того, началось развитие пограничного туризма. 1 марта 1989 г. был официально открыт совместный пассажирский поезд «Инин (КНР) – Панфилов (КазССР)». В марте 1990 г. обе стороны договорились об открытии

¹ 国家给新疆 9 项优惠政策 (Государство дает Синьцзян 9 преференциальной политики) // 经济参考. 26.02.1988.

однодневного тура «Хуочэн (КНР) - Панфилов (КазССР)» [Сяо Хуэй 1992: 77].

В июле 1990 г. было подписано «Соглашения между СУАР и КазССР об эффективном использовании железнодорожного КПП Алашанькоу (КНР - КПП дружбы (КазССР)» [Сюэ Цзюньду, Син Гуанчэн 1999: 44], благодаря которому вскоре официально началось создание второго Евразийского континентального моста (第二亚欧大陆桥 или 新亚欧大陆桥), проходящего через Казахстан. 12 сентября того же года был сдан в эксплуатацию западный участок Ланьчжоу-Синьцзянской железной дороги или Ланьсиньской железной дороги (兰新铁路)¹, которая является частью второго Евразийского континентального моста, который тянется от восточного Китая до Роттердама в Голландии, с конечной точкой в Алашанькоу (открытый в июле 1990 г.), и соединяется с Дружба (Достык) СССР. По мнению большинства китайских и зарубежных исследователей, оно ознаменовало начало создания второго Евразийского континентального моста². В силу того, что одна часть моста проходит по древнему Шёлковому пути, появилось популярное в мировом сообществе название – «Новый шелковый путь». Такое сравнение в новом политическом контексте сначала постепенно вошло научных дискурсов, его стали использовать ряд китайских исследователей, а позднее лег в основу политики КНР в Евразии. В 1991 г. через Алашанькоу прошло 170 тыс. тонн грузов, из которых 150 тыс. тонн грузов было импортировано Китаем, а 20 тыс. тонн грузов было экспортировано.

23 ноября 1990 г. народное правительство СУАР и правительство КазССР подписали Соглашение о развитии экономического, научно-технического и культурного сотрудничества – первый

документ, формирующий конкретные планы сотрудничества между СУАР и Казахстаном [Сыроежкин 2010: 26].

Исторические корни пограничных вопросов Китая и Казахстана

Рассматриваемый период представляет значение также с точки зрения разрешения коренных противоречий в двусторонних отношениях, вызываемых погранично-территориальными спорами на так называемой «западной стороне» китайско-русской границы. Данный клубок противоречий возник в связи с подписанием трех основополагающих документов [Сборник китайско-русских пограничных договоров 1973: 50]: «Пекинский трактат» от 14 ноября 1860 г., «Чугучакский протокол» от 7 октября 1864 г., «Договор об Илийском крае» от 12 февраля 1881 г. Первый наметил общее направление будущей западной границы, второй определил прохождение границы по основным общеизвестным географическим ориентирам, закрепил между Китаем и Россией фактическое владение территориями от Алтая до Тянь-Шаньского хребта в Центральной Азии, сложившееся к началу 1860-х гг. Третий определил принадлежность Илийского края (в том числе город Кульджа) к Цинскому Китаю, а также закрепил фактическое положение, которое сложилось в результате присоединения к России Казахстана и ряда районов Киргизии [Гуревич 1982: 427].

В дополнение к этим документам были подписаны «Бараталинский протокол» от 16 октября 1882 г., «Майкапчагайский протокол» от 31 июля 1883 г., «Алкабекский протокол» от 23 августа 1883 г. и др. [Галиев 1995: 59-56]. 30 мая 1915 г. был подписан между Китаем и Россией «Курэский протокол о постановке временных межгосударственных знаков по течению р. Хоргос и водопользованию» (霍尔果斯河划界议定书). Так,

¹ Ланьсиньская железная дорога – железная дорога в Китае, соединяющая Синьцзян-Уйгурский автономный район с остальной территорией Китая. Участок от Ланьчжоу (самая восточная точка) до Урумчи имеет длину 1903,8 км, а дополнительная (северная) ветка к Джунгарским воротам - 477 км. Самая западная станция северной ветви - Алашанькоу, соединена со станцией Достык (ранее Дружба), которая расположена в Казахстане. Южная же ветвь идёт до Кашгара.

² Железнодорожная система Китая давно связана с Транссибом через северо-восточный Китай и Монголию. В 1990 г. после того, как Китай связал свою ж/д систему с Транссибирской магистралью через Казахстан, Китай стал называть свое непрерывное железнодорожное сообщение между портовым городом Ляньюньган и Казахстаном Новым Евразийским сухопутным мостом или Вторым евразийским континентальным мостом.

Курэский протокол юридически завершил территориальное размежевание между Китаем и Россией в западной части государственной границы в досоветский период [Ткаченко 2017: 650–661], которое сохранилось практически в неизменном виде до новых пограничных договоренностей между КНР и РК.

Во время ухудшения отношений СССР и КНР в 1960-е гг. в силу необходимости поддержания безопасности вопрос о прохождении линии государственной границы между КНР и СССР с 1960-х гг. перешел в практическое русло. Между двумя сторонами были проведены многочисленные официальные переговоры в 1960-1970-е гг., но стороны пришли только к общему мнению о самом существовании спорных участков на уровне экспертов [Хэ Юй 2012: 25–32].

С улучшением китайско-советских отношений в 1980-е гг. этот вопрос был поставлен в практическую плоскость и достиг позитивных результатов. С 1987 г. по 1991 г. между КНР и СССР был проведен ряд переговоров о делимитации и демаркации китайско-советской границы в целом. В марте 1987 г. в Пекине на первом пленарном заседании правительственных делегаций КНР и СССР состоялся обмен официальными топографическими картами, определивший спорные участки, на которых линии границ не соответствовали договорным документам. В 1989 г. две стороны провели совместную аэрофотосъемку, в которой было показано сопоставление спорных участков по всей границе. Позднее были созданы рабочие группы для подготовки соглашений по участкам границы и составления топографических карт при демаркации. Так, к моменту распада СССР в конце 1991 г. большая часть китайско-советской границы была согласована.

Особенно стоит отметить, что на западном участке протяженность границ составляла 3200 км, где она в то время

проходила по территориям РСФСР, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Более 85% протяженности китайско-казахстанской границы было согласовано до образования Республики Казахстан.

Впоследствии размежевания территории между Китаем и Россией на западном участке границы началось и юридическое определение принадлежности трансграничных народов (народы, проживающие по обе стороны границы – 跨界民族) на территории современного Китая и Казахстана, таких как казахи, уйгуры, дунгане¹. Основным принцип по решению данного вопроса был утвержден в «Чугучакском протоколе» (中俄堪分西北界约记或称塔城议定书) от 7 октября 1864 г., в котором пишется, что «...где помянутые народы жили до сего дня, там по-прежнему должны оставаться на прежних местах...и к какому государству отошли места кочевок этих народов, к тому государству, вместе с землею, отходят и самые люди, и тем государством управляются» [Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) 2004: 98]. Позднее в «Договоре об Илийском крае» от 12 февраля 1881 г. жителям Илийского края предоставлено право выбора – «...остаться на нынешних местах жительства их, в китайском подданстве, или же выселиться в пределы Российской империи и принять российское подданство» [Воскресенский 1995: 444]. Эти договоры привели к ускорению крупномасштабного процесса миграции.

В силу ряда политических и экономических причин того времени, таких как нестабильность в Сынцзяне, подавление национальных восстаний Китаем и Россией, такие народы, как казахи, уйгуры и дунгане, при различных обстоятельствах выбирали различное подданство. Например, после провала мусульманского восстания на северо-западе Китая в 1860-х гг. часть из них выбрала русское подданство и переселилась на территории России и Центральной Азии, а затем часть из них вернулась в Сынцзян,

¹Дунгане (东干族) - потомки китаеязычных мусульман хуэйцзу, часть которых переселились на территорию Российской империи (сегодняшняя Киргизия, Казахстан и Узбекистан) в 1870-х гг. из-за поражений

антицинских восстаний в северо-западном Китае. Они до сих пор хранят обычаи мусульман-хуэйцев «исторической Родины» Шэньси и Ганьсу.

когда ситуация стабилизировалась. Кроме того, после провала восстания среднеазиатских народов в России 1916 г. часть из этих народов переселилась в Синьцзян.

В России в 1917 г. насчитывалось более 100 тыс. уйгуров, из которых 60988 эмигрировали из Илийского края, и 39528 – с юга Синьцзяна [Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанъи 1958] до конца XIX в. примерно всего 20 тыс. дунган переселились на территорию Российской империи. На территории Синьцзяна к середине 80-х г. XIX в. проживали 137623 казаха, к 1911 г. общее количество составило почти 225 тыс. человек. К 1916 г. в Китай из южных и юго-восточных районов Казахстана переселилось около 300 тыс. казахов [Астафьев 1971: 143].

Во время ухудшения отношений СССР и КНР в 1960-е гг. произошел массовый переход казахов и уйгуров из Синьцзяна в СССР, в том числе в Казахскую ССР. Около 200 тыс. человек получили советское гражданство¹. Данный прецедент имеет множество причин, в том числе экономические трудности в Китае. Однако китайская сторона считала, что агитация и пропаганда СССР явились важной причиной данного события [Хафизова 2000: 70–87].

Чрезвычайно важным выступал вопрос о правовом урегулировании принадлежности речных систем. В начале 1950-х гг. по просьбе китайской стороны СССР передал КНР полные комплекты топографических карт с обозначением всей линии границы между КНР и СССР. В силу оказания активной помощи СССР китайская сторона в первое десятилетие после образования государства не высказывала никаких замечаний по этой проблеме. 30 апреля 1965 г. на уровне административных единиц было подписано «Соглашение о распределении и использовании вод реки Хоргос» (были внесены поправки и дополнения в 1975 и 1983 гг.). В 1989 г. между китайской и советской сторонами было подписано «Временное соглашение о распределении и использовании вод приграничной реки Сумбе» [Дэн Минцзян 2012: 371].

Заключение

16 декабря 1991 г. КазССР провозгласила независимость. 3 января 1992 г. КНР установила с Республикой Казахстан (РК) дипломатические отношения на уровне посольств, став третьей страной вслед за Турцией и США, объявившей о признании независимости РК. РК стала второй республикой региона вслед за Республикой Узбекистан (2 января 1992 г.), установившей дипломатические отношения с КНР. Так, Китай и Казахстан вступили в новую эпоху исторического развития.

В рассматриваемый период казахи и другие народы, проживающие на территории Казахстана, в процессе перехода к формированию современного общества перестали играть роль традиционного торгового посредника на Шелковом пути, а постепенно заняли более весомую позицию в современной приграничной торговле между Россией и Китаем, а затем начали выступать в качестве самостоятельного торгового партнера КНР.

Примечательно, что ряд договоров в современном смысле, подписанных в рамках китайско-советских отношений, напрямую определил нормативно-договорную основу и характер китайско-казахстанских отношений на начальном этапе, что нашло свое отражение, прежде всего, в приграничной торговле между Синьцзяном и Казахстаном. Основные принципы и механизмы формирования экономических отношений между Китаем и в будущем Республикой Казахстан были заложены в конце 80-х гг., когда между КНР и КазССР был подписан ряд экономических соглашений. Уже в тот период стало очевидно, что одним из приоритетных направлений двухсторонних отношений является торгово-экономическое сотрудничество, а главным торговым партнером Казахстана в Китае был СУАР.

Документы, относящиеся к китайско-казахстанской границе и пограничным народам Китая и Казахстана, привели к формированию договорной основы как в отношении пограничных проблем современных двусторонних отношений, так

¹ Дорога на Запад: Из Синьцзяна в Казахстан. 21.01.2019 // Газета Караван //

<https://www.caravan.kz/gazeta/doroga-na-zapad-iz-sinczyana-v-kazakhstan-512333/htm>

и историко-этнической основы связей между центральноазиатскими народами и народами СУАР. Место и роль Синьцзяна в китайско-казахстанских отношениях являются исключительно важными.

Однако идеологическая полемика и враждебность между сторонами во время охлаждения китайско-советских отношений

и ряд вооруженных конфликтов привели к тому, что негативные стереотипы в некоторой степени сохранились до сегодняшнего дня. В течение многих лет после образования РК Китай был слабо представлен в казахстанских СМИ и газетах, а когда новости о КНР появлялись, то они в основном были негативными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астафьев Г.В.* Казахи Синьцзяна (этногенез, история, заселение, родоплеменной состав, положение в период русско-китайского разграничения и в 50-е гг. XX в.). М.: Наука, 1971. С. 143.
- Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года / А. Д. Воскресенский; Ин-т Дальнего Востока РАН, Центр "Россия-Китай". - М.: Памятники исторической мысли, 1995. 444 с.
- Галенович Ю.М.* Россия – Китай: шесть договоров. М.: Муравей, 2003. С. 391–393.
- Галиев В.В.* Баратолинский протокол 1882 г. как источник по формированию казахско-китайской границы // Изв. Нац. акад. наук Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. - 1995. С. 59–65.
- Гуревич Б.П.* История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. М.: Наука, 1982. С. 427.
- Курылев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта «Один пояс, Один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937-1948.
- Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в.-1917 г.). Барнаул, 2003. С. 23.
- Русско-китайские договорно-правовые акты (1689-1916) / РАН, Ин-т Дальнего Востока, М-во иностр. дел РФ, Ист.-док. департамент; под общ. ред. В. С. Мясникова; сост.: И. Т. Мороз, В. С. Мясников. М., 2004. С. 59.
- Сыроежкин К.Л.* Казахстан-Китай: от приграничного сотрудничества к стратегическому партнерству. Книга 1. В начале пути. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2010. 336 с.
- Ткаченко Б.И.* Формирование западной части государственной границы между Россией и Китаем в договорных документах XIX - начала XX вв. // Общество и государство в Китае. 2017. С. 650–661.
- Хафизова К.Ш.* Казахско-китайская граница в прошлом и сегодня // Многомерные границы Центральной Азии. Вып. 2. М., 2000. С. 70–87.
- 丁笃本 (Дин Дубэнь) 中亚通史现代卷 (История Центральной Азии – современная часть). 新疆人民出版社, 2007. 474 с.
- 中俄边界条约集 (Сборник китайско-российских пограничных договоров) 商务印书馆 (Коммерческая пресса) 1973. С. 150.
- 中外旧约章汇编 第三册 (Обзор старых договоров между Китаем и зарубежными странами, Т. 3). 三联书店, 1957. С. 79–80.
- 何羽 (Хэ Юй) 中哈、中吉、中塔边界圆满解决的历史过程及启示 (Исторический процесс и опыт успешного урегулирования китайско-казахстанской, китайско-таджикской и китайско-киргизской пограничных проблем) // 党史研究和教学. 2012. № 1. С. 25–32.
- 冯家升, 程溯洛, 穆广义 (Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуаньйи) 维吾尔族史料简编上册. 北京: 民族出版社 (Сборник по истории уйгуров: первый том). Пекин: Национальная пресса. 1958. 170 с.
- 厉声 (Ли Шэн) 新疆对苏 (俄) 贸易 (1600-1990) (История торговли Синьцзяна с Российской империей и СССР в 1600-1990 гг.). 新疆人民出版社, 1993. 785 с.

- 肖惠(Сяо Хуэй) 新疆对外经济贸易口岸简介 (Введение о торговых портах СУАР) // 新疆社会经济. 1992, №6. С. 77.
- 薛君度, 邢广程 (Сюэ Цзюньду, Син Гуанчэн) 中国与中亚 (Китай и Центральная Азия). 社会科学文献出版社, 1999. 283 с.
- 邓铭江 (Дэн Минцзян) 哈萨克斯坦跨界河流国际合作问题 (Международное сотрудничество по трансграничным рекам в Казахстане) // 干旱区地理. 2012. № 3, С. 371.

REFERENCES

- Astaf'ev G.V.* Kazahi Sin'czyana (etnogenez, istoriya, zaselenie, rodoplemennoj sostav, polozhenie v period rusko-kitajskogo razgraničeniya i v 50-e gg. HKH v.). M.: Nauka, 1971. P. 143.
- Galenovich Y.M.* Rossiya – Kitaj: šest' dogovorov. M.: Muravej, 2003. P. 391–393.
- Galiev V.V.* Baratolinskij protokol 1882 g. kak istočnik po formirovaniyu kazahsko-kitajskoj granicy // Izv. Nac. akad. nauk Respubliki Kazahstan. Ser. obščestv. nauk. - 1995. P. 59–65.
- Gurevich B.P.* Istoriya «Ilijskogo voprosa» i ee kitajskie fal'sifikatory // Dokumenty oprovergajut. M.: Nauka, 1982. P. 427.
- Hafizova K.SH.* Kazahsko-kitajskaya granica v prošlom i segodnya // Mnogomernye granicy Central'noj Azii. Вып. 2. М., 2000. P. 70–87.
- Moiseev V.A.* Rossiya i Kitaj v Central'noj Azii (vtoraya polovina XIX v.-1917 g.). Barnaul, 2003. P. 23.
- Rusko-kitajskie dogovorno-pravovye akty (1689-1916) / RAN, In-t Dal'nego Vostoka, M-vo inostr. del RF, Ist.-dok. departament; pod obščh. red. V. S. Myasnikova; sost.: I. T. Moroz, V. S. Myasnikov. M., 2004. P. 59.
- Syroezhkin K.L.* Kazahstan-Kitaj: ot prigraničnogo sotrudničestva k strategičeskomu partnerstvu. Kniga 1. V nachale puti. Almaty: KISI pri Prezidente RK, 2010. 336 p.
- Tkachenko B.I.* Formirovanie zapadnoj časti gosudarstvennoj granicy mezhdru Rossiej i Kitaem v dogovornyh dokumentah XIX - nachala XX vv. // Obščestvo i gosudarstvo v Kitae. 2017. P. 650–661.
- Voskresenskij A.D.* Diplomaticeskaya istoriya rusko-kitajskogo Sankt-Peterburgskogo dogovora 1881 goda / A. D. Voskresenskij; In-t Dal'nego Vostoka RAN, Centr "Rossiya-Kitaj". - M.: Pamyatniki istoričeskoj mysli, 1995. 444 p.
- 丁笃本 (Ding Duben) 中亚通史现代卷 (Istoriya Central'noj Azii – sovremennaya čast'). 新疆人民出版社, 2007. 474 с.
- 中俄边界条约集 (Sbornik kitajsko-rossijskih pograničnyh dogovorov) 商务印书馆 (Kommerčeskaya pressa) 1973. С. 150.
- 中外旧约章汇编 第三册 (Obzor staryh dogovorov mezhdru Kitaem i zarubežnymi stranami, T. 3). 三联书店, 1957. С. 79–80.
- 何羽 (He Yu) 中哈、中吉、中塔边界圆满解决的历史过程及启示 (Istoričeskij process i opyt uspešnogo uregulirovaniya kitajsko-kazahstanskoj, kitajsko-tadžikistanskoj i kitajsko-kirgizstanskoj pograničnyh problem) // 党史研究和教学. 2012. № 1. С. 25–32.
- 冯家升, 程溯洛, 穆广义 (Feng Jiasheng, Cheng Shuoluo, Mu Guangyi) 维吾尔族史料简编上册. 北京:民族出版社 (Sbornik po istorii ujugurov: pervyj tom). Pekin: Nacional'naya pressa. 1958. 170 с.
- 厉声 (Li Sheng) 新疆对苏 (俄) 贸易 (1600-1990) (Istoriya trgovli Sin'czyana s Rossijskoj imperiej i SSSR v 1600-1990 gg.). 新疆人民出版社, 1993. 785 с.
- 肖惠 (Xiao Hui) 新疆对外经济贸易口岸简介 (Vvedenie o trgovyih portah SUAR) // 新疆社会经济. 1992, №6. С. 77.
- 薛君度, 邢广程 (Xue Jundu, Xing Guangcheng) 中国与中亚 (Kitaj i Central'naya Aziya). 社会科学文献出版社, 1999. 283 с.
- 邓铭江 (Deng Mingjiang) 哈萨克斯坦跨界河流国际合作问题 (Mezhdunarodnoe sotrudničestvo po transgraničnym rekam v Kazahstane) // 干旱区地理. 2012. № 3, С. 371.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тянь Е, аспирантка кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: tinaa1792@mail.ru).

Tian Ye, PhD Student of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: tinaa1792@mail.ru).

Карикатура как инструмент пропаганды в контексте китайско-тайваньского кризиса. Влияние кризиса на постсоветский регион

Н. П. Пархитко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>, e-mail: scharnchorst@mail.ru

Е. А. Дорофеева

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: e.a_dorofeeva@mail.ru

О. А. Агальцов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: aghaltsov2000@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена контент-анализу политических карикатур как части процесса пропаганды, включая специфику преподнесения информации и её раскрытия. В качестве информационного повода взят визит спикера палаты представителей США Нэнси Пелоси на Тайвань в августе 2022 года. Объектом анализа является политическая карикатура в рамках освящения китайско-тайваньского кризиса, предметом – вербальные и невербальные составляющие поликодового текста. Цель анализа: раскрыть официальную позицию правительства Китайской Народной Республики относительно инфоповода, сопоставив вышеупомянутые аспекты коммуникации в контексте курса пропаганды страны, проанализировав также реакцию стран Центральной Азии, которые входят в постсоветский регион. Актуальность статьи обуславливается возрастанием напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе после данного визита, что характеризуется военными учениями на территории КНР и усилением военно-морского присутствия Соединённых Штатов в АТР. В исследовании применена методология политической и исторической наук. Это метод политанализа, метод историко-политического анализа и метод структурного анализа.

Ключевые слова: Политическая карикатура, Украина, постсоветский регион, Евразия, китайско-тайваньский кризис, Россия, СНГ.

Для цитирования: Пархитко Н. П., Дорофеева Е. А., Агальцов О. А. Карикатура как инструмент пропаганды в контексте китайско-тайваньского кризиса. Влияние кризиса на постсоветский регион // Постсоветские исследования. 2022; 8(5):816-824

Caricature as a propaganda tool in the context of the Sino-Taiwanese crisis. Impact on the post-Soviet region

Nickolay P. Parkhitko

RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: scharnchorst@mail.ru

Ekaterina A. Dorofeeva

RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: e.a_dorofeeva@mail.ru

Oleg A. Aghaltsov

RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: a_dorofeeva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the content analysis of political attitudes as part of the propaganda process, including the specifics of the information presentation and its disclosure. The

visit of the Speaker of the US House of Representatives Nancy Pelosi to Taiwan in August 2022 was taken as an informational occasion. The object of the analysis is a political caricature within the framework of the sanctification of the Sino-Taiwanese crisis, the subject is the verbal and non-verbal components of a polycode text. The purpose of the analysis is to reveal the official position of the Government of the People's Republic of China regarding the newsbreak, comparing the above-mentioned aspects of communication in the context of the country's propaganda course, also analyzing the reaction of the Central Asian countries that are part of the post-Soviet region. The relevance of the article is due to the increasing tension in the Asia-Pacific region after this visit. That is characterized by military exercises on the territory of the People's Republic of China and the strengthening of the United States naval presence in the Asia-Pacific region. The study applied the methodology of political and historical sciences. These are the method of political analysis, the method of historical and political analysis and the method of structural analysis.

Keywords: Political caricature, Ukraine, post-Soviet region, Eurasia, Sino-Taiwan crisis, Russia, CIS.

For citation: Nickolay P. Parkhitko, Ekaterina A. Dorofeeva, Oleg A. Aghaltsov. Caricature as a propaganda tool in the context of the Sino-Taiwanese crisis. Impact on the Post-Soviet region // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;8(5):816-824. (In Russ.).

В XXI веке русофобия получила «второе дыхание». Информационные войны, которые велись и раньше, изменили диалектический принцип: они существенно упростились с точки зрения методов реализации. Сегодня социальные сети и сайты новостных, геополитических, экономических и прочих изданий, позволяют продвигать свою точку зрения в «массы», навязывая и старые, и новосозданные стереотипы. Мифологизация России продолжается, при этом, «хорошие» стереотипы встречаются все реже и, в основном, в кругах, которые на Западе принято относить к «маргинальным» (про-кремлевским, про-путинским и т.д.) [Rastic et al. 2014: 41].

Именно устойчивые стереотипы, обоюдно складывающиеся в российском и западном обществе на протяжении веков, лучше всего символизируют восприятие нашей страны и общества за рубежом. Для России Запад всегда был проблемой, впрочем, это «чувство» взаимно [Колтышева 2014: 92]. Предрассудки настолько прочно укоренились в сознании обывателей, что избавиться от них представляется иногда не просто трудным, но фактически невозможным. Политики, к тому же, культивируют нужные им образы [Айнутдинов 2008: 23].

Даже в современном мире в сознании жителей западных стран Россия чаще всего

представляется страной ксенофобии, антидемократичности, тоталитаризма, характеризуемая также технической и технологической отсталостью. Россиянам отказывают в цивилизованности и знании норм делового общения, пытаются обвинить то в тотальной милитаризации страны, то в военной слабости по сравнению с Западом. И все это сочетается с обвинениями в агрессии и неконкурентоспособности на мировой арене.

Антироссийские стереотипы, к сожалению, живучи не только в западном мире, но и среди граждан России. К счастью, их доля в российском обществе не настолько велика, чтобы влиять на внешнюю и внутреннюю политику страны. В любом случае, все эти стереотипы говорят не о том, какова на деле российская действительность, но лишь характеризуют менталитет Запада [Воронина 2010: 12].

Твердая решимость России полностью достичь изначально заявленных целей специальной военной операции на Украине уже вызвало ряд структурных изменений в глобальных и региональных подходах к вопросам международной безопасности, включая её экономические и дипломатические аспекты.

КНР как один из крупнейших и наиболее влиятельных игроков на глобальной политической шахматной доске, относимый большинством западных

аналитиков к «доброжелательным нейтралам» относительно сегодняшней политики России на постсоветском пространстве, внимательно изучает развитие ситуации вокруг Украины и делает выводы с поправкой на собственную региональную политику.

Решение тайваньского вопроса определит победителя в активно идущем переустройстве мирового порядка. Установление контроля над небольшим островом (группой островов) может позволить КНР как минимум на десятилетия занять место мирового лидера, вытеснив с пьедестала США, и более активно заняться конкуренцией с Индией [Губин 2016: 114]. Проигрыш Пекина в его борьбе за Тайвань будет означать не только стратегические экономические потери – Тайбэй занимает ведущие позиции на мировом рынке в поставке полупроводников, без которых современный технологический уклад не может существовать и развиваться. Угроза превращения Тайваня в очередной «непотопляемый авианосец» США, по примеру Японии, очевидно, очень беспокоит Пекин [Буш, О'Хэнлон 2007: 122]. Но речь идет и о внутривнутриполитических последствиях для громадной, многонациональной и очень сложной страны. КНР не может позволить себе «сдать» Тайвань – это вызовет волну сепаратизма в других регионах и чревато гражданским противостоянием на материке.

Для США тайваньский вопрос важен именно как инструмент сдерживания Китая, так же, как череда цветных революций на постсоветском пространстве и особенно украинский конфликт важны для Вашингтона как инструмент сдерживания России. Параллели между тайваньским и украинским кризисами очевидны, они являются явным следствием попыток США сохранить свое доминирующее положение единственной сверхдержавы и создать угрозы своим оппонентам вблизи их границ. Для достижения этой задачи в ход идет весь политический инструментарий, наработанный США за последние 150 лет. Ключевым элементом в реалиях XXI столетия здесь является информационная война и пропаганда.

Реализация пропаганды включает в себя вербальный и невербальный компонент, текст и аудиовизуальные образы, которые оказывают влияние на сознание и подсознание человека соответственно [Ворошилова 2007: 74]. Поэтому из всех существующих семиотических систем – совокупностей знаков, используемых в процессе коммуникации – для анализа был выбран поликодовый текст, который включает в себя кодирование вербальными и невербальными средствами. Текст с такой семиотической структурой характеризуется взаимозависимостью формы и содержания, что напрямую относится к изучаемому средству пропаганды – политической карикатуре [Ейгер 1974: 105].

Начало истории развития политической карикатуры датируется Великой Французской революцией, когда работы художников в грубой форме изображали деятелей революции: короля Георга III и Наполеона I. К середине XIX века политические карикатуры стали атрибутом большинства крупных европейских газет, а в настоящее время являются средством борьбы с политическими оппонентами, которое отражает как видение художника-карикатуриста, так и отношение издания к политической ситуации.

Как отмечает Г. Лассуэлл, наиболее важным механизмом формирования группы в обществе является создание образа врага. Адекватный образ внешнего врага повышает как управляемость социальной группой, так и внутреннюю солидарность. Как результат, активно формируемый образ врага превращается в пропагандистский миф или мощное орудие манипуляции. Так, феномен сплочения перед лицом угрозы является достаточно эффективным средством в любой социальной группе [Lasswell 1927: 629].

Согласно М.Б. Ворошиловой, при анализе поликодовых текстов выделяют три подхода: семиотическое направление, в том числе работы по концептуальной метафорике; структурно-риторическое направление, посвященное вопросам взаимодействия языковой и иконической составляющей поликодового текста; коммуникативное направление, в центре

внимания исследователей проблема коммуникативных стратегии и тактик [Ворошилова 2013: 104]. В данной статье акцентируется внимание на связь вербальных и невербальных компонентов с учётом манипулятивного потенциала и воздействия на аудиторию. Для выражения невербального компонента карикатур используются различные стратегии и тактики пропаганды: гиперболизация, «навешивание» ярлыков, «болевые» точки, тактика уничижительно-иронического преуменьшения каких-либо достоинств мишени пропаганды и тактика преувеличения её недостатков.

2 августа 2022 года спикер палаты представителей США Нэнси Пелоси прибыла на Тайвань, где посетила парламент и встретила с представителями администрации острова. По версии американской стороны, визит делегации США выражает поддержку демократизации Тайваня, что вызвало недовольство континентального Китая¹.

Основанная на идее «продвижения демократии», внешняя политика Соединённых Штатов отражается в соответствующих доктринах президентов. Курс формируется во время кампании Джимми Картера в защиту прав человека в мире – в 1980 году он впервые акцентировал внимание на поддержании развития демократии за рубежом. Базисом для принятия политики «продвижения демократии» послужила идея американской исключительности, суть которой состоит в создании идеального общества как образца для всего мира².

В контексте современной обстановки на мировой политической арене причиной поддержки Тайваня Соединёнными Штатами является ухудшение отношений на

фоне торговой войны с Китаем, развязанной Дональдом Трампом, который ввёл пошлины на ввозимые из КНР индустриально значимые технологии. В период президентства Джо Байдена ситуация усугубилась после обвинений в нарушении прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, введении дополнительных торговых санкций и образовании военно-политического блока AUKUS, направленного на противодействие политике Китая. Таким образом, США рассматривает остров, как рычаг влияния на КНР, так как Тайвань максимально приближен к противнику.

Позиция КНР отражается в принципе единого Китая, с которым не согласны сторонники независимого Тайваня. После окончания гражданской войны в 1949 году, создания Китайской Народной Республики и закрепления правительства Республики Китай на территории Тайваня политическая нестабильность усиливалась спорами о легитимности единого правительства Китая. На тот момент США не признавали КНР, считая законным правительство на Тайване, пока в 1979 году Джимми Картер официально не восстановил дипломатические отношения со страной³.

После сообщения о визите Нэнси Пелоси отношения между КНР и США обострились. Данный жест противоречит политике единого Китая, которая исключает существование двух государств, претендующих на название «Китай». Основываясь на этом принципе, государство, которое признает одну из сторон, разрывает дипломатические отношения с другой стороной. Таким образом, Соединённые Штаты нарушили суверенитет Китайской Народной Республики.

На фоне визита Нэнси Пелоси китайские СМИ начали распространять политические карикатуры о взаимодействии партий в США, курсе страны касательно

¹ Визит Нэнси Пелоси на Тайвань. Главное. // - URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/08/2022/62e91a819a794747582ae47b> (дата обращения: 15.10.2022)

² Никандров А.В. Политический идеал США и демократия // - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-ideal-ssha-i-demokratiya/viewer> (дата обращения: 15.10.2022)

³ "The One-China Principle and the Taiwan Issue". // – URL: <http://www.china.org.cn/english/taiwan/7956.htm> (дата обращения: 15.10.2022)

тайваньского вопроса и внешней политике на острове. Для анализа были выбраны три карикатуры, раскрывающие вышеупомянутые аспекты американско-китайских отношений.

Рис. 1

Первая карикатура отсылает к событию 4 февраля 2020 года. После выступления экс-президента США Дональда Трампа с «Посланием о положении в стране» глава фракции демократической партии Нэнси Пелоси публично разорвала текст его речи. Таким образом она выразила личное отвращение и неуважение к республиканцу Трампу¹.

На китайской карикатуре символ Соединённых Штатов Дядя Сэм изображён как старик в обвисшей рубашке, растянутых штанах и погнутой шляпе, что отличается от образа, транслируемого в массовой культуре страны. Стоя рядом с тумбой 美国国会 [Конгресс США], он рвёт бумаги с надписью 民主党提案 [Проект демократической партии], а спикер палаты представителей Нэнси Пелоси, которая роняет бумагу с надписью 共和党提案 [Проект республиканской партии], поскользывается на бумагах речи Дональда Трампа. Китайские карикатуристы изображают её как пожилую женщину в лиловом костюме, что закрепляет в массовом сознании ассоциацию по цвету.

Трактовка данной карикатуры основывается на следующей позиции Китая

относительно внутренней политики США: американское общество истощено политикой демократической партии, в то время как Нэнси Пелоси не идёт на компромисс с республиканской партией. Таким образом, авторы полагают, что двухпартийная система США разрушена.

Рис. 2

На второй карикатуре под названием “玩火者”佩洛西：嘴上都是主义，心里全是生意“ [«Огненный игрок» Пелоси: доктрина у нее на устах, бизнес – в ее сердце] Нэнси Пелоси произносит следующее: 当今世界正面临着威权与民主的抉择 [Сегодня мир стоит перед выбором между авторитаризмом и демократией], держа в одной руке зажжённый факел, в другой – связку динамитных пашек. Округлая форма разваливающейся сцены указывает на разрушение прежнего миропорядка, что по мнению авторов ведёт к катастрофе, а факел и динамит используются для раскрытия образа Пелоси как олицетворения внешней политики США. Образ спикера гиперболизируется: недостатки во внешности преувеличены, а лицо выражает испуг². Название карикатуры указывает на

¹ 佩洛西其人其事。[«Биография Пелоси»]. // – URL: <http://world.people.com.cn/n1/2022/0808/c1002-32497482.html> (дата обращения: 17.10.2022)

² 「漫画」“玩火者”佩洛西：嘴上都是主义，心里全是生意。[«Карикатура «Огненный игрок» Пелоси: ее уста полны доктрины, ее сердце полно бизнеса»]. // –

лицемерность политика, который использует демократические ценности для собственного обогащения, и раскрывает обвинения в коррупции¹. Это утверждение выражается и невербальным способом: Пелоси несёт мешок с денежными средствами с надписью 内幕交易 [инсайдерская сделка].

Рис.3

На третьей карикатуре Нэнси Пелоси изображена вместе с президентом частично признанной Китайской Республики в процессе обмена: спикер палаты представителей отдаёт шарики с надписями 自由 [свобода] и 民主 [демократия] Цай Инвэнь, которая взамен протягивает леденцы с изображением американской валюты и иероглифом 芯, сокращённое от 芯片 [микрочип, микропроцессор]. Пелоси в лиловом костюме со старым, уставшим лицом и полузакрытыми глазами наклоняется к дружелюбной и доброжелательной Цай Инвэнь, чей полупоклон символизирует заискивание Тайваня перед Вашингтоном². США в лице

Нэнси Пелоси предлагают демократические ценности в обмен на доходы от тайваньской микроэлектроники: Тайвань является мировым лидером полупроводниковой промышленности³. Сдвигшиеся шарики Пелоси символизируют упадок демократических ценностей США. На переднем плане изображён народ Китая, который встречает Пелоси с негодованием и использует её «болевые» точки — обвинения в коррупции, что отражается в следующих репликах: 佩罗西滚回去! [Пелоси, катись к чертям!] и 反还纳税人的血汗钱! [Верни деньги налогоплательщиков, заработанные потом и кровью!]

Реакция стран-соседей обуславливается их развитием как транзитного региона для торговли между Азией и Европой — министерства иностранных дел стран Центральной Азии, входящих в постсоветское пространство, поддерживают принцип «одного Китая». 4 августа официальный представитель МИД Казахстана заявил, что государство считает Тайвань частью КНР, ссылаясь на резолюцию Генассамблеи ООН №2758 от 1971 года, где закреплено, что Китайская Народная Республика — единственный законный представитель Китая в ООН. В тот же день МИД Республики Узбекистан опубликовал заявление на сайте информационного агентства «Дунё», также поддержав территориальную целостность Китая. Аналогичной позиции придерживаются Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан, что также подтверждается заявлениями МИД стран, которые заявили, что поддержка принципа «одного Китая» закреплена в кыргызско-китайских, таджикско-китайских и туркменско-китайских документах соответственно⁴.

URL: <https://yiiread.com/cn/c2scyt0d2/> (дата обращения: 17.10.2022)

¹ Подозрительный успех: чем возмутили американцев инвестиции Нэнси Пелоси. // — URL: <https://pro.rbc.ru/demo/6128fe809a794798578dc4e0?yscclid=I98s4nnuyr144032052> (дата обращения: 17.10.2022)

² 佩洛西其人其事。[«Биография Пелоси»]. // — URL: <http://world.people.com.cn/n1/2022/0808/c1002-32497482.html> (дата обращения: 17.10.2022)

³ Taiwan to remain largest semiconductor material market in 2020, 2021 // — URL: <https://focustaiwan.tw/sci-tech/202009220024> (дата обращения: 17.10.2022)

⁴ Китай-Центральная Азия: поддержка Пекина в ситуации вокруг Тайваня и манящая близость

Таким образом, используя сатирическую форму, политическая карикатура может регулировать общественное мнение относительно социально-экономических процессов, выражая официальную позицию правительственных органов КНР. За счёт составного характера поликодового текста карикатура в полной мере воздействует на потенциальную аудиторию, имея в поле влияния сознательный и подсознательный компоненты получателя сообщения. В данном процессе используются следующие приёмы манипуляции: метод «навешивания» ярлыков, использование «болевых» точек субъекта и гиперболизация недостатков субъекта [Lilleker, 2006; 方建移, 2007]. Карикатура как пропагандистский инструмент способствует подробному описанию точки зрения отправителя наряду с формированием негативного образа и консолидации общества против общего врага.

Применительно к постсоветскому региону внешнеполитическая конъюнктура на протяжении последних 30 лет «была обусловлена стремлением США, ЕС, Китая, ряда других региональных и внерегиональных государств утвердиться на постсоветском пространстве» [Курылёв и др. 2022: 119]. Таким образом, в контексте геополитической ситуации вокруг острова Тайвань, с учётом исторической справки относительно внешней политики США, тайваньского вопроса и возрастающего напряжения в американо-китайских отношениях, которое также подкрепляется неодобрением стран Центральной Азии, официальная позиция правительства Китайской Народной Республики звучит так: придерживаясь курса демократизации общества, Соединённые Штаты нарушают суверенитет государства, и пример этому – визит спикера палаты представителей Нэнси Пелоси, который также вызвал негативную

реакцию входящих в постсоветский регион стран-соседей КНР, подвергающихся влиянию как Российской Федерации, так и Китайской Народной Республики.

Очевидно, что по мере ухудшения китайско-американских отношений ценность Москвы в глазах Пекина, вероятно, будет расти. Китай будет заинтересован в наличии надежного стратегического партнера в Евразии, чтобы сосредоточиться на своем главном стратегическом противнике в Индо-Тихоокеанском регионе¹. Это подразумевает перспективу более активного политического, военного экономического и технологического сотрудничества между Китаем и Россией и даже, возможно, больше готовности китайской стороны игнорировать антироссийские санкции США.

Кроме того, по мере эскалации кризиса в Восточной Азии, внимание международного сообщества рано или поздно начнет переключаться с Украины на Тайвань. Это не обязательно предполагает, что в западных странах элиты и общества изменят свою нынешнюю позицию в отношении российско-украинского конфликта, но данный конфликт, вероятно, перестанет быть центральной проблемой мировой политики. Поскольку экономически для Запада Тайвань все-таки важнее Украины, а поддержка Западом Тайбэя имеет более солидную историческую ретроспективу, чем поддержка Киева, возникнут обоснованные причины рассчитывать на то, что Запад, все более озабоченный долгосрочным противостоянием с Пекином, начнет постепенно ослаблять свое нынешнее экономическое, дипломатическое и военное давление на Российскую Федерацию.

реализации совместных проектов. // – URL: <https://russian.eurasianet.org/китай-центральная-азия-поддержка-пекина-в-ситуации-вокруг-тайваня-и-меняющаяся-близость-реализации> (дата обращения: 20.10.2022)

¹ Ставки России в кризисе вокруг Тайваня // – URL: https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/stavki-rossii-v-krizise-vokrug-tayvanya/?sphrase_id=92954940 (дата обращения: 07.10.2022)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Lasswell H. The theory of political propaganda. *American Political Science Review*, vol. 21(3), 1927, pp. 627-631.

Darren G. Lilleker. Key Concepts in Political Communication. - SAGE Publications Ltd; 1st edition. 2006.

Rastic A., Dazdarevic S., Fijuljanin F. New Language Media: Internet Memes Manuscript//UNITE. Novi Pazar: University of Novi Pazar, 2014. № 2. Vol. 1. P. 38-44

方建移. 大众传媒心理学. 杭州: 浙江大学出版社. [*Фан Цзяньи.* «Психология средств массовой информации»]. Ханчжоу: Издательство Чжэцзянского университета, 2007.

Айнутдинов А.С. Типология и функции карикатуры в прессе//Вестник ЧелГУ. Челябинск: ГОУ ВПО «ЧелГУ», 2008. № 21. С. 20-28.

Буш Р. и О'Хэнлон М. (2007). Война, не похожая ни на одну другую: Правда о вызове Китая Америке. Уайли.

Воронина О.А. Анализ карикатуры как вида креолизованного текста//Вестник ЦМО МГУ. М.: Центр международного образования Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2010. № 2. С. 11-15.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 73-78.

Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. 194 с.

Губин А.В. Тайваньский кризис – новая надежда. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016;9(4):107-127.

Ейгер Г.В. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф., МГПИИЯ: в 2 ч. Ч. 1. М.: МГПИИЯ, 1974. С. 103-109.

Колтышева С.Я. Креолизованный текст как сфера функционирования метафор (на примере шоу-дискурсов России и США)//Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. Челябинск: ЮУрГУ, 2014. № 1. Т. 11. С. 91-96.

Курылев К.П., Малышев Д.В., Станис Д.В. Страновое измерение процессов евразийской интеграции в СНГ // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 1. С. 119-128.

REFERENCES

Lasswell H. The theory of political propaganda. *American Political Science Review*, vol. 21(3), 1927, pp. 627-631.

Darren G. Lilleker. Key Concepts in Political Communication. - SAGE Publications Ltd; 1st edition. 2006.

Rastic A., Dazdarevic S., Fijuljanin F. New Language Media: Internet Memes Manuscript//UNITE. Novi Pazar: University of Novi Pazar, 2014. № 2. Vol. 1. P. 38-44

方建移. 大众传媒心理学. 杭州: 浙江大学出版社. [*Fan Jianyi.* "Psychology of mass media"]. Hangzhou: Zhejiang University Press, 2007.

Ajnutdinov A.S. Tipologija i funkcii karikatury v presse//Vestnik ChelGU. Cheljabinsk: GOU VPO «ChelGU», 2008. № 21. S. 20-28.

Bush R. & O'Hanlon M. (2007). A War Like No Other: The Truth About China's Challenge to America. Wylie. Darren G. Lilleker. Key Concepts in Political Communication. - SAGE Publications Ltd; 1st edition. 2006.

Voronina O.A. Analiz karikatury kak vida kreolizovannogo teksta//Vestnik CMO MGU. M.: Centr mezhdunarodnogo obrazovanija Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova, 2010. № 2. S. 11-15.

Voroshilova M.B. Creolized text in political discourse // Political Linguistics. 2007. No. 3 (23). pp. 73-78.

Voroshilova M.B. Political creolized text: keys to reading: monograph. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2013. 194 p.

Gubin A.V. Taiwan Crisis – New Hope. Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2016;9(4):107-127. (In Russ.)

Yeiger G.V. To the construction of the typology of texts // Linguistics of the text: materials of the scientific conference, MGPIA: in 2 h. h. 1. M.: MGPIA, 1974. pp. 103-109.

Koltysheva S.Ja. Kreolizovannyj tekst kak sfera funkcionirovaniya metafor (na primere shou-diskursov Rossii i SShA)//Vestnik JuUrGU. Serija: Lingvistika. Cheljabinsk: JuUrGU, 2014. № 1. T. 11. S. 91-96.

Kurylev K.P., Malyshev D.V., Stanis D.V. Stranovoe izmerenie processov evrazijskoj integracii v SNG // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2022. T. 66. № 1. S. 119-128.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пархитько Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Теории и истории журналистики Филологического факультета РУДН. Москва, Россия E-mail: scharnchorst@mail.ru

Дорофеева Екатерина Алексеевна, магистрант кафедры теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия. E-mail: e.a_dorofeeva@mail.ru

Агальцов Олег Александрович, магистрант кафедры теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия. E-mail: aghaltsov2000@mail.ru

Nickolay P. Parkhitko. PhD in History, Associate Professor of the Theory and History of Journalism Department, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: scharnchorst@mail.ru

Ekaterina A. Dorofeeva, Master's student of the Theory and History of Journalism Department, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: e.a_dorofeeva@mail.ru

Oleg A.Aghaltsov, Master's student of the Theory and History of Journalism Department, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: aghaltsov2000@mail.ru

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ / CENTRAL ASIA

Научная статья / Research article

Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе

В. А. Аватков

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Россия*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>, e-mail: v.avatkov@gmail.com

З. П. Рожкова

Центр востоковедных исследований и межкультурных коммуникаций, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются векторы внешнеполитического курса Республики Узбекистан. Внимание акцентируется на политико-правовых основах внешней политики Республики, статистических данных, документальном обосновании внешней политики. Подчеркивается интерес акторов международного процесса к происходящим в стране событиям, многие международные организации рассматривают Узбекистан как потенциального партнера. На современном этапе развития системы международных отношений особую интенсивность во взаимодействии можно наблюдать с РФ, КНР, США Республикой Корея, Японией, Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Таджикистаном. Во внешнеполитических документах особое внимание уделяется сотрудничеству с западным миром, поскольку оно позволяет получить доступ к современным технологиям и привлечению инвестиций в разные отрасли экономики. Наблюдается развитие отношений не только в рамках ЕС и НАТО, но и частые переговоры на высшем уровне. В статье также показано, что руководство Республики Узбекистан заинтересовано в укреплении связей со странами Востока по причине схожести социально-экономических проблем, общих угроз безопасности (высыхание Аральского моря, терроризм, столкновения на религиозной почве, проникновение наркотиков и оружия, фактор напряженности, связанный с Афганистаном), сотрудничества в вопросах миграционной и таможенной политики, участия в создании всеобъемлющей международной системы экологической безопасности. Под приведенными тенденциями трансформируется внешнеполитический курс. Стало прослеживаться более тесное и доверительное взаимодействие с Российской Федерацией в военно-стратегических и геополитических вопросах.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, Республика Узбекистан, лидерство

Для цитирования: Аватков В.А., Рожкова З.П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе // Постсоветские исследования. 2022;8(5):825-834.

Conceptual foundations of the foreign policy of the republic of Uzbekistan at the present stage

Vladimir A. Avatkov

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>, e-mail: v.avatkov@gmail.com

Zlata P. Rozhkova

Diplomatic Academy of the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the vectors of the foreign policy of the Republic of Uzbekistan. Attention is focused on the political and legal foundations of the Republic's foreign policy, statistical data, and the documentary justification of foreign policy. The interest of the actors of the international process in the events taking place in the country is emphasized, many international organizations consider Uzbekistan as a potential partner. At the present stage of the development of the system of international relations, a special intensity in interaction can be observed with the Russian Federation, China, the USA, the Republic of Korea, Japan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan. In foreign policy documents, special attention is paid to cooperation with the Western world, since it allows access to modern technologies and attracting investments in various sectors of the economy. There is a development of relations not only within the EU and NATO, but also frequent negotiations at the highest level. The article also shows that the leadership of the Republic of Uzbekistan is interested in strengthening ties with the countries of the East due to the similarity of socio-economic problems, common security threats (the drying up of the Aral Sea, terrorism, clashes on religious grounds, the penetration of drugs and weapons, the tension factor associated with Afghanistan), cooperation in migration and customs policy, participation in the creation of a comprehensive international environmental safety system. Under these trends, the foreign policy course is being transformed. Closer and more trusting cooperation with the Russian Federation in military-strategic and geopolitical issues began to be traced.

Keywords: international relations, foreign policy, the Republic of Uzbekistan, leadership

For citation: Vladimir A. Avatkov, Zlata P. Rozhkova. Conceptual foundations of the foreign policy of the republic of Uzbekistan at the present stage // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;8(5):825-834. (In Russ.)

В настоящее время политологи уделяют все большее внимание Средней Азии, в связи с тем, что регион является связующим в торговых путях и обладает богатыми ресурсами. В частности, в статьях авторы рассматривают Узбекистан с точки зрения пути его развития и связей с внешним миром. Е. Ионова в своей работе [Ионова 2021: 87] оценивает направления внешней политики Узбекистана после прихода к власти Ш. Мирзиёева, обосновывая причины особого интереса Республики в Афганистане и Южной Азии, приводя анализ укрепления российско-узбекского сотрудничества. Дипломатическая база отношений Узбекистана и России исследуется в статье Д. Б. Малышевой, особо раскрываются внешнеэкономические и внешнеторговые связи Республики. Современные авторы пишут о том, что после распада СССР в регионе начался процесс политического плюрализма, приводя причины расслоения [Малышева 2021: 122]. Подчеркивают то, что постсоветское пространство стало «зоной повышенного политического риска» из-за наличия как собственных национальных конфликтов, так и увеличения террористической опасности и проблем

миграции [Курылев, Дегтерев, Смолик, Станис 2018: 150].

В данной статье рассматриваются более актуальные тенденции внешнеполитического курса Республики Узбекистан, поскольку необходимо учитывать активное участие новые инициативы, выдвинутые Президентом Узбекистана, совместные проекты Республики в рамках международных организаций. Методология исследования основывается на институциональном анализе, в ходе которого рассмотрены структуры Министерства иностранных дел Республики Узбекистан, их задачи и функции, правовая база. Кроме того, был использован системный метод анализа, включавший в себя изучение векторов внешней политики в системе международных отношений, определение интересов страны в рамках ее ценностей, функциональность подведомственных структур, как механизмов МИД.

После распада СССР новые независимые государства Средней Азии столкнулась с такими проблемами, как отсутствие опыта в построении государственности, этнические разногласия, сложности в экономике.

Государствам пришлось решать сразу несколько проблем: становление национальной государственности, проведение конституционных реформ, формирование собственных внешнеполитических и внутреполитических интересов. Главным стал вопрос становления собственной идентичности, на смену советскому универсализму пришли национальные интересы и идеологии.

Экономические реформы после распада Советского союза содержали: введение национальных валют, приватизацию, диверсификацию внешнеэкономических связей. В странах происходила разработка и принятие конституций, проведение демократических реформ, создание новых политических органов. Эти трудности усиливались низкой конкурентоспособностью региона в условиях глобализации, ростом социального недовольства, безработицей, низким уровнем доходов населения. Узбекистан также столкнулся с этими проблемами, поэтому до сих пор главными целями страны является защита внутреннего и внешнего суверенитета, выстраивание собственного политического курса и идеологии.

В последнее время положение Узбекистана на региональной арене становится все более значимым. Одной из причин такого возвышения является сильное руководство, в особенности, характерная для Востока лидероцентричность. От того, насколько правитель будет грамотно распоряжаться ресурсами и стратегически выстраивать свою политику будет зависеть не только настоящее, но и будущее государства.

Лидером Узбекистана сегодня является действующий президент Республики Шавкат Миромонович Мирзиёев. Касаясь международной оценки деятельности

узбекистанского главы, нельзя не отметить того, что мировая политическая элита считает его значимым партнером, кроме того, они отмечают усиливающуюся роль Республики в регионе. Это подтверждает статья¹, написанная Си Цзиньпином, Председателем КНР, в которой он отмечает, что «под руководством Президента Ш. М. Мирзиёева узбекский народ начал великий поход к строительству нового Узбекистана. Страна приобрела новый облик, существенно укрепились позиция на международной арене. Как дружественный сосед и всесторонний стратегический партнер, мы искренне рады вашим успехам». Значимость главы Узбекистана показывают и результаты глобального опроса, проведенного общенациональным движением «Юксалиш» в 2021 г.² В соответствии с ним, был сформирован список из 15 ключевых реформ Президента Ш. Мирзиёева, имеющих историческое значение. По мнению экспертов, наиболее важная инициатива лидера Узбекистана — открытие границ и создание пунктов пропуска, конструктивный диалог со странами Средней Азии по всем без исключения вопросам³. В качестве экспертов участвовали такие известные зарубежные деятели, как президент Центра политики и иностранных дел Франции Ф. Бассар, президент Холонского технологического университета Э. Якубов, главный исследователь по Центральной Азии Университета Васэда Наоки Нихей и другие.

Документальное обоснование внешнеполитического курса Узбекистана

Основными документами, содержащими принципы внешнеполитического курса Республики Узбекистан является Конституция, Положение о Министерстве иностранных дел Республики Узбекистан⁴,

¹ Агентство новостей Podrobno.uz «Председатель КНР Си Цзиньпин написал статью, посвященную развитию китайско-узбекских отношений» [Электронный ресурс] // <https://podrobno.uz/cat/politic/predsedatel-knr-si-tszinpin-napisal-statyu-posvyashchennuyu-razvitiyu-kitaysko-uzbekskikh-otnosheniy/> (дата обращения 10.09.2022)

² Официальный сайт общенационального движения «Юксалиш» [Электронный ресурс] //

https://yumh.uz/ru/news_detail/368 (дата обращения 17.08.2022)

³ Электронное СМИ xs.uz [Электронный ресурс] // <https://xs.uz/uz/post/100-nafar-ekspert-prezident-shavkat-mirziyoevning-15-ta-muhim-islohotini-aniqlab-berdi> (дата обращения 18.08.2022)

⁴ Положение о Министерстве иностранных дел Республики Узбекистан (Приложение N 3 к Постановлению Президента РУз от 05.04.2018 г. N ПП-3654) [Электронный ресурс] //

закон «О международных договорах»¹, постановление Президента Республики Узбекистан «Об организационных мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности министерства иностранных дел Республики Узбекистан»², законодательные акты, принятые в рамках стратегии развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы³.

Конституция Республики Узбекистан принята 8 декабря 1992 г. на одиннадцатой сессии Верховного совета Республики Узбекистан двенадцатого созыва. Она полностью воплотила в себе принципы и идеи, закрепленные в «Декларации о суверенитете», Законе «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан». В частности, принцип признания и уважения основных принципов международного права, самоопределения во внешнеполитической деятельности, установления дипломатических, консульских, торговых и иных связей с иностранными государствами, обмена с ними полномочными представителями, заключения международных договоров. Статья 1 Конституции характеризует государство как «суверенную демократическую республику»⁴. Форма правления Узбекистана – смешанная республика. Президент является главой государства и исполнительной власти (одновременно занимает должность Председателя Совета Министров). Высшим государственным представительным органом является Олий Мажлис, осуществляющий законодательную власть. Внешняя политика Узбекистана «исходит из принципов суверенного равенства

государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права» (ст. 17)⁵.

Положение о Министерстве иностранных дел Республики Узбекистан «определяет статус, основные задачи, функции, права, ответственность, порядок организации деятельности и отчетности Министерства иностранных дел Республики Узбекистан, а также функциональные обязанности и ответственность его руководителей»⁶. Отличительной чертой Положения является то, что большую роль в определении внешнеполитического курса отводится Президенту Республики. Отдельным пунктом рассматривается «афганский вопрос», специальный представитель Президента Узбекистана координирует весь комплекс вопросов, связанный с данным направлением. Внешняя политика Узбекистана в отношении Афганистана в постсоветский период позволяет выделить два этапа:

— первый (1991–2016 гг.) - этап дистанцирования и осторожного отношения к Афганистану;

— второй (2017 г. - по настоящее время) - этап резкой активизации политических, экономических и гуманитарных отношений.

На протяжении каждого из этих периодов правительство Республики применяла разный подход к узбекско-афганским связям [Притчин 2020: 782]. Однако главными особенностями отношения Узбекистана к Афганистану было понимание

https://nrm.uz/contentf?doc=539156_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (дата обращения 18.08.2022)

¹ Закон Республики Узбекистан, от 06.02.2019 г. № ЗРУ-518 «О МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН» [Электронный ресурс] // <https://lex.uz/docs/4193763> (дата обращения 18.08.2022)

² Постановление Президента Республики Узбекистан, от 05.04.2018 г. № ПП-3654 [Электронный ресурс] // <https://lex.uz/docs/3611280> (дата обращения 18.08.2022)

³ Указ Президента Республики Узбекистан, от 28.01.2022 г. № УП-60 «О СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

НОВОГО УЗБЕКИСТАНА НА 2022 — 2026 ГОДЫ [Электронный ресурс] // <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (дата обращения 19.08.2022)

⁴ Статья 1 Конституции Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // <https://lex.uz/docs/35869> (дата обращения 19.08.2022)

⁵ Конституция Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=818 (дата обращения: 19.08.2022)

⁶ Постановление Президента Республики Узбекистан, от 05.04.2018 г. № ПП-3654 [Электронный ресурс] // <https://lex.uz/docs/3611280> (дата обращения: 19.08.2022)

невозможности урегулирования ситуации (продолжающаяся дестабилизация и рост радикализма на южных границах Республики является источником постоянной угрозы безопасности) исключительно военными мерами, осознание возможности восстановления мира и стабильности в стране путем интеграции Афганистана в экономические проекты стран Средней Азии. 26 июля 2022 года в г. Ташкенте состоялась Международная конференция на тему «Афганистан: безопасность и экономическое развитие», в которой приняли участие спецпредставители государств, ближайших соседей Афганистана, стран Южной, Средней Азии, Ближнего Востока, ЕС, США, а также высокопоставленная делегация Временного правительства Афганистана. Стоит отметить, что Представители Правительства Афганистана и руководители других делегаций отметили значимость инициатив, выдвинутых Президентом Узбекистана, в том числе по строительству железной дороги «Термез - Мазари-Шариф - Кабул - Пешавар», прокладке ЛЭП «Сурхан - Пули-Хумри», и др.¹ Важнейшим вопросом в данном направлении политики является то, какой должна быть политика Узбекистана в отношении Афганистана, во главе которого стоит «Талибан». Республика имеет опыт того, как в 1996–2001 годах, после прихода к власти «Талибана», Узбекистан стал местом сосредоточения террористических организаций (в частности, «Исламской организации Узбекистан») [Эргашев 2021: 35]. Тогда это было серьезной угрозой национальной безопасности Республики, поэтому Узбекистан стремится не допустить подобной ситуации вновь, стараясь налаживать конструктивный диалог с правительством Афганистана [Ионова 2015: 65].

Концепция развития Нового Узбекистана 2022–2026 включает в себя ряд задач,

которые непосредственно связаны с реализацией внешнеполитического курса:

— Дальнейшее улучшение и повышение привлекательности инвестиционного климата в стране;

— Создание эффективной системы обеспечения общественной безопасности, своевременного выявления и устранения условий, способствующих совершению правонарушений. Дальнейшее укрепление обороноспособности государства, усиление боеготовности, боеспособности и потенциала Вооруженных Сил;

— Поднятие на высокий уровень тесного сотрудничества в области безопасности, торгово-экономической, водной, энергетики, транспорта и культурно-гуманитарной сферах в Центральной Азии².

В соответствии с постановлением Президента Республики Узбекистан «Об организационных мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности министерства иностранных дел Республики Узбекистан» основными задачами министерства иностранных дел являются обеспечение политико-дипломатическими и международно-правовыми средствами защиты независимости, суверенитета, безопасности, территориальной целостности и нерушимости границ, а также других национальных интересов Республики Узбекистан³.

Министерство иностранных дел Республики Узбекистан

В систему Министерства иностранных дел входит центральный аппарат Министерства, территориальные отделения в Республике Каракалпакстан и областях, дипломатические представительства, консульские учреждения Республики Узбекистан за рубежом, представительства и миссии Республики Узбекистан при международных организациях, Информационное агентство "Дунё"; Университет мировой экономики и

¹ Электронная газета «Янги Ўзбекистон» [Электронный ресурс] // <https://yuz.uz/ru/news/mid-uzbekistana-opublikovaloy-zayavlenie-po-itogam-mejdunarodnoy-konferentsii-po-afganistanu> (дата обращения: 21.08.2022)

² Указ Президента Республики Узбекистан, от 28.01.2022 г. № УП-60 Указ Президента Республики

Узбекистан, от 28.01.2022 г. № УП-60 [Электронный ресурс] // <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (дата обращения 20.08.2022)

³ Постановление Президента Республики Узбекистан, от 05.04.2018 г. № ПП-3654 [Электронный ресурс] // <https://lex.uz/docs/3611280> (дата обращения 20.08.2022)

дипломатии; Центр анализа и прогнозирования; Бюро по обслуживанию дипломатического корпуса; Бюро переводчиков. Министр иностранных дел имеет трех заместителей, в том числе одного первого заместителя и одного советника, назначаемых и освобождаемых от должности Президентом Республики Узбекистан¹.

Современная внешняя политика Узбекистана «направлена на развитие прагматических отношений со всеми традиционными партнерами и другими странами. Основная задача, определенная в этом контексте, это модернизация и обеспечение устойчивости экономики, повышение уровня жизни населения и его интеграция в экономические отношения в мире для развития страны»².

Министром иностранных дел Узбекистана с 3 января 2012 года по 27 апреля 2022 был Абдулазиз Хафизович Камилов. Стоит отметить, что именно он сыграл важную роль в возобновлении узбекско-американских отношений, которые ухудшились после кровавых событий в Андижане в 2005 году³. 27 апреля 2022 Президент Шавкат Мирзиёев назначил Норова Владимира Имамовича новым и.о. министра иностранных дел Республики. Примечательно, что деятельность Норова в качестве Генерального секретаря ШОС в 2019–2021 годах, а также его усилия по развитию российско-узбекских отношений были высоко оценены послом России Олегом Мальгиновым. Господин посол вручил и. о. министра иностранных дел Узбекистана знак «За вклад в международное сотрудничество»⁴. Позиция одного политика

по поводу международной повестки не идет вразрез с мнением другого, поэтому серьезного пересмотра в выбранной стратегии не ожидается.

Особое внимание уделяется подготовке кадров для службы в Министерстве иностранных дел. Высшим учебным заведением, готовящим дипломатов, является Университет Мировой Экономики и Дипломатии (УМЭД). Он был основан 23 сентября 1992 году, согласно Указу Президента Республики Узбекистан. Университет выпускает специалистов в области мировой дипломатии и экономики, международного права, межгосударственных и внешнеэкономических связей, международных экономических отношений. На сегодняшний день в УМЭД обучаются более 1500 студентов. К учебному процессу приглашены на постоянной основе иностранные профессора из ведущих учебных заведений Великобритании, Японии, Кореи, Польши⁵.

Другой подведомственной организацией МИДа является Информационное агентство «Дунё», создание которого было утверждено 13 сентября 2019 года Постановлением Кабинета Министров. Агентство ведет активную работу, подготавливая материалы о современных преобразованиях, политической, экономической и культурной жизни страны, были сняты телепередачи и видеоролики о международных инициативах Мирзиёева⁶.

Раскрывая особенности курса и организационной структуры внешней политики, важно указать, что Узбекистан

¹ Положение о Министерстве иностранных дел Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // https://nrm.uz/contentf?doc=539156_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (дата обращения 20.08.2022)

² Dr. Nazrin ALIZADA «Влияние Мирзиёева на внешнюю политику Узбекистана» [Электронный ресурс] // Анкарский центр исследований кризисных ситуаций и политики // <https://www.ankasam.org> (дата обращения 20.08.2022)

³ Радио Озодлик «Глава МИД Узбекистана может не вернуться к своим обязанностям» [Электронный ресурс] // <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20220331/ozodlik-glava-mid-uzbekistana-mozhet-ne-vernutsya-k-svoim-obyazannostyam> (дата обращения 20.08.2022)

⁴ ИА «Дунё» [Электронный ресурс] // https://dunyo.info/ru/site/inner/zamestitelyu_glavi_mid_uzbekistana_vruchen_znak_zh_vklad_v_mezhdunarodno_e_sotrudnichestvo-jcT (дата обращения 20.08.2022)

⁵ Официальный сайт УМЭД [Электронный ресурс] // <https://www.uwed.uz/ru/pages/about-UWED> (дата обращения 20.08.2022)

⁶ Информационное агентство «Дунё» [Электронный ресурс] // https://dunyo.info/ru/site/inner/informatsionnoe_agentstv_o_dunio_otmechaet_pervuyu_godovshtinu_svoego_sozdaniya-ncA (дата обращения 20.08.2022)

является членом более 40 международных организаций, в том числе ООН (с 1992 года) и ряда её специализированных учреждений, СНГ (с 1991 года), ОИК (с 1992 года), ОБСЕ (с 1992 года), МБРР (с 1992 года), МВФ (с 1992 года), МФК, МАР (с 1992 года), ЕБРР, Азиатского банка развития, ЦАС (с 1994 года), ШОС (с 2001 года), ОДКБ (вступил в 1992 году, приостановил членство в 1998 году, но возобновил участие с 2006 года). Узбекистан имеет статус наблюдателя в ВТО. С 1999 по 2005 годы входил в ГУУАМ (намерение выйти из состава этой организации было озвучено президентом Каримовым в 2002 году, но официальный выход состоялся в 2005 году), ЕврАзЭС (с 2006 года)¹.

Следует отметить, что в 2021–2022 годах Узбекистан председательствует в ШОС. Министр иностранных дел России, Сергей Лавров высоко оценил деятельность Узбекистана в сфере «развития транспортной взаимосвязанности, энергетического сотрудничества, "умного" сельского хозяйства, цифровой трансформации, межрегиональных связей, внедрения высоких технологий и инновации»². Мирзиёев, в свою очередь, отметил тенденцию, при которой «с каждым годом растёт число государств, готовых подключиться к деятельности ШОС»³. Политолог Алексей Мартынов, раскрывая значимость прошедшего в Самарканде саммита ШОС, отметил, что эта организация «становится альтернативой для тех государств, которых не удовлетворяет подход и контроль Запада. Сегодня ШОС — это площадка, где страны могут обсуждать

самые разные вопросы взаимодействия и развития. И напомню, что инициатором этой глобальной истории был Путин — её главный архитектор. Эта идея была тепло воспринята Китаем, Индией, Пакистаном и другими странами, причём сейчас мы видим не всю картину в масштабе, есть ещё БРИКС, так что в будущем нам и нашим партнёрам придётся перезапускать всю международную систему»⁴.

Отдельные принципы и тенденции во внешнеполитическом курсе Республики Узбекистан

После прихода к власти Ш. Мирзиёева был пересмотрен внешнеполитический курс Республики. Ташкент имеет ограниченный круг интересов — транспортную связанность стран Туркестана, упрощение перемещений между странами региона (проект виза «Шелкового пути») и создание ЗСТ между странами-соседями⁵. В Послании Президента Республики Узбекистан Олий Мажлису (парламент Республики Узбекистан) на 2021 год в разделе внешней политики особое внимание уделено вопросу сотрудничества со странами Средней Азии⁶. Дальнейшее укрепление партнерства с государствами региона Президент назвал приоритетом внешней политики. В результате двустороннее и многостороннее сотрудничество в регионе вышли на новый уровень. В частности, за 2017–2019 годы средний годовой товарооборот со странами Средней Азии вырос более чем на 50% и составил 5,2 млрд долларов. По итогам 2020 года, несмотря на глобальную пандемию, общий товарооборот Узбекистана со странами Средней Азии составил 5

¹ Узбекистан / Участие в международных организациях и международных режимах, основные внешнеполитические контрагенты и партнёры, отношения с Россией [Электронный ресурс] // Политический атлас современности // <http://www.hyno.ru/tom2/1765.html> (дата обращения 20.08.2022)

² Информационное агентство Sputnik Узбекистана [Электронный ресурс] // <https://uz.sputniknews.ru/20220729/lavrov-otsenil-predsedatelstvo-uzbekistana-v-shos-26640577.html> (дата обращения 20.08.2022)

³ Ш. М. Мирзиёев «Самаркандский саммит ШОС: диалог и сотрудничество во взаимосвязанном мире» // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан [Электронный ресурс] //

<https://president.uz/ru/lists/view/5495> (дата обращения: 14.09.2022)

⁴ Информационный портал Life.ru [Электронный ресурс] // <https://life.ru/p/1524288> (дата обращения 08.10.2022)

⁵ ИА REGNUM «МИД: Узбекистан продолжит следовать курсу самостоятельного развития» [Электронный ресурс] // <https://regnum.ru/news/polit/3585113.html> (дата обращения 21.08.2022)

⁶ ИА Review.uz «Послание Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева Олий Мажлису» [Электронный ресурс] // <https://review.uz/post/poslanie-prezidenta-uzbekistana-shavkata-mirziyoyeva-oliy-majlisu> (дата обращения 21.08.2022)

миллиардов долларов¹. Кроме того, в результате открытой, продуманной и прагматичной политики Узбекистана в отношении стран региона в 2017–2020 годах были решены такие проблемы, как водопользование, делимитация и демаркация государственных границ между Узбекистаном и соседними странами, использование транспортных коммуникаций, пересечение государственных границ.

Глава государства Шавкат Мирзиёев в своем выступлении на торжественном собрании, посвященном 24-й годовщине принятия Конституции Республики Узбекистан, подчеркнул, что «Внешнеполитическая деятельность государства, прежде всего, основывается на всесторонних интересах народа и страны. Основой внешней политики остаются принципы невмешательства во внутренние дела других государств, урегулирование возникающих конфликтов и противостояний только мирным, политическим путем². Республика старается налаживать со всеми странами стратегическое партнерство, продвигая при этом свои идеи и интересы, к примеру, была выдвинута идея «Торговать выгоднее, чем воевать», Узбекистан предложил странам Центральной и Южной Азии решать проблемы безопасности через экономику³. Это подтверждает и Стратегия развития нового Узбекистана на 2022–2026 гг.

Узбекистан также расширяет сотрудничество с тюркскими странами.

Организация тюркских государств (ОТГ), ранее называвшаяся Советом сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет), была создана 3 октября 2009 года Нахчыванским соглашением, подписанным между Азербайджаном, Казахстаном, Кыргызстаном и Турцией. В 2018 году Узбекистан стал членом организации. В ноябре 2022 года планируется проведение девятого саммита ОТГ в Самарканде, в ходе которого председательство в Организации перейдет от Турции к Узбекистану⁴. Отношения Турции и Узбекистана в рамках ОТГ развиваются очень динамично, они вышли на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. За прошедшие три года президенты Узбекистана и Турции встречались 7 раз, значительно расширяется договорно-правовая база отношений. Правовую базу узбекско-турецкого сотрудничества составляют Договор о вечной дружбе и сотрудничестве между Узбекистаном и Турцией, а также 123 соглашения, направленных на расширение многоаспектного двустороннего сотрудничества. Кроме того, сегодня между государствами создан целый комплекс новых органов взаимодействия – Высший совет по стратегическому партнёрству под председательством Глав государств, Совместная группа по стратегическому планированию на уровне глав МИД, а также Межпарламентские группы сотрудничества⁵.

¹ Электронное издание сайт «Большая Азия» [Электронный ресурс] // <https://bigasia.ru/content/pub/review/druzhestvennoe-sotrudnichestvo-so-stranami-tsentralnoy-azii-prioritetnoe-napravlenie-vneshnepolitich/> (дата обращения 23.08.2022)

² Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Узбекистан «Узбекистан: важный этап во внешней политике» [Электронный ресурс] // <https://mfa.uz/ru/press/news/2017/uzbekistan-vajnyy-etap-vo-vneshney-politike---28409> (дата обращения 21.08.2022)

³ Сайт центра геополитических исследований «Берлек-единство» [Электронный ресурс] // <http://berlek-nkp.com/analitics/9965-uzbekistan-predlozhit-stranam-centralnoy-i-yuzhnoy-azii-reshat>

<problemy-bezopasnosti-cherez-ekonomiku.html> (дата обращения 32.08.2022)

⁴ ИА Sputnik.uz «Лидеры тюркоязычных стран соберутся в ноябре в Самарканде» [Электронный ресурс] // <https://az.sputniknews.ru/20220802/lidery-turkoyazychnykh-stran-soberutsya-v-noyabre-v-samarkande-444610436.html> (дата обращения 21.08.2022)

⁵ Официальный сайт Института стратегических и межрегиональных исследований при президенте Республики Узбекистан «Сотрудничество Узбекистана и Турции выведено на уровень всеобъемлющего стратегического партнёрства» [Электронный ресурс] // <https://isrs.uz/ru/maqolalar/sotrudnicestvo-uzbekistana-i-turcii-vyvedeno-na-uroven-vseobemlusego->

Однако стратегическое партнерство и уровень сотрудничества с Российской Федерацией было и остается одним из важнейших во внешней политике Узбекистана [Малышева 2021: 121]. Как отметил Владимир Путин, диалог Москвы и Ташкента отличается глубиной и интенсивностью и носит многоплановый характер. В последние годы Россия и Узбекистан активно сближаются в различных сферах, от вопросов безопасности до образования, и развивают крупные совместные проекты. Их более 150, а общая стоимость превышает \$14 млрд¹. Для России важны ресурсы Узбекистана, которые заключаются не только в выпуске востребованной в РФ продукции (текстиль, плодоовощная продукция, пластмассы и каучук, транспортные средства и др.), но и в наличии у Узбекистана большого количества трудовых ресурсов, которые могут быть использованы для увеличения российского и узбекского ВВП. Ташкент заинтересован в экономическом и технологическом развитии, своевременном обновлении национальной энергетической, транспортной и социальной инфраструктуры. Для этих целей властям страны необходимы финансовые ресурсы².

Сегодня Узбекистан постепенно идет по пути повышения имиджа на международной арене. Делает это стратегически, прежде всего учитывая свои национальные интересы, указанные в Конституции Республики, и ускоряя темпы экономических реформ для создания благоприятного инвестиционного климата. Главными ценностями Узбекистана во внешней политике являются установление всесторонних связей с различными странами

на принципах равноправного партнерства и взаимного уважения для интеграции в систему мирохозяйственных связей, осуществления активного международного, политического, экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Страна обладает внешнеполитической стратегией, Концепцией развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы. Сегодняшние показатели уже позволяют сделать вывод о том, что результаты проводимых реформ и плоды сотрудничества с ведущими державами позволяют выйти Ташкенту на новый качественный этап. Председательство Узбекистана в ШОС – это заявка о себе на политической арене, и поскольку страна заявила себя как уверенная держава, то это определенно может означать, что мировое сообщество начинает активнее интересоваться этим регионом и страной, в частности. Узбекистан – самая многонаселенная страна Средней Азии, обладающая богатыми сырьевыми и трудовыми ресурсами, которая в новом многополярном мире имеет шансы стать одним из ключевых игроков региона. Важно отметить, что главным принципом внешней политики является защита суверенитета и национальных интересов. По этой причине, вряд ли Узбекистан займет какое-то конкретное «прозападное» или «пророссийское» положение, скорее он будет гибким игроком, умело сотрудничая как со странами Запада, так и со странами Востока. Республика планирует все больше наращивать темпы сотрудничества со стратегическими партнерами: Россией, Турцией, КНР, странами Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аватков В.А.* Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021;14(5):162-176.
- Ионова Е.* Главные векторы внешней политики Ташкента. Россия и новые государства Евразии, 2021, № II (LI), сс. 87–98.
- Ионова Е.* Об угрозе терроризма в Центральной Азии. Россия и новые государства Евразии, 2015, № 4, сс. 60–7

strategiceskogo-partnerstva (дата обращения 21.08.2022)

¹ Евгения Коткова «Россия и Узбекистан: развивая связи по всем направлениям» [Электронный ресурс] // ТАСС // <https://tass.ru/opinions/13017621> (дата обращения 21.08.2022)

² С. А. Жураев, А. Воробьев «Россия и Узбекистан: контуры развития сотрудничества» [Электронный ресурс] // РСМД // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-uzbekistan-kontury-razvitiya-sotrudnichestva/> (дата обращения 23.08.2022)

- Ионова Е.* Политика администрации Д. Трампа в Центральной Азии. Россия и новые государства Евразии, 2020, № III (XLVIII), сс. 53–65.
- Курьлев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В.* Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. №1. С. 134-156.
- Мальшиева Д.Б.* Партнерство России и Узбекистана // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 2. С. 121–131.
- Притчин С.* “Большая игра 2.0” в Центральной Азии на современном этапе. Мировая экономика и международные отношения, 2022, т. 66, № 6, сс. 112–123.
- Притчин С.А.* Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 4. С. 781–790.

REFERENCES

- Avatkov V.A.* Postsovetskoe prostranstvo i Turciya: itogi 30 let. Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. 2021;14(5):162-176.
- Ionova E.* Glavnye vektory vneshnej politiki Tashkenta. Rossiya i novye gosudarstva Evrazii, 2021, № II (LI), ss. 87–98.
- Ionova E.* Ob ugroze terrorizma v Central'noj Azii. Rossiya i novye gosudarstva Evrazii, 2015, № 4, ss. 60–7
- Ionova E.* Politika administracii D. Trampa v Central'noj Azii. Rossiya i novye gosudarstva Evrazii, 2020, № III (HLVIII), ss. 53–65.
- Kurylev K.P., Degterev D.A., Smolik N.G., Stanis D.V.* Kolichestvennyj analiz fenomena geopoliticheskogo plyuralizma postsovetskogo prostranstva // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2018. №1. S. 134-156.
- Malysheva D.B.* Partnerstvo Rossii i Uzbekistana // Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir. 2021. № 2. S. 121–131.
- Pritchins S.* “Bol'shaya igra 2.0” v Central'noj Azii na sovremennom etape. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2022, t. 66, № 6, ss. 112–123.
- Pritchins S.A.* Transformaciya podhodov Uzbekistana k Afganistanu posle 2016 goda // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 20, № 4. S. 781–790.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН, Москва, Российская Федерация (E-mail: v.avatkov@gmail.com)

Рожкова Злата Петровна, младший научный сотрудник АНО «Центр востоковедных исследований и межкультурных коммуникаций», Москва, Российская Федерация.

Vladimir A. Avatkov, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of the Near and Post-Soviet East, INION RAS, Moscow, Russian Federation (E-mail: v.avatkov@gmail.com)

Zlata P. Rozhkova, junior Researcher of the ANO «Center for Oriental Studies and Intercultural Communications», Moscow, Russian Federation.

Роль ШОС в противодействии терроризму в странах Центральной Азии

А. К. Румянцева

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
1032213458@pfur.ru*

К. Х. Рахимов

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
rakhimov-kkh@rudn.ru*

Аннотация: Терроризм является одним из главных угроз безопасности человечества в современном мире. Усиление деятельности террористического подполья в странах Центральной Азии и ухудшение ситуации в Афганистане поднимает проблему терроризма на новый уровень и призывает стран данного региона к содействию международных и региональных организаций в решении данного вопроса. Среди наиболее активно развивающихся межрегиональных организаций в регионе Центральной Азии можно выделить Шанхайскую организацию сотрудничества. Центральная цель ШОС непосредственно связано в противодействии и в борьбе против «трех зол»: терроризма, сепаратизма и экстремизма. Актуальность данной работы связана с ростом радикализации в регионе Центральной Азии, вследствие чего в предлагаемой статье анализируется роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму в странах Центрально – Азиатского региона, рассматривается история зарождения и появления терроризма в данном регионе, подробно раскрываются ключевые направления организации. Кроме того, изучены основные принятые международно-правовые документы по борьбе с терроризмом, на основе которых наблюдаются основные этапы развития сотрудничества между государствами-членами организации по осуществлению антитеррористической деятельности ШОС. Особенно успешное сотрудничество по борьбе с терроризмом отмечается в проведении совместных антитеррористических учений в рамках деятельности организации, а также подробно рассматривается деятельность РАТС ШОС. Целью статьи является оценивание потенциала ШОС с точки зрения реагирования на новые вызовы безопасности стран-членов, прежде всего на пространстве ЦА. Для достижения цели использовались следующие методы исследования: теоретико-методологический анализ, описательный метод и контент-анализ. Авторы приходят к выводу, что на современном этапе ШОС является наиболее влиятельной интеграцией в пространстве ЦА. Антитеррористическая деятельность организации показывает, что данное направление является наиболее успешной сферой работы ШОС.

Ключевые слова: ШОС, РАТС ШОС, антитеррористические учения, терроризм, экстремизм, террористические группировки, региональная безопасность, радикальный ислам.

Для цитирования: Румянцева А. К., Рахимов К. Х. Роль ШОС в противодействии терроризму в странах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2022;8(5):835-846.

The SCO's role in countering terrorism in Central Asian countries

Aiyuna K. Rumyantseva

*RUDN University, Moscow, Russia
1032213458@pfur.ru*

Komron Kh. Rakhimov

*RUDN University, Moscow, Russia
rakhimov-kkh@rudn.ru*

Abstract: Terrorism is one of the main threats to the security of humanity in the modern world. The intensification of the activities of the terrorist underground in the countries of Central Asia and

the deterioration of the situation in Afghanistan raises the problem of terrorism to a new level and calls on the countries of this region to assist international and regional organizations in resolving this issue. Among the most actively developing interregional organizations in the Central Asian region is the Shanghai Cooperation Organization. The central goals of the SCO are directly related to countering and combating the "three evils": terrorism, separatism and extremism. The relevance of this paper relates to the growth of radicalization in the Central Asian region, as a result of which the proposed article analyzes the role of the Shanghai Cooperation Organization in countering terrorism in the countries of the Central Asian region, examines the history of the origin and emergence of terrorism in this region, reveals in detail the key areas of the organization. In addition, the main adopted international legal documents on combating terrorism have been studied, on the basis of which the main stages of the development of cooperation between the member states of the organization for the implementation of anti-terrorist activities of the SCO are observed. Particularly successful cooperation in the fight against terrorism is noted in the conduct of joint anti-terrorist exercises within the framework of the organization's activities, and the activities of the SCO RATS are also considered in detail. The purpose of the article is to assess the potential of the SCO in terms of responding to new security challenges of the member states, primarily in the Central Asian region. To achieve the goal, the following research methods were used: theoretical and methodological analysis, descriptive method, and content analysis. The authors come to the conclusion that at the present stage the SCO is the most influential integration in the space of Central Asia. The organization's anti-terrorist activities show that this field is one of the most successful within the organization's work.

Keywords: SCO, SCO RATS, anti-terrorist exercises, terrorism, extremism, terrorist groups, regional security, radical Islam.

For citation: Aiyuna K. Rumyantseva, Komron Kh. Rakhimov. The SCO's role in countering terrorism in Central Asian countries // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;8(5):835-846. (In Russ.)

О создании Шанхайской организации сотрудничества было объявлено 15 июня 2001 г. в Шанхае (КНР) Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан.¹ До образования Шанхайской организации сотрудничества функционировало политическое объединение «Шанхайская пятерка», участниками которых являлись пять стран: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Россия и Китай. «Шанхайская пятерка» была основана на Соглашении об укреплении доверия в военной области в районе границы (Шанхай, 1996 г.) и Соглашении о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы (Москва, 1997 г.). Два этих документа заложили механизм взаимного доверия в военной области в приграничных районах, способствовали установлению поистине

партнёрских отношений. После включения в организацию Узбекистана (2001 г.) «пятерка» стала «шестёркой» и была переименована в ШОС.

Предпосылки и причины зарождения терроризма в Центральной Азии.

При зарождении Организации, основным целями были названы стабилизация обстановки в Центральной Азии, укрепление дружбы и добрососедства между государствами-участниками, развитие сотрудничества в политической, экономической, научной и других сферах. Однако, среди направлений ШОС наиболее стержневым и важным является коллективное противодействие стран распространению экстремизма, терроризма и сепаратизма – главных трех «зол» в регионе Центральной Азии. Борьба с этими вызовами остается в приоритете и на сегодняшний день.

¹ История создания ШОС // Шанхайская организация сотрудничества URL:

<http://rus.sectsco.org/docs/about/faq.html> (дата обращения: 06.06.2022).

Так как организация функционирует и объединяет страны Центральной Азии, целесообразно будет рассмотреть общее положение данного региона, в особенности касательно почвы зарождения проблемы терроризма. Страны Центральной Азии – это светские государства, входившие до 1991 г. в состав Советского Союза. После распада СССР, данные страны подверглись к усиливающемуся воздействию со стороны целого ряда радикальных исламистских сил, которые действовали преимущественно на трансграничной основе. На это влияли множество факторов - среди основных можно выделить, во-первых, распад СССР и последовавшие проблемы экономического и политического характера. Во-вторых, геополитическое положение стран в районах нестабильности и конфликтов. В-третьих, активизация в регионе террористической группы ИГИЛ¹. Многие исследователи по проблематике стран Центральной Азии отмечают, что распространение религиозного экстремизма и терроризма в Центрально-Азиатском регионе принимает долгосрочный характер. Кроме перечисленных ранее факторов, этому способствует целый ряд сложных и комплексных причин, которые можно разделить на внутренние и внешние факторы.

К внутренним факторам можно отнести социально-экономическую составляющую. В своей статье И. А. Селезнев отмечает, что «в первую очередь угроза экстремизма и терроризма в республиках Центральной Азии связана с религиозным фактором, распространением мусульманского радикализма (его еще называют «политическим исламом», «исламизмом», «джихадизмом»). Радикальный исламизм, находящийся в подполье, готов подняться в случае любой политической дестабилизации и активно использует социальные проблемы для дискредитации светских правящих режимов» [Селезнев, 2017]. К большому сожалению, в странах Центральной Азии прослеживаются все необходимые для вербования социально-экономические условия: распространение бедности,

высокий уровень коррупции, безработица, социально-бытовой неустроенности среди большей части населения, значительное социальное и имущественное неравенство, низкую эффективность институтов, обуславливающую высокую уязвимость перед любого рода трансграничными рисками.

Под внешними факторами можно отнести геополитическое положение стран Центральной Азии. Данный регион находится в окружении таких зон политической нестабильности и конфликтов, как Афганистан, Кавказ, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, Средний и Ближний Восток. Степень уязвимости стран Центральной Азии для радикальных исламских сил эксперты оценивают по-разному.

Влияет на ситуацию неразрешенность проблем с водоснабжением, а также конфликты с делением и пересечением границ, что ведет к обострению противоречий и нестабильности, а этим пользуются различные экстремистские группировки. Но более всего безопасности Центральной Азии угрожает ситуация в Афганистане, где талибы захватили власть и оказывают масштабную организационную и материальную поддержку террористическим группировкам, в частности, «Исламскому движению Узбекистана» (ИДУ)», радикальной таджикской оппозиции и уйгурским сепаратистам.

Таким образом, зарождение террористической угрозы в странах Центральной Азии обуславливается внутренними и внешними факторами, которые включают геополитические, трансграничные и социальные проблемы.

Международно-правовые основы противодействия терроризму.

Интеграция и сотрудничество стран между собой неразрывно связано с международно-правовым регулированием, то есть объединением государств на основе подписания международно-правовых актов.

Начиная с 2001 г. членами ШОС был подписан ряд ключевых документов о сотрудничестве в борьбе с терроризмом. (см.

¹ Организация запрещенная в России.

табл.1) С подписанием различных важных документов и соглашений, можно отметить, что сотрудничество в борьбе с терроризмом

значительно укрепилось, подчеркнув взаимное доверие и открытость между участниками организации.

Таблица 1.

Документы ШОС о сотрудничестве в борьбе с терроризмом³

Дата подписания	Место	Наименование документа
Июнь 2001	Шанхай, Китай	«Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, экстремизмом сепаратизмом»
Июнь 2002	Санкт-Петербург, Россия	«Хартия ШОС»
Июнь 2004	Ташкент, Узбекистан	«Ташкентская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества»
Июнь 2006	Шанхай, Китай	«Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества»
Июнь 2007	Бишкек, Кыргызстан	«Бишкекская декларация»
Август 2008	Душанбе, Таджикистан	«Душанбинская декларация»
Март 2009	Ташкент, Узбекистан	«Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма»
Август 2010	Ташкент, Узбекистан	«Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью»
Июнь 2011	Астана, Казахстан	«Астанинская декларация десятилетия Шанхайской организации сотрудничества»
Июнь 2012	Пекин, Китай	«Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания»
Июнь 2017	Астана, Казахстан	«Заявление глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о совместном противодействии международному терроризму»
Май 2019	Бишкек, Кыргызстан	«Бишкекская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества»
Ноябрь 2020	Москва, Россия	«Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества»; «Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской»

³ Составлено авторами на основе официального сайта ШОС (<http://rus.sectsco.org/documents/>)

		идеологии, в том числе в сети Интернет»
Сентябрь 2021	Душанбе, Таджикистан	«Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС»
Сентябрь 2022	Самарканд, Узбекистан	«Самаркандская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества»

За короткое время ШОС удалось сформировать эффективную структуру, правовую базу, привлекательную для новых участников и стать одним из ведущих игроков не только в регионе Центральной Азии, но и в мировой политике. Нужно отметить, что отличительными чертами нормативной основы противодействия терроризму в рамках интеграции ШОС являются конкретный характер правовых положений – это объясняется тем, что в принятых документах отсутствуют неопределенные формулировки, также можно отметить ориентированность на преимущественно силовой метод борьбы с терроризмом, в случае ШОС, мирные миссии и антитеррористические учения.

Значение международно-правовых основ противодействия терроризму на уровне ШОС сложно переоценить, так как в сотрудничестве заинтересованы все государства-участники. Кроме того, страны заинтересованы в дальнейшем развитии и расширении такого взаимодействия. Международно-правовые основы ШОС позволяют говорить о нормативном обеспечении устойчивых и вместе с тем интенсивно развивающихся взаимоотношений России с государствами Центральной Азии и КНР. Более того, с точки зрения РФ такая нормативная база отвечает национальным интересам.

РАТС ШОС и антитеррористические учения.

Как было упомянуто ранее, противодействие терроризму и экстремизму в регионе Центральной Азии является одним из основных направлений деятельности ШОС. Особую роль в борьбе с террористической угрозой на пространстве ШОС играет специализированный орган –

Региональная антитеррористическая структура ШОС (далее, РАТС ШОС). Данная структура была учреждена после исторического решения «Шанхайской пятерки» и подписания Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 7 июня 2002 г.¹ Официальное открытие штаб-квартиры РАТС ШОС состоялось 17 июня 2004 года, во время проведения заседания Совета глав государств – членов ШОС в Ташкенте².

В соответствии с Соглашением РАТС является постоянно действующим органом ШОС и предназначен «для содействия координации и взаимодействию компетентных органов Сторон в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, как эти деяния определены в Конвенции». К основным задачам и функциям РАТС относятся формирование и ведение специализированных банков данных о международных террористических, сепаратистских и экстремистских организациях, содействие в подготовке и проведении оперативно-разыскных и иных мероприятий по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, осуществление международного розыска лиц, подозреваемых в совершении преступлений соответствующего характера, сбор и анализ информации, содействие в подготовке и проведении антитеррористических учений, содействие в подготовке специалистов для антитеррористических подразделений, установление и поддержание рабочих контактов с международными организациями, занимающимися вопросами борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Кокошина 2017].

¹ Соглашение между государствами – членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре // РАТС ШОС. Доступ: <http://ecrats.org/upload/iblock/d83/8.pdf> (дата обращения: 09.06.2022).

² О РАТС ШОС // РАТС ШОС URL: <https://ecrats.org/glavnaya-stranica/> (дата обращения: 09.06.2022).

На каждом из этих направлений за последние годы РАТС были достигнуты довольно значительные успехи. Среди них можно перечислить:

1) Формирование и ведение специализированных банков данных о международных террористических, сепаратистских и экстремистских организациях. В РАТС ШОС создан защищенный банк данных (ЗБД) и на его базе – «Единый розыскной реестр» (ЕРР). Данная база регулярно обновляется по лицам, объявленным с международный розыск. Он регулярно обновляется по лицам, объявленным в международный розыск за совершение или по подозрению в совершении преступлений террористического, сепаратистского или экстремистского характера. РАТС также ведет Перечень террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, запрещенных на территории государств – членов организации. По состоянию на конец 2017 г., в этот перечень входят более 100 организаций, в том числе «Исламское государство», «Джебхат ан-Нусра», «Исламское движение Востока Туркестана», «Хизб-ут-Тахрир аль Ислами», «Партия исламского возрождения Таджикистана», «Ансоруллох» и др.). И Реестр, и Перечень регулярно уточняются на основании информации и решений судебных органов государств – членов ШОС.

2) Содействие в подготовке и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. На данном направлении ключевую роль играет выполнение трехлетних программ сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, утверждаемых Советом глав государств – членов ШОС, начиная с 2007 г.

3) Научное сотрудничество и содействие в обмене опытом по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Еще в июне 2009 г. в Екатеринбурге на саммите ШОС одновременно с Конвенцией ШОС против терроризма было подписано Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств – членов ШОС. Ежегодно начиная с 2013 г. в рамках РАТС проводятся

научно-практические конференции. В их работе принимают участие представители компетентных органов и дипломатических миссий государств-членов и государств-наблюдателей при ШОС, международных и региональных организаций. По словам главы Исполкома РАТС, «участники отмечают практическую значимость формата конференции для совместного анализа динамики расширения террористической активности в мире, обмена передовым опытом организации антитеррористической деятельности.

4) Установление и поддержание рабочих контактов с международными организациями, занимающимися вопросами борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. С 2005 г. ШОС является наблюдателем при ООН, что утвердило место данной организации в современной системе международных отношений. С тех пор представители ШОС часто принимают участие в международных конференциях по вопросам региональной и глобальной безопасности, среди которых и вопросы антитеррористической деятельности. Также, РАТС ШОС активно развивает сотрудничество как с отдельными странами, в первую очередь странами-наблюдателями (в частности, подписаны акты о сотрудничестве (намерениях) с КГБ Республики Беларусь, МИД Афганистана, Антитеррористическим координационным советом Монголии), так и с другими международными организациями.

В последние несколько лет деятельность ШОС была направлена на тесное военное сотрудничество, обмен разведывательной информацией и борьбу с терроризмом. Военное сотрудничество Китая с Центральной Азией сконцентрировано преимущественно на совместных учениях как на двусторонней, так и многосторонней основе. Сначала маневры организовывались в рамках Шанхайской группы между Китаем и каждой страной в отдельности. В 2002 г. состоялись первые такие учения между Китаем и Кыргызстаном. (см. табл.2)

Таблица 2.

Антитеррористические учения ШОС⁶

№	Дата	Название учений	Место проведения	Участники
1	Октябрь 2002	«Антитеррористические учения – 01» («Exercise-01»)	Граница Китай-Кыргызстан	Китай и Кыргызстан
2	Август 2003	«Союз-2003» («Union-2003»)	Китай и Узбекистан	Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан
3	Август 2005	«Мирная миссия – 2005» («Peace-Mission 2005»)	Китай и Россия	Россия, Китай
4	Март 2006	«Восток-антитеррор 2006» («East-Antiterror-2006»)	Узбекистан	Россия, Китай
5	Август 2006	«Тянь-Шань – 1» («Tianshan Mountain No. 1»)	Китай и Казахстан	Китай, Казахстан
6	Сентябрь 2006	«Взаимодействие - 2006» («Coordination 2006»)	Таджикистан	Китай, Таджикистан
7	Май 2007	«Иссык-Куль – Антитеррор-2007» («Issyk-Kul Antiterror-2007»)	Кыргызстан	Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан
8	Сентябрь 2007	«Мирная миссия – 2007» («Peace Mission 2007»)	Китай и Россия	Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан
9	Сентябрь 2008	«Волгоград-Антитеррор-2008» («Volgograd-Antiterror-2008»)	Россия	Россия
10	Апрель 2009	«Норак-Антитеррор - 2009» («Norak-Antiterror-2009»)	Таджикистан	Таджикистан
11	Июль 2009	«Мирная миссия – 2009» («Peace Mission 2009»)	Китай и Россия	Россия, Китай
12	Август 2010	«Саратов-Антитеррор-2010» («Saratov-Antiterror-2010»)	Россия	Россия, Казахстан, Кыргызстан
13	Сентябрь 2010	«Мирная миссия – 2010» («Peace Mission 2010»)	Казахстан	Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан

⁶ Составлено авторами на основе данных ПАТС ШОС (<https://ecrats.org/rukovodstvo/>).

14	Май 2011	«Тянь-Шань – 2» («Tianshan Mountain No. 2»)	Китай	Китай, Таджикистан, Кыргызстан
15	Июнь 2012	«Восток-антитеррор-2012» («East-Antiterror-2012»)	Узбекистан	Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан
16	Июнь 2012	«Мирная миссия – 2012» («Peace Mission 2012»)	Таджикистан	Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан
17	Июнь 2013	«Казыгурт-Антитеррор-2013» («Kazygurt-Antiterror-2013»)	Казахстан	Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан
18	Август 2013	«Мирная миссия - 2013» («Peace Mission 2013»)	Россия	Россия, Китай
19	Август 2014	«Мирная миссия – 2014» («Peace Mission 2014»)	Китай	Китай, Россия, Кыргызстан, Таджикистан и Казахстан
20	Апрель 2015	«Антитеррористические учения-2015» («Antiterrorist exercises - 2015»)	Кыргызстан	Россия, Китай, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан
21	Сентябрь 2015	«ЦентрАзия-Антитеррор-2015» («CentrAsia-Antiterror-2015»)	Кыргызстан	Китай, Россия, Кыргызстан
22	Сентябрь 2016	«Мирная миссия – 2016» («Peace Mission 2016»)	Кыргызстан	Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан
23	Октябрь 2016	«Взаимодействие-2016» («Coordination 2016»)	Таджикистан	Таджикистан
24	Июнь 2017	«Тянь-Шань – 3» («Tianshan Mountain No. 3»)	Китай	Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан
25	Август 2017	«Ярославль-Антитеррор - 2017» («Yaroslavl-Antiterror -2017»)	Россия	Россия, Казахстан, Кыргызстан
26	Август 2018	«Мирная миссия-2018» («Peace Mission 2018»)	Россия	Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Индия, Пакистан.
27	Июнь 2019	«Сары-Арка-Антитеррор-2019»	Казахстан	Казахстан, Кыргызстан,

		(«SaryArka-Antiterror-2019»)		Узбекистан, Таджикистан
28	Сентябрь 2021	«Мирная миссия – 2021 («Peace Mission 2021»)»	Россия	Россия, Китай Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Индия, Пакистан

Исследователь института социально-политических исследований РАН. З. Кокошина разделяет антитеррористические учения ШОС на три категории: учения спецслужб и правоохранительных структур под эгидой РАТС; совместные пограничные операции; и учения «Мирная миссия». При этом все учения могут проходить как в двустороннем, так и в многостороннем формате и затрагивать различные аспекты планирования, управления, логистики и контроля антитеррористических мероприятий. [Кокошина 2018]

Количество учений. Как следует из таблицы №2, начиная с 2002 г.о.а, за 20 лет деятельности организации, ШОС провела всего 28 антитеррористических учений.¹ Первоначально ШОС проводила только одно учение в год или вообще не проводила. С 2006 г. ШОС проводит одну или две антитеррористических учений в год, с 2006 г. количество учений стало увеличиваться.

Участники. Среди участников, можно заметить, что Китай принимал участие почти во всех проводимых антитеррористических учениях. Из всего 28 представленных учений, следуя из таблицы, Китай принимал участие в 20 учениях. Что касается России, Россия участвовала в общей сложности в 19 антитеррористических учениях. Три из четырех центральноазиатских государств — членов ШОС — Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан – большое количество раз участвовали в учениях ШОС, в некоторых случаях в разном составе. Казахстан принял участие в 17 учениях, Кыргызстан - в 19, а Таджикистан - в 17. Узбекистан, в основном, воздерживался от участия в учениях ШОС, но во многих учениях принимал участие как

наблюдатель, общее число участия равняется 10. После присоединения к организации Индии и Пакистана, страны активно начали принимать участия в мирных миссиях.

Двусторонний и многосторонний форматы учений.

Большинство учений ШОС, около 18, являются многосторонними, то есть учения проводились при участии всех или большинства государств - членов ШОС. В дополнение к этому, Китай и Россия провели двусторонние учения ШОС 4 раза. Центральноазиатские страны ШОС обычно участвовали в учениях вместе с ведущими странами ШОС, совместно с Россией и Китаем, в общей сложности 15 раз, иногда с одной из этих двух региональных держав, а иногда только с тремя центральноазиатскими государствами вместе. Кыргызстан, Казахстан и Таджикистан провели двусторонние учения с Китаем, каждое из них только по одному разу. В общей сложности Китай четыре раза проводил учения с государствами Центральной Азии без участия России. Россия дважды проводила учения с государствами Центральной Азии без участия Китая. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан трижды проводили совместные учения (в разных условиях), т. е. без двух крупных держав России и Китая.

Место проведения.

Антитеррористические учения ШОС проходили - 9 раз в России, 7 раз в Китае, 4 раза в Казахстане, 6 раз в Кыргызстане, 4 раза в Таджикистане, 2 раза в Узбекистане.

Таким образом, мы рассмотрели таблицу и выявили количество проведенных учений,

¹ Данный список учений ШОС является максимально полным. Однако, не все учения поддаются отслеживанию. Следовательно, количество учений, упомянутые в данной статье, может быть неверным.

обозначили основных участников антитеррористического учения, рассмотрели формат учения, а также место проведения антитеррористических учений ШОС.

Заключение.

На современном этапе Шанхайскую организацию сотрудничества можно назвать наиболее влиятельной интеграцией в пространстве Центральной Азии. Основные цели и задачи данной организации соответствуют национальным интересам каждой страны данного региона.

Важнейшие вызовы национальной безопасности отдельных центральноазиатских государств обусловлены влиянием ряда причин, основной из которых является интеграция ближневосточной нестабильности в регионе, политическое и социально-экономическое положение стран Центральной Азии, активизация в регионе террористической группы ИГИЛ (запрещено в РФ) и др. В связи с чем на передний план выходит необходимость укрепления статуса и повышения дееспособности ШОС в обеспечении безопасности и стабильности региона.

Таким образом, мы рассмотрели нормативно-правовую основу антитеррористической деятельности ШОС, задачи и цели специальной структуры РАТС ШОС, и основные антитеррористические учения, которые были проведены с момента основания организации. В рамках ШОС развернута активная и во многом плодотворная многосторонняя работа по соответствующим направлениям. В ШОС образованы механизмы, которые могут обеспечивать высокий уровень сотрудничества ее членов в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, с незаконным оборотом оружия и наркотиков. Также стоит отметить, что все государства объединены и готовы сотрудничать по решению «трех зол», которые на протяжении многих лет угрожают странам Центрально-Азиатского региона.

Объем данной статьи не позволяет полностью осветить эффективную деятельность организации, тем не менее, нам удалось рассмотреть основные составляющие организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алимов Р.К.* Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. №13. С. 87–95.
- Гордиенко Д.В.* Шанхайская организация сотрудничества как площадка для диалога по вопросам региональной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. №37. С. 32–39.
- Кокошина З.А.* Антитеррористические учения ШОС // Международная жизнь. 2018. №9. СС. 192–204.
- Кокошина З.А.* Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму и экстремизму на постсоветском пространстве // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 4 СС 97–123.
- Лузянин С.Г., Клименко А.Ф.* «Большая Евразия» и ШОС: миропорядок, безопасность и борьба с терроризмом. // Научно-аналитический журнал Обозреватель. 2018. № 8 (343). С. 5–22.
- Николашвили Н.Д.,* Роль Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с террористической угрозой на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. Т.3. № 8 (2020) СС 633–640.
- Рахимов К.Х.* Международно-правовые основы сотрудничества республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1390–1401.
- Рахимов К.Х.* Шанхайская организация сотрудничества в системе обеспечения евразийской региональной, международной и глобальной безопасности (международно-правовое измерение) // Постсоветские исследования. 2020. – Том 3. №2. С.124-135.
- Рахимов К.Х., Курьлев К.П.* Роль ШОС в обеспечении безопасности Центральной Азии / . - [научная монография.]: Издательские решения, Москва. 2018. - 202 с.

- Селезнев, И. А.* Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии [Текст] / И. А. Селезнев // Социально-гуманитарные знания. - 2017. - № 4. - С. 143–152.
- Фань С.* (2021). Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и проблемы борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 107–126 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996–7845–2021–01–05
- Шилина М.Г.* Шанхайская организация сотрудничества как формат политического и экономического взаимодействия государств: реалии и перспективы // Бизнес. Общество. Власть. 2014. №21. С. 41–61.
- Юртаев В.И., Rogov A.C.* ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 469-482.
- Jin, Wang & Dehang, Kong.* (2019). Counter-Terrorism Cooperation Between China and Central Asian States in the Shanghai Cooperation Organization. China Quarterly of International Strategic Studies. 5. 10.1142/S2377740019500027.
- Marcel de Haas* (2016) War Games of the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization: Drills on the Move!, The Journal of Slavic Military Studies, 29:3, 378-406, DOI: 10.1080/13518046.2016.1200383
- Xue, Y., & Makengo, B. M.* (2021). Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects. Open Journal of Social Sciences, 9, 184–200.

REFERENCES

- Alimov R.K.* Shanghai Cooperation Organization and Greater Eurasia // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. 2018. No.13. pp. 87-95.
- Gordienko D.V.* Shanghai Cooperation Organization as a platform for dialogue on regional security issues // National interests: priorities and security. 2015. No. 37. pp. 32-39.
- Kokoshina Z.A.* Anti-terrorist exercises of the SCO // International Life. 2018. No.9. SS. 192-204.
- Kokoshina Z.A.* The role of the Shanghai Cooperation Organization in countering terrorism and extremism in the post-Soviet space // Vestn. Moscow. un-ta. Ser. 25: International relations and world politics. 2017. No. 4 SS 97-123
- Luzyanin S.G., Klimenko A.F.* "Greater Eurasia" and the SCO: world order, security and the fight against terrorism. // Scientific and analytical journal Obozrevatel. 2018. No. 8 (343). pp. 5-22
- Nikolayishvili N.D.,* The role of the Shanghai Cooperation Organization in combating the terrorist threat in the post-Soviet space // Post-Soviet Studies. Vol. 3. No. 8 (2020) SS 633-640
- Rakhimov K.H.* International legal bases of cooperation of the Republic of Tajikistan with the SCO in the field of security and stability in a multipolar world // Post-Soviet studies. 2019. Vol. 2. No. 6. pp. 1390-1401.
- Rakhimov K.H.* Shanghai Cooperation Organization in the system of ensuring Eurasian regional, international and global security (international legal dimension) // Post-Soviet studies. 2020. – Volume 3. No. 2. pp.124-135.
- Rakhimov K.Kh., Kurylev K.P.* The role of the SCO in ensuring the security of Central Asia /. - [scientific monograph.]: Publishing Solutions, Moscow. 2018. - 202 p.
- Seleznev I. A.* The role of the CSTO and the SCO in ensuring the security of Central Asian countries [Text] / I. A. Seleznev // Socio-humanitarian knowledge. - 2017. - No. 4. - pp. 143-152.
- Fan S.* (2021). The existing mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization and the problems of combating non-traditional security challenges // Bulletin of International Organizations, vol. 16, No. 1, pp. 107-126 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2021- 01-05
- Shilina M.G.* Shanghai Cooperation Organization as a format of political and economic interaction of states: realities and prospects // Business. Society. Power. 2014. No.21. pp. 41-61.
- Yurtaev V.I., Rogov A.S.* SCO and BRICS: features of participation in the process of Eurasian integration // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2017. Vol. 17. No. 3. pp. 469-482.

Jin, Wang & Dehang, Kong. (2019). Counter-Terrorism Cooperation Between China and Central Asian States in the Shanghai Cooperation Organization. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 5. 10.1142/S2377740019500027.

Marcel de Haas (2016) War Games of the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization: Drills on the Move!, *The Journal of Slavic Military Studies*, 29:3, 378-406, DOI: 10.1080/13518046.2016.1200383

Xue, Y., & Makengo B. M. (2021). Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects. *Open Journal of Social Sciences*, 9, 184–200.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Румянцева Айыына Константиновна,
соискатель кафедры Теории и истории
международных отношений Российского
университета дружбы народов. Москва,
Россия. E-mail: 1032213458@pfur.ru

Рахимов Комрон Хакимджонович,
кандидат исторических наук, ассистент
кафедры теории и истории международных
отношений Российского университета дружбы
народов, руководитель сектора Евразии
Центра исследований постсоветских стран
(ЦИПС), Москва, Россия. E-mail:
rahimov_k93@mail.ru

Aiyuna K. Rumyantseva, applicant at the
Department of Theory and History of
International Relations, RUDN University.
Moscow, Russia. E-mail:
1032213458@pfur.ru

Komron Kh. Rakhimov, Candidate of
Historical Sciences, Assistant of the
Department of Theory and History of
International Relations Peoples' Friendship
University of Russia, Head of the Eurasia
Sector of the Center for Studies of Post-Soviet
Countries (CIPS), Moscow, Russia. E-mail:
rahimov_k93@mail.ru

Противодействие Российской Федерации и Республики Казахстан информационному терроризму

Ю. Н. Лагуткина

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: lagnas@bk.ru*

Ж. И. Мадалимбеков

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: jaaandos@inbox.ru*

Д. К. Омарова

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: omarova.1999@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос противодействия стран РФ и РК с информационным терроризмом, представлены проблемы реализации информационной безопасности и перспективы ее развития в целом, а также в период пандемии. Глубокое научное понимание сущности информационного терроризма, выявление его причин и порождающих его условий, а также научный анализ трансформации его видов и форм с учетом его адаптации к меняющейся геополитической ситуации в мире должны оказать решающую помощь в борьбе с этим вызовом. Активное применение мировой паутины террористическими и экстремистскими группировками в качестве инструмента для достижения своих целей приходится на XXI век. Сегодня главная задача состоит в том, чтобы лишить терроризм его социально-политической почвы. В данной работе были проанализированы социокультурные и религиозные факторы в контексте исторического развития, а также, проведен системный анализ, позволяющий выявить возможные пути решения в борьбе с информационным терроризмом, кибератаками и киберугрозами. Также проведен сравнительный анализ состояния структур кибербезопасности России и Казахстана и способов урегулирования этих проблем. Данная работа включает в себя исследование нормативно-правовых актов двух государств, насколько их законодательства отвечают современным реалиям и какие инструменты включены в них, с целью противодействия и борьбы информационному терроризму. Большое внимание оба государства уделяют безопасности в интернет-пространстве на локальном, региональном и глобальном уровнях. Россия и Казахстан принимают активное участие в многостороннем диалоге по противодействию терроризму и экстремизму, поддерживают глобальные инициативы и коллективные усилия по этому вопросу. В ходе проделанной работы, была выявлена необходимость расширить знания о возможных киберугрозах и способах борьбы с ними, а также поиск «точек соприкосновения» двух стран в обеспечении защищенной информационной среды. Терроризм представляет собой серьезную угрозу всему мировому сообществу, а использование информационных ресурсов и цифровых технологий позволяет террористам пропагандировать деструктивную деятельность и завладевать умами, как представителей молодого поколения, так и старшего. В связи с этим противодействие информационному терроризму в государствах-членах СНГ, Российской Федерации и Республики Казахстан, в последние десятилетия выходит на передовую, способствует формированию правовой базы и построению тесного сотрудничества в противодействии вышеупомянутой угрозы.

Ключевые слова: информационный терроризм, кибертерроризм, информационная война, кибератаки, киберугрозы, кибербезопасность, информационная безопасность, информационное оружие.

Для цитирования: Лагуткина Ю. Н., Мадалимбеков Ж. И., Омарова Д. К. Противодействие стран Российской Федерации и Республики Казахстан информационному терроризму // Постсоветские исследования. 2022;8(5):847-860.

Counteraction of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan to information terrorism

Yuliya N. Lagutkina, Zhandos I. Madalimbekov, Dinara K. Omarova

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
lagnas@bk.ru, jaaandos@inbox.ru, omarova.1999@mail.ru*

Abstract. The article deals with the issue of counteraction of the countries of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan with information terrorism, presents the problems of implementing information security and the prospects for its development in general, as well as during the pandemic. A deep scientific understanding of the essence of information terrorism, identification of its causes and conditions that give rise to it, as well as a scientific analysis of the transformation of its types and forms, taking into account its adaptation to the changing geopolitical situation in the world, should provide decisive assistance in combating this challenge. The active use of the World Wide Web by terrorist and extremist groups as a tool to achieve their goals falls on the 21st century. Today, the main task is to deprive terrorism of its socio-political soil. In this paper, sociocultural and religious factors were analyzed in the context of historical development, and a system analysis was carried out to identify possible solutions in the fight against information terrorism, cyber-attacks and cyber threats. A comparative analysis of the state of the cybersecurity structures of Russia and Kazakhstan and ways to resolve these problems was also carried out. This work includes a study of the legal acts of the two states, how much their legislation meets modern realities and what tools are included in them, in order to counteract and combat information terrorism. Both states pay great attention to security in the Internet space at the local, regional and global levels. Russia and Kazakhstan take an active part in the multilateral dialogue on countering terrorism and extremism, and support global initiatives and collective efforts on this issue. In the course of the work done, the need was identified to expand knowledge about possible cyber threats and ways to deal with them, as well as the search for "common ground" between the two countries in providing a secure information environment. Terrorism is a serious threat to the entire world community, and the use of information resources and digital technologies allows terrorists to promote destructive activities and take over the minds of both the younger generation and the older one. In this regard, the counteraction to information terrorism in the CIS member states, the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, has come to the fore in recent decades, contributes to the formation of a legal framework and building close cooperation in countering the aforementioned threat.

Keywords: information terrorism, cyberterrorism, information war, cyber-attacks, cyber threats, cyber security, information security, information weapons.

For citation: Yuliya N. Lagutkina, Zhandos I. Madalimbekov, Dinara K. Omarova. Counteraction of the countries of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan to information terrorism // Post-Soviet studies. 2022;4(5): Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;8(5):847-860 (In Russ.).

В наши дни приходится признать, что терроризм уже стал неизбежным фактором международных отношений, являясь одним из самых разрушительных вызовов человечеству. Тактика насилия, как следует из ее характеристики, крайне неизбирательна при выявлении целей, что

неизбежно приводит к гибели тех, кто не является непосредственным объектом террористической атаки. И все же их гибель не случайна – в данном случае невинные жертвы среди мирного населения невольно выступают инструментом политического давления на правящую элиту страны,

являющаяся основным объектом теракта. Иными словами, не имея возможности устранить членов правящей элиты какого-либо государства, террористы выбирают в качестве мишеней наименее защищенную категорию населения, используя теракты и гибель простых людей в качестве актов устрашения руководства страны. Часто информационный терроризм выступает как международное преступление, подрывающее существующую систему политических связей разных стран и посягающее на общечеловеческую мораль. При этом в большинстве случаев страдают люди, не имеющие никакого отношения к процессам формирования глобального правопорядка. Информационный терроризм характеризуется большим географическим охватом, отсутствием явно очерченных границ, наличием связи и взаимодействия с международными террористическими центрами и организациями, гибкой и разветвленной организационной структурой. Широко используются технологические достижения в области IT-технологий: информационно-пропагандистская работа ведется террористами с предельной эффективностью. Такая работа включает в себя подбор и подготовку сторонников, активных функционеров и бойцов с целью их практического использования в кризисных зонах. При этом ценность таких рекрутов остается для террористов на самом низком уровне – после их использования их место всегда можно будет заменить вновь прибывающими рекрутами.

Информационная война может вестись как в больших масштабах, так и в рамках полноценных военных действий, таких как сетевая или кибервойна, или как одиночный способ ведения боевых действий. Насильственное навязывание посторонних целей и интересов наглядно показывает, что информационная война – это настоящая война с применением технологий. В этой информационной войне, начиная со СМИ, почты и любого другого вида распространения информации, вступают в действие военные инструменты. Потому что правдивая и прямая информация выгодна только дистрибьютору. Сегодня информационное воздействие происходит

постоянно. Оперативное обслуживание и распространение информационной системы в несколько раз увеличило мощность информационного оружия. Дополнительным эффектом стала открытость общества, так как в открытом обществе поток информации намного больше, чем в закрытом. Цель информационной войны – воздействовать на врагов так, чтобы они не знали об этом воздействии.

К концу XX в. процесс бурного развития и внедрения новых информационных технологий, получивший название «информационной революции», стал закономерным этапом экономического и научно-технического прогресса, необходимым условием дальнейшего развития общества. Естественно, с такой же интенсивностью участились случаи использования информационных средств в деструктивных целях: против отдельных лиц, групп и, наконец, против силовых структур, экономики и вооруженных сил. В результате изменились понятия конфликта, войны и оружия, а также границы между войной и миром, военные и гражданские технологии слились воедино. Нападающая сторона получила реальную возможность разорить противника, не проникая на его территорию, победить без собственных потерь. Новые вредоносные и опасные информационные операции требуют постоянного контроля и глубокого всестороннего анализа в целях обеспечения как национальной безопасности стран России и Казахстана, так и международной безопасности. Разработка, производство, распространение и использование информационных технологий в военных целях не регулируется международным правом. На современном этапе такое положение не позволяет говорить о возможности применения хорошо разработанных теорий на практике. В России и Казахстане теоретическая база в этой области формируется на основе прецедента: от практики к теории. Таким образом, необходим постоянный мониторинг и детальное разностороннее изучение случаев нарушения информационной безопасности с целью

создания базовой теории, применения ее на практике и дальнейшего совершенствования.

Существуют множество исторических примеров, когда нововведения в технике приводили к коренным изменениям в характере информационной составляющей войны. Проблема кибератак является одним из наиболее значимых, но недостаточно изученных и описанных примеров использования вредоносных методов в сфере информационных технологий. Киберманипуляции можно рассматривать не просто как киберпреступление, а как кибервойна с применением кибероружия. Эти прецеденты стали достоянием общественности и привели к важным последствиям, повлиявшим на дальнейший ход событий. В годы войн кибертехнологии дополнялись и не уступали по своему воздействию не только политическим и экономическим санкциям, но и военным мерам.

Изучение информационного терроризма поможет России и Казахстану не только расширить знания о возможных киберугрозах и способах борьбы с ними, но и найти «точки соприкосновения» в подходах обеих стран к обеспечению защищенной информационной среды с целью более эффективной защиты интересов двух стран на международном уровне. Превращение информационной безопасности в одну из заданных тем стратегического диалога Москвы и Нур-Султана поможет адаптировать «стратегическое партнерство» к реалиям современного мира. Задача изучения проблем обеспечения информационной безопасности личности и общества обозначена в качестве одного из приоритетных направлений научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации и Республики Казахстан. Это обосновывается тем, что в настоящее время информационные операции, осуществляемые насильственными средствами воздействия на соответствующее поле противника для достижения стратегических целей

нападающего, являются наиболее общественно опасным видом противоборства. Политическое и психологическое влияние одних государств на другие зародилось на раннем этапе истории человечества в виде отдельных дезинформационных операций противника. Такое воздействие претерпело значительные изменения в процессе развития и стало постоянным фактором внешнеполитической, диверсионной информационно-психологической деятельности, осуществляемой не только в боевой, но и в мирной фазе кризисов и конфликтов. В конце XX – начале XXI вв., этот новый вид ведения войны стал доминирующей политикой во многих государствах.

Наиболее важное теоретико-методологическое значение для данного исследования имеет системный анализ, который позволяет выявить возможные пути решения государств в борьбе с информационным терроризмом, кибератаками и киберугрозами. Данный анализ позволит более тщательно рассмотреть сотрудничество обеих стран в сфере информационной безопасности.

Метод сравнительного анализа позволил сопоставить оценки и позиции антитеррористических центров в сфере киберпространства, тем самым, выявить эффективность работы против киберугроз.

На сегодняшний день среди глобальных проблем терроризм особенно отличается. Его отличие заключается в том, что в XXI в. он перешел и захватил новую сферу, тем самым появился новый вид терроризма – информационный терроризм или же кибертерроризм.

В XXI в. терроризм не стал ограничиваться на территории одного государства, вместо этого, террористическая деятельность начала переходить на территории других государств, регионов и континентов, при этом следует, отметить, что террористические группировки имеют между собой тесную взаимосвязь. Соединяющим звеном террористических групп выступает всеми известные ИКТ, интернет, социальные сети и т.д. Российская

Федерация является одним из активных субъектов международных отношений, который противодействует всем формам экстремизма и терроризма. Сегодня, как и в остальных государствах, так и на территории России террористические организации совершают свои злодеяния с помощью ИКТ.

Отмечается, что Россия относится к списку государств, которые больше всего испытывают на себя кибератаки. По данным экспертов, заманчивыми областями для кибертеррористов являются ядерная, финансовая, энергетическая, военная области и логистика [Малик 2020: 170–171]

Активное применение мировой паутины террористическими и экстремистскими группировками в качестве инструмента для достижения своих целей в РФ приходится на начало XXI в.

Для борьбы с кибертерроризмом на государственном уровне Россия имеет множество нормативно-правовых актов. К основным нормативно-правовым актам можно отнести:

— «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» от 2009 г.;

— Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 2006 г.;

— Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 2006 г.;

— «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» от 2016 г.;

— Указ Президента России 2013г. № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы РФ»;

— «Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных сил РФ в информационном пространстве» от 2011 г.;

— Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 2017 г. и т.п.

Среди всех нормативно-правовых актов особенно отличается так называемый

«Закон Яровой»^{1 2}, который был принят 13 мая 2016 года. Особенность данного документа заключается в том, что он является первым законом, дающий возможность вмешиваться в Интернет, иными словами, борется с информационным терроризмом в мировой паутине [Барсегян, Кернер 2020: 317–318].

Однако несмотря на существование нормативных актов ежегодно увеличивается количество преступлений, которые относятся к информационному терроризму. К примеру, всего за период 2005–2006 гг. в России было совершено более 2 млн кибератак на официальные сайты и информационные данные государственных органов [Еделев 2005]. Стоит отметить, что в период январь-июнь 2006 г. было совершено 752 террористических актов [Прокопьева 2017: 32-33]. Согласно данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, в 2009 г. было совершено 654 террористических атак [Аношкина 2020]. В 2012 г. российскими спецслужбами было ликвидировано более 500 сайтов на просторах интернета, которые имели отношения к экстремизму и терроризму. Также в том году был пойман участник радикальной исламской партии «Хизб-ут-Тахрир аль-Исламий», который занимался распространением экстремизма в мировой паутине. [Усилинский 2014: 7–8]. В 2016 году в РФ кибертерроризм так расширился, что две трети преступных деяний имели экстремистский характер, а также каждое девятое правонарушение являлось террористическим актам, который был

¹ Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41113> (дата обращения: 14.06.2022)

² Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41108> (дата обращения: 14.06.2022)

реализован посредством интернета. Данные Генеральной Прокуратуры РФ показали, что за 2018 г. количество подобных атак составляло 1679, за 2019 г. – 1806, из которых 844 расследовано¹.

Исходя из данных, в России терроризм в период 2003–2006 гг. находился на высшей точке. После данного периода произошло снижение до 2014 г. Но начиная с 2014 г. терроризм восстановился с новыми формами и держаться на одном темпе до сегодняшнего дня [Дементьева, Моргоева, Нестеров 2022: 229–230].

Некоторые эксперты отмечают, что со временем происходит уменьшение доли правонарушений, связанных с кибертерроризмом, по сравнению к террористическим актам в целом. Несмотря на то, что доля кибертеррористических преступлений в 2018 г. составляла 48%, в 2019 г. 44% и в 2020 г. 32%, с каждым годом увеличивается количество террористических преступлений, связанных с использованием ИКТ².

Во время пандемии угроза информационного терроризма еще больше увеличилась. Пандемия кардинально изменила жизни людей. До пандемии были люди, которые не пользовались мировой паутиной, сегодня пандемия заставила людей пользоваться интернетом, ИКТ, социальными сетями, люди начали больше времени тратить в просторах интернета. Таким образом, у террористов появилась возможность незаметно пропагандировать свою деятельность и получить доступ к персональным данным или иным важным

ресурсам. По состоянию на октябрь 2020 г. МВД России заявило, что в 2020 г. продолжает расти преступности в мировой паутине и оказывает отрицательное воздействие на уровень преступности в стране. В Министерстве отметили, что в 2020 г. показатель киберпреступлений вырос на 75,1% по сравнению с 2019 г.³ По данным МВД за первые четыре месяца 2021 г. количество кибератак увеличилось на 31,5%⁴. Почти две трети из них совершаются с использованием сети Интернет, свыше трети – с помощью средств мобильной связи. Несмотря на это в декабре 2021 г. информационный центр Национального антитеррористического комитета (НАК) сообщили, что в 2021 г. государственные спецслужбы и правоохранительные органы не допустили совершения ни одного теракта в стране⁵. Казалось, что после пандемии темп информационных преступлений сохранится, но данные за первые четыре месяца 2022 г. показали уменьшение число преступлений, с применением ИКТ, было зарегистрировано на 11,4% меньше⁶.

Необходимо отметить, что информационный терроризм является угрозой для всего мирового сообщества, учитывая этот факт Российская Федерация в сотрудничестве с другими государствами и международными организациями предпринимает всевозможные усилия для борьбы с этой угрозой. В прошлом году на

¹ Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики информационных технологий. Состояние преступности в России // Сборник подготовлен на основании формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС. — За январь-декабрь 2016–2019 гг.

² Статистика генеральной прокуратуры РФ. Приведенная статистика охватывает более широкий спектр статей Уголовного кодекса РФ: ст. 205 ч.1, 205 ч.2, 205 ч.3, 205.1 ч.1, 205.1 ч.2, 205.1 ч.3, 205.1 ч.4, 205.2 ч.1, 205.2 ч.2, 205.3, 205.4 ч.1, 205.4 ч.2, 205.5 ч.1, 205.5 ч.2, 205.6, 206 ч.1, 206 ч.2, 206 ч.3, 206 ч.4, 207 ч.1, 207 ч.2, 207 ч.3, 207.4, 208 ч.1, 208 ч.2, 361 ч.1, 362.1 ч.2, 361 ч.3. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 12.05.2022)

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — октябрь 2020 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21933965/> (дата обращения: 5.06.2022)

⁴ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-апрель 2021 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/24644450/> (дата обращения: 13.06.2022)

⁵ В НАК сообщили, что в России в 2021 году не допущено совершения ни одного теракта // «ТАСС» URL: <https://tass.ru/obschestvo/13193919> (дата обращения: 13.06.2022)

⁶ Министерство внутренних дел Российской Федерации. МВД России публикует данные о состоянии преступности по итогам четырех месяцев 2022 года. URL: <https://мвд.рф/news/item/30236038/> (дата обращения: 13.06.2022)

саммите ШОС Россия поддержала предложение глав государств Республики Кыргызстана и Республики Узбекистана о запуске совещания руководителей профильных министерств и возобновлении встречи министров внутренних дел и общественной безопасности для противодействия кибертерроризму и отметила, что в последние годы увеличивается риски информационного терроризма [Черняева, Журавлёва 2022: 540–541].

Термин информационный терроризм или кибертерроризм в нормативно-правовых актах РФ не существует. Невозможно сказать, что информационный терроризм совсем отсутствует в правовых нормах России. К примеру, кибертерроризм используется в пунктах, касающиеся подготовки профессионалов для борьбы против терроризма¹. С одной стороны кажется, что отсутствие таких терминов в нормативно-правовых актах РФ не препятствует противодействию кибертерроризму, так как эксперты отмечают, что проблема заключается в правоохранительных органах, ибо они допускают ошибок и не доводят дело до конца, с другой стороны, законодательное закрепление термина дало бы новые возможности для противодействия информационному терроризму.

Для противодействия кибертерроризму в 2013 г. был издан Указ «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации», этот Указ расширил полномочия Федеральной службы безопасности Российской Федерации по формированию на государственном уровне структуры выявления, уничтожения и предотвращения последствий информационных нападений на российские информационные источники, ИКТ, которые расположены в Российской Федерации и заграничных учреждениях Российской

Федерации². А также РФ в двусторонних отношениях и в рамках международных организаций выступает против информационному терроризму. Очевидным примером послужит заключения «Соглашения между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» в 2009 году, в котором одной из основных целей договора стало обеспечение информационной безопасности участников ШОС и создание информационной атмосферы для благополучного сотрудничество во всех сферах. Также в данном соглашении отмечалось, что информационный терроризм является опасностью для международной безопасности [Питинова 2018: 32–33]. В рамках ШОС страны организации рассматривают вопросы, связанные с безопасностью и борьбой с терроризмом [Рахимов 2019]. Опираясь на формат ШОС, государствам-участникам значительно легче бороться с исламским экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом [Рахимов 2020]. В рамках СНГ в 2000 г. для противодействия террористических и экстремистских актов был создан Антитеррористический центр. Сегодня данный центр находится в активном сотрудничестве органами государств-членов Содружества согласовывает и содействует в противодействии терроризму³.

Сегодня в России отсутствует основополагающий нормативно-правовой акт, который включает в себя все пути противодействия кибертерроризму. Вместо

² Указ Президента Российской Федерации от 15 января 2013 г. N 31с г. Москва «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» // Российская газета. 2013. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902392496> (дата обращения: 20.05.2022)

³ Решение совета глав государств СНГ от 21 июня 2000 года «О создании Антитеррористического центра государств - участников Содружества Независимых Государств» // Официальный сайт АТЦ СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/132/166/188> (дата обращения: 27.05.2022)

¹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации от 05.10.2009. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902180267> (дата обращения: 15.05.2022)

этого существует ряд законодательных документов (Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Доктрина информационной безопасности, проект Концепции стратегии кибербезопасности и т. д.), а также документы, которые сдерживают и препятствуют законам и поправкам.

Некоторые ученые предполагают, что приведение в единую форму Российских и зарубежных законодательных актов может привести к тесному взаимодействию спецслужб и положительному противодействию терроризму, а также дает возможность увеличить процент защищенности в просторах интернета и в самих государствах [Декола, Магомедова, Петрашко 2020: 329–330].

Стоит отметить, что таких средств недостаточно для достижения положительных результатов в информационном пространстве. Информационный терроризм, как отмечалось выше, в современном мире является острым вопросом и угрозой национальной безопасности для всех государств, не только для РФ. С каждым годом вопрос о проявлениях кибертерроризма увеличивается и становится важной проблемой.

Республика Казахстан с момента приобретения независимости (1991 г.) ставит во главу угла безопасность. В более широком смысле здесь подразумевается не только территориальная безопасность, но и безопасность во всех сферах жизнедеятельности казахстанских граждан. Большое внимание правительство уделяет безопасности в интернет-пространстве на локальном, региональном и глобальном уровнях. Казахстан активно участвует в глобальном диалоге по противодействию терроризму и экстремизму. Немалое внимание в стране уделяется противодействию терроризма в интернет-пространстве. Республика Казахстан также является непосредственным участником контртеррористической деятельности в рамках организаций ОДКБ, ШОС, СВМДА, Антитеррористического центра СНГ, в сотрудничестве с ОБСЕ активно проводит

мероприятия обучающего характера, заседания, конференции и тренинги регионального и международного уровня, направленные на противодействие экстремизму и терроризму¹.

В настоящее время достигнута степень полного взаимодоверия стран-участников ШОС по вопросам политики и военной сферы, дальнейшие усилия будут направлены на совместную борьбу с третьими силами, а именно: укрепление международного сотрудничества в сфере информационной безопасности и борьбу с интернет-терроризмом, пресечение финансирования терроризма с целью прекращения распространения оружия. Таким образом, основными вопросами сотрудничества государств-участников ШОС являются укрепление международного сотрудничества в области безопасности и борьба с третьими силами [Рахимов 2019].

Казахстан, решительно осуждая насилие во всех формах его проявления, в том числе террористические действия, а также действия направленные на угрозу безопасности и попытку дестабилизации ситуации в стране, поддерживает глобальные инициативы и коллективные усилия всего мирового сообщества по борьбе с вышеперечисленными явлениями. Республика Казахстан неукоснительно выполняет требования глобальной антитеррористической стратегии СБ ООН (2006 г.) и ежегодно в Национальном докладе отчитывается в Контртеррористический Комитет ООН о проделанной работе в рамках борьбы с терроризмом². Для усиления работы по противодействию терроризму, Казахстан присоединился к четырнадцати международным универсальным инструментам по борьбе с терроризмом. Что касается кибертерроризма и

¹ Официальный сайт МИД РК: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/589?lang=ru> (дата обращения: 05.06.2022)

² Глобальная контртеррористическая стратегия ООН: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/504/90/PDF/N0550490.pdf?OpenElement> (дата обращения: 06.06.2022)

киберпреступности, резолюция 53/70, принятая в декабре 1998 г. Генеральной Ассамблеей ООН и касающаяся киберпреступности, кибертерроризма и кибервойны призывает государства-члены информировать Генерального секретаря ООН касательно мер принимаемых для информационной безопасности стран участниц данной организации¹. Соглашаясь с правилами принятой резолюции, Республика Казахстан отчитывается о проделанной работе и принятых мерах для обеспечения и поддержания информационной безопасности.

В последние несколько десятилетий с развитием цифровых технологий, терроризм приобрел новые формы, одной из которых является развитие и распространение терроризма в интернет-пространстве. Так называемый кибертерроризм в последнее время немало опасен, чем традиционный. На сегодняшний день очень много различных определений понятию кибертерроризм. По одному из определений под кибертерроризмом понимается «общее наименование компьютерных правонарушений (взломы файлов, похищение секретов и денег со счетов банков), а также компьютерное хулиганство (введение вирусов и т.п.)»². На самом деле, кибертерроризм очень опасен тем, что имеет большое количество сфер влияния посредством интернет-сообществ, пабликов, сайтов и порталов, носящих замаскированный деструктивный характер и разрушающее влияние. Открытого призыва к террористическим действиям сейчас почти нет, зато кибертеррористы настолько профессионально действуют в мировой паутине, что так называемые «жертвы», подвергшиеся действию и влиянию террористов, как правило, зачастую молодое поколение, не осознают, на какие действия они идут и к чему их принудят. Еще одним

фактором, способствующим развитию кибертерроризма, помимо цифровых технологий относятся всеобъемлющие процессы глобализации, неизбежного процесса, в который вовлечены все страны и континенты.

Ни для кого не секрет, что с каждым годом глобализация всё сильнее влияет на все стороны жизни гражданина любой страны и её влияние проявляется не только в обмене культурными и материальными ценностями. Военные конфликты и нерешенные территориальные вопросы, смертоносные пандемии, природные катаклизмы и международная преступность сегодня имеет широкий информационный охват [Турсынбекова 2014]. В период любого из вышеперечисленных вызовов современности терроризм видоизменяясь в любую из форм (религиозный, экономический, геополитический, этнорелигиозный и т.д.) легко проявляется и как «невидимый зверь» руководствуясь подорванной ситуацией в стране, регионе или мире начинает масштабное влияние в виде информационных атак, создания деструктивных сайтов и рассылок, вербовки в социальных сетях и сообществах. Для подобного рода обширности своего влияния террористические группировки, получая от определенных лиц и организаций необходимое финансирование, обучение логике, математике, психологии, психосоматике, логистике, криптографии, освоение ИКТ, программного обеспечения, математико-экономических методов, развивают свою организационную основу, подвергают разрушительному влиянию большие массы.

Правительство Республики Казахстан, осознавая всю опасность, губительное влияние и ужасающие последствия от широкомасштабного кибертерроризма, взяв за основу принцип обеспечения безопасности, поручило создать программу «Киберщит Казахстана», в которую были заложены: анализ текущей ситуации, мировой опыт, цели, задачи, результаты и период реализации, а также основные принципы и подходы противодействия

¹ АДР РК. О некоторых методах противодействия кибертерроризму в интернет-пространстве. 10.10.2015. <https://yvision.kz/post/577387> (Дата обращения: 06.06.2022)

² Толковый словарь Ефремовой Т.Ф. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/275669/%D0%BA%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения: 06.06.2022)

информационному терроризму¹. Во втором полугодии текущего года с учетом проделанной работы и новых реалий будет принята новая редакция концепции «Киберщит Казахстана-2», реализация которой предусмотрена до 2027 г. В новой концепции будут отражены основные направления, охватывающие усиление административной ответственности за утечку личных данных, использование отечественных и регулирование иностранных медиа-платформ на территории страны. В обновленном документе будут отражены вызовы и угрозы кибербезопасности с учетом мирового опыта борьбы с кибертерроризмом. Стоит отметить, что осведомленность населения по вопросам кибербезопасности в 2021 г. составила 75%. Для противодействия информационному терроризму, был принят ряд мер, направленных на повышение информационной грамотности у населения, а также на 2021–2022 гг. увеличено количество образовательных грантов до 2632 по профессии «информационная безопасность»².

Помимо концепции кибербезопасности, в рамках противодействия кибертерроризму, в 2014 г. был принят уголовный кодекс, особенностью которого стало включение целого ряда составов уголовных правонарушений в сфере информатизации и связи³. В общем, Республике Казахстан принято порядка 30 других проектов и законодательных актов, нацеленных на борьбу и противодействие информационному терроризму. Особое внимание уделяется работе с местными и

иностранскими СМИ, ведется контроль официальных законодательных сайтов, проводится мониторинг работы спецслужб страны. Особое внимание в киберпространстве на территории Казахстана уделяется учебным платформам, образовательным сайтам и обучающим порталам. Спецслужбы, ответственные за поддержание кибербезопасности тщательно следят за тем, чтобы данные учащихся находились под защитой, а сами учащиеся не были подвержены кибератакам, а также сомнительным «урокам о религии», за которыми могут скрываться террористы, орудующие в онлайн-пространстве.

В период пандемии коронавируса и перехода на дистанционный формат работы и обучения, резко возросла нагрузка на цифровую инфраструктуру республики [Лебедева, Кузнецов 2021]. К этому казахстанские системы оказались не готовы, в результате возникли проблемы с доступом к некоторым государственным интернет-ресурсам. С начала 2020 г. в Казахстане зафиксировано порядка 200 кибератак⁴. С целью профилактики кибератак и противодействия киберпреступности, в стране ужесточилось отслеживание переписки сомнительных пользователей сети, а также, по данным Комитета Национальной Безопасности, телефонные разговоры граждан могут быть записаны, если в разговоре звучат так называемые слова-маркеры, такие как: бомба, атака, террор и другие.

Из интервью с К. Бекназаровым, сотрудником КНБ РК, а также полковником в отставке, стало известно, что в 2021 году предотвращен экономический ущерб более чем на 300 миллиардов тенге, еще 63 миллиарда было возвращено в государственный бюджет. По другому направлению, контрразведке ведется обширная системная работа с обеспечением информационной безопасности граждан. «Наша контрразведка смогла за последние

¹ Официальный сайт Концепции кибербезопасности «Киберщит Казахстана»: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407> (дата обращения: 08.06.2022)

² Курсив. В 2022 году будет принята новая редакция концепции «Киберщит Казахстана». 31.03.2022. URL: <https://kz.kursiv.media/2022-03-31/v-2022-godu-budet-prinyata-novaya-redakciya-konceptii-kibershhit-kazahstana/>

³ Digital report. Обзор законодательства Республики Казахстан: Борьба с киберпреступностью. 29.07.2016. URL: <https://digital.report/zakonodatelstvo-kazahstana-borba-s-kiberprestupnostju/> (дата обращения: 08.06.2022)

⁴ 200 миллионов кибератак зафиксировали с начала года в РК. 07.12.2020. URL: <https://24.kz/ru/news/social/item/440938-200-millionov-kiberatak-zafiksirovali-s-nachala-goda-v-rk> (дата обращения: 09.06.2022)

три года выявить и разоблачить 21 агента иностранных спецслужб. Сегодня Комитет национальной безопасности выступает как равноправный партнер в сообществе спецслужб мира», - отмечает К. Бекназаров¹. Киберпреступность сегодня представляет собой настоящую опасность для всех пользователей сети Интернет. Для того, чтобы уберечь себя от кибертеррористов, IT-эксперты не рекомендуют незнакомым людям сообщать о себе персональную информацию, которая содержит дату рождения, индивидуальный идентификационный номер, номер удостоверения личности, а также пароли и коды от банковских карт и денежных счетов. В стране ежегодно проводятся мероприятия, повышающие уровень грамотности населения и улучшение мер по борьбе с преступностью в интернете. Отмечая успехи казахстанских киберспециалистов по борьбе с информационным терроризмом и киберпреступностью, 2019 году Казахстан стал членом организационного комитета САМР (Cybersecurity Alliance for Mutual Progress). Данный комитет находится и действует в Южной Корее. В его состав входят 60 организаций из 46 стран. Члены САМР имеют возможность обмениваться учебными программами и информацией по вопросам кибербезопасности, которые становятся все более сложными и затрагивают все больше пользователей и организаций по всему миру. В период с 14 по 20 сентября 2020 г. прошла Пятая ежегодная конференция членов Cybersecurity Alliance for Mutual Progress (САМР, Альянс по кибербезопасности для взаимного прогресса), где странами-участниками обсуждались вопросы информационной безопасности и разбирались наиболее значимые события инцидентов ИБ за 2019–2020 гг. От лица Казахстана выступил директор департамента Государственной технической службы Медет Искаков, который в своем выступлении поделился опытом Казахстана

в борьбе с кибератаками в период пандемии. Выступление спикера было признано лучшим в номинации «Best Speaker» из 47 стран-участниц САМР².

На сегодняшний день деятельность по противодействию кибертерроризму требует системного и комплексного подхода взаимодействия всех правоохранительных органов страны [Барсегиан, Кернер 2020]. Анализируя международный и государственный опыт по противодействию кибертерроризму, наиболее эффективными мерами в данном вопросе является совершенствование правовой базы и дальнейшая активизация разъяснительной и идеологической работы, особенно в молодежной среде [Минязева Т.Ф. 2018].

Важно понимать, что обеспечение кибербезопасности – это не проект, который можно реализовать и в скором времени отложить в дальний ящик. Это в первую очередь выстраивание новых и изменение существующих процессов в жизненном цикле организации с учетом определенных правил и рекомендаций по обеспечению информационной безопасности [Абазов 2018]. Все сферы, в том числе образование и предпринимательство должны определить достаточный уровень безопасности, и чем в случае атаки должны быть готовы рискнуть. Исходя из этого решения, формируется объем работ и бюджет на их реализацию.

Подводя к заключению, информационный терроризм, несомненно, является одной из глобальных проблем. А значит, подход к поискам ответа на этот вызов должен отражать это обстоятельство. Это относится к единому пониманию проблемы, тщательному изучению и анализу теоретических вопросов этого вида насилия. Все это может служить основой совершенствования и гармонизации государственных и международно-правовых актов, и особенно комплексных программ борьбы с терроризмом, совместного планирования и осуществления

¹ Ахметова А. Бекназаров К. Тотальная слежка давно осталась в прошлом. 14.05.2021. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30505670&pos=3;-80#pos=3;-80 (дата обращения: 09.06.2022)

² Егеубаев Ж. Кибербезопасность в Казахстане – что сегодня актуально? 26.03.2021. URL: <https://mobilaser.kz/kiberbezopasnost-v-kazahstane-chto-segodnya-aktualno/technologies/> (дата обращения: 09.06.2022)

предупредительных, оперативно-розыскных, политических, экономических и судебных мероприятий. К сожалению, сегодня такое сотрудничество серьезно осложнено политическими противоречиями между странами, а то и вовсе прекращено в результате односторонних решений, принимаемых некоторыми странами, особенно по политическим мотивам. Глубокое научное понимание сущности терроризма, выявление его причин и порождающих его условий, а также научный анализ трансформации его видов и форм с учетом его адаптации к меняющейся геополитической ситуации в мире должны оказать решающую помощь к этому вызову [Дакка, Дмитриева 2020]. На сегодняшний момент, главная задача, на наш взгляд, состоит в том, чтобы лишить терроризм его социально-политической почвы, на которой он растет, во многом благодаря незнанию его потенциала.

В настоящее время определяющим фактором является обеспечение надежного

и безопасного функционирования информационных систем, противодействие различным формам информационного воздействия. Информационная безопасность является неотъемлемой и все более важной частью процесса обеспечения стратегической стабильности. Сегодня понятие информационной безопасности охватывает все сферы жизни общества. Информационную оборону можно рассматривать как комплекс тесно связанных задач в области международной этики, права и организации управления, разработки технических средств, программирования и математики. В Российской Федерации и Республике Казахстан, развитию законодательства в этой сфере предшествует принятие политических и доктринальных документов, формулирующих основные задачи и пути их решения. Государства защищают свои национальные интересы в информационной сфере общим балансом интересов на уровне личности, общества и государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абазов К.М. Проблема использования современных информационно-коммуникационных технологий международными террористическими организациями. Вопросы безопасности. Общество с ограниченной ответственностью "НБ-Медиа". – 2018. С. 7.
- Аношкина А. А. Информационный терроризм как угроза национальной безопасности / Молодой ученый. – 2020. — № 20 (310). — С. 245–247.
- Барсегян А.А., Кернер Е.А. Проблема цифровизации терроризма на пространстве СНГ// Постсоветские исследования. Автономная некоммерческая организация Центр исследований постсоветских стран. – 2020. Т. 3. С. 319.
- Дакка А., Дмитриева М. Роль Центральной Азии в российско-индийском сотрудничестве в области энергетики. Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – №13(6). С.208-227.
- Декола И.В., Магомедова А.Д., Петрашко Б.Э. Проблема обеспечения кибербезопасности в Белоруссии, России и Украине. Постсоветские исследования. – 2020. Т.3. № 4. С. 323–335.
- Дементьева О. Е., Моргоева Д. Э., Нестеров А. В. Терроризм в Российской Федерации в 2002–2020 гг. Постсоветские исследования. – 2022.– Т. 5. – № 2. С. 220–231.
- Еделев А. Л. Борьба с экстремизмом: вопросы теории и практики. М.— 200 с. АУ МВД России, 2005.
- Лебедева М. М., Кузнецов Д. А. Глобальное управление в вопросах противодействия биогенным угрозам. Вестник МГИМО-Университета – 2021. №14(2). – С.7-21.
- Малик Е. Н. Кибертерроризм как мировая угроза: вызовы и меры борьбы // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 169–173.
- Миняева Т.Ф., Психологическая диагностика человека при решении вопросов профилактики терроризма. Евразийская адвокатура. – 2018 – Т.1. С. 77–82
- Питинова А. С. Актуальные вопросы противодействия кибертерроризму / Право: история, теория, практика: материалы VI Междунар. науч. конф. – 2018.— С. 31–34.

- Прокопьева В. А.* Политика противодействия кибертерроризму в современной России / Выпускная квалификационная работа. 2017.
- Рахимов К.Х.* Шанхайская организация сотрудничества в системе обеспечения евразийской региональной, международной и глобальной безопасности (международно-правовое измерение) // Постсоветские исследования. 2020. – Том 3. №2. С.124-135.
- Рахимов К.Х.* Правовое регулирование противодействия терроризму и экстремизму в государствах Шанхайской организации сотрудничества // Евразийский юридический журнал. №2 (129) 2019. С. 67–70.
- Турсынбекова С.* О роли органов прокуратуры в противодействии терроризму в интернет-пространстве. Материалы международной научно-практической конференции «Терроризм и Интернет». –2014.
- Усилинский Ф. А.* Кибертерроризм в России: его свойства и особенности. Право и кибербезопасность. – 2014. – № 1. С. 6–11.
- Черняева С. В., Журавлёва Е. В.* Роль ШОС в контексте «афганской проблемы». Постсоветские исследования. – 2022. Т. 5. № 5. С. 531–544.

REFERENCES

- Abazov K.M.* The problem of the use of modern information and communication technologies by international terrorist organizations. Security questions. Limited Liability Company "NB-Media". - 2018. P. 7.
- Anoshkina A. A.* Information terrorism as a threat to national security / Young scientist. - 2020. - No. 20 (310). - S. 245-247.
- Barseghyan A.A., Kerner E.A.* The problem of digitalization of terrorism in the CIS space // Post-Soviet Studies. Autonomous non-profit organization Center for Post-Soviet Studies. – 2020. V. 3. S. 319.
- Dhaka A., Dmitrieva M.* The role of Central Asia in Russian-Indian cooperation in the field of energy. Bulletin of MGIMO-University. - 2020. - No. 13(6). pp.208-227.
- Decola I.V., Magomedova A.D., Petrashko B.E.* The problem of ensuring cybersecurity in Belarus, Russia and Ukraine. Post-Soviet Studies. – 2020. V.3. No. 4. S. 323-335.
- Dementieva O. E., Morgoeva D. E., Nesterov A. V.* Terrorism in the Russian Federation in 2002–2020. Post-Soviet Studies. - 2022. - V. 5. - No. 2. S. 220-231.
- Edelev A. L.* Fighting extremism: questions of theory and practice. M. - 200 p. AU MIA of Russia, 2005.
- Lebedeva M. M., Kuznetsov D. A.* Global management in countering biogenic threats. Bulletin of MGIMO-University - 2021. No. 14(2). - P.7-21.
- Malik E. N.* Cyberterrorism as a global threat: challenges and measures to combat // Bulletin of the Kama Social Institute. 2020. No. 1 (85). pp. 169-173.
- Minyazeva T.F.,* Psychological diagnostics of a person in solving issues of prevention of terrorism. Eurasian Advocacy. – 2018 – Vol.1. pp. 77-82
- Pitinova A. S.* Topical issues of counteracting cyberterrorism / Law: history, theory, practice: materials of the VI Intern. scientific conf. - 2018. - S. 31-34.
- Prokopiyeva V. A.* The policy of counteracting cyberterrorism in modern Russia / Final qualification work. 2017.
- Rakhimov K.Kh.* Shanghai Cooperation Organization in the System of Ensuring Eurasian Regional, International and Global Security (International Legal Dimension) // Post-Soviet Studies. 2020. - Volume 3. No. 2. pp.124-135.
- Rakhimov K.Kh.* Legal regulation of countering terrorism and extremism in the states of the Shanghai Cooperation Organization // Eurasian Law Journal. No. 2 (129) 2019. P. 67-70.
- Tursynbekova S.* On the role of the prosecutor's office in countering terrorism in the Internet space. Materials of the international scientific-practical conference "Terrorism and the Internet". – 2014.
- Usilinsky F. A.* Cyberterrorism in Russia: its properties and features. Law and cybersecurity. - 2014. - No. 1. S. 6-11.

Chernyaeva S. V., Zhuravleva E. V. The role of the SCO in the context of the “Afghan problem”. *Post-Soviet Studies.* – 2022. V. 5. No. 5. S. 531-544.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лагуткина Юлия Николаевна – **Yuliya N. Lagutkina** – Master in
Магистр в области «Международных International Relations Department of RUDN
отношений» Российского университета University. Moscow, Russia. E-mail:
дружбы народов. Москва, Россия. E-mail: lagnas@bk.ru
lagnas@bk.ru

Мадалимбеков Жандос Zhandos I. Madalimbekov – Master in
Исроилбекович – Магистр в области International Relations Department of RUDN
«Международных отношений» Российского University. Moscow, Russia. E-mail:
университета дружбы народов. Москва, jaaandos@inbox.ru
Россия. Москва, Россия. E-mail:
jaaandos@inbox.ru

Омарова Динара Куанбековна – **Dinara K. Omarova** – Master in
Магистр в области «Международных International Relations Department of RUDN
отношений» Российского университета University. Moscow, Russia. E-mail:
дружбы народов. Москва, Россия. Москва, omarova.1999@mail.ru
Россия. E-mail: omarova.1999@mail.ru

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ / THINK TANKS

Научная статья / Research article

Проблема взаимодействия Турции и России в новых политических реалиях в исследованиях Немецкого института международных отношений и безопасности (SWP)

А. Ю. Борзова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9886-797>, e-mail: bau845@mail.ru

Е. М. Савичева

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8617-3508>, e-mail: savicheva@mail.ru

Л. Т. Кулумбегова

Юго-осетинского государственного университета им. А.А.Тибилова, Цхинвал, Южная Осетия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8096-634X>, e-mail: linakulumbegova@mail.ru

Аннотация. Разрушение однополярного мира сопровождается подъемом новых центров силы в регионах, которые стремятся закрепить за собой право на формирование нового миропорядка. Турция, переориентировавшаяся от сотрудничества с западными странами, использует свое выгодное геостратегическое положение и предпринимает активные попытки расширить влияние на Ближнем Востоке, Южном Кавказе, выстраивает политику партнерства со странами Центральной Азии, развивает отношения с Россией. В рамках инициативы «Посредничество для мира» Турция уже превратилась в одну из ведущих мировых платформ в области урегулирования конфликтов и посредничества. Война на Украине открыла уникальные возможности для роста внешнеполитической активности и посреднической деятельности Анкары. Цель статьи – на основе проблемно-хронологического метода изучить публикации одного из ведущих аналитических центров Германии - Немецкого института международных отношений и безопасности (SWP), выявить их подходы к ключевым аспектам внешней политики Турции (политика на Ближнем Востоке, в отношении Сирии, взаимодействие с Россией, проблемы с ЕС). В заключении авторы выделяют прогнозы и рекомендации немецких экспертов для Турции и ЕС в связи с углублением украинского кризиса.

Ключевые слова: Турция, Россия, Южный Кавказ, SWP, посредничество, Ближний Восток, Срединный коридор, трубопровод.

Для цитирования: Борзова А. Ю., Савичева Е. М., Кулумбегова Л. Т. Проблема взаимодействия Турции и России в новых политических реалиях в исследованиях Немецкого института международных отношений и безопасности (SWP) // Постсоветские исследования. 2022;8(5):861-871.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО № 21–514–07001

New aspects in relations between Turkey and Russia (based on materials from German think tank)

A. Yu. Borzova

RUDN University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9886-7977>, e-mail: bau845@mail.ru

E. M. Savicheva

RUDN University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8617-3508>, e-mail: savicheva@mail.ru

L. T. Kulumbegova

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, South Ossetia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8096-634X>, e-mail: linakulumbegova@mail.ru

Abstract. The destruction of the unipolar world is accompanied by the rise of new centers of power in the regions, which seek to secure the right to form a new world order. Turkey, that reoriented from cooperation with Western countries, uses its advantageous geostrategic position and makes active attempts to expand its influence in the Middle East, the South Caucasus, builds a policy of partnership with the countries of Central Asia, and develops relations with Russia. Through the Mediation for Peace initiative, Turkey has already become one of the world's leading platforms in the field of conflict resolution and mediation. The war in Ukraine opened up unique opportunities for the growth of Ankara's foreign policy activity and mediation. The purpose of the article is to study the publications of one of the leading analytical centers in Germany - the German Institute for International and Security Relations (SWP) on the basis of the problem-chronological method, to identify their approaches to key aspects of Turkey's foreign policy (policy in the Middle East, Syria, relations with Russia, problems with the EU), and in conclusion, the authors highlight the forecasts and recommendations of German experts for Turkey and the EU in connection with the deepening of the Ukrainian crisis.

Keywords: Turkey, Russia, SWP, mediation, Middle East, Middle Corridor, pipeline, South Caucasus.

For citation: Alla Yu. Borzova, Elena M. Savicheva, Lina T. Kulumbegova. New aspects in relations between Turkey and Russia (based on materials from German think tank) // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;8(5):861-871. (In Russ.)

Acknowledgment: the reported study was funded by RFBR, project № 21-514-07001

Обострение напряженности на мировой арене, связанное с разрастающимися кризисами и конфликтами, усиление нестабильности, противостояния, неопределенности, сложный процесс формирования новой системы координат, когда разрушение однополярного мира сопровождается подъёмом новых центров силы – все это вызывает интерес у исследователей международных отношений и политиков. Внешнеполитические исследовательские центры различных стран стремятся осмыслить ключевые тенденции, которые будут оказывать определяющее влияние на международную обстановку, и выделить государства, роль которых в формирующемся балансе сил будет возрастать.

В этом плане особое внимание аналитиков привлекает Турция [Аватков 2021: 81-90], [Ирхин, Москаленко 2021: 91-107], [Шлыков 2021: 130-152], которая реализует концепцию «Предприимчивая и гуманная внешняя политика»¹, выдвинутую президентом страны и правящей Партией справедливости и развития (ПСР). Член НАТО и страна, стремившаяся к членству в ЕС, Турция переориентировалась от сотрудничества с западными странами и перешла к усилению своих позиций и ведущей роли на Ближнем Востоке [Köstem 2019: 111-128]. Ее политика нацелена на утверждение в роли регионального лидера, в том числе в ситуативных альянсах с различными государственными и негосударственными акторами в широком

¹ Турецкая Республика. Министерство иностранных дел. «Предприимчивая и гуманная внешняя политика

Турции». URL: <https://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy-ru.ru.mfa>

международном контексте [Эршен 2022: 111-125], включая Россию [Balta, Çelikpala 2020: 1-20].

В 2010 г. ООН выступила с инициативой «Посредничество для мира», и, во многом руководствуясь ею, Анкара взяла на себя роль посредника в мирном разрешении конфликтов. «Будучи единственной страной, которая одновременно является сопредседателем контактных групп/групп друзей по посредничеству в ООН, ОБСЕ и ОИС, Турция с 2012 г. проводит так называемые Стамбульские конференции по посредничеству, которые уже превратились в одну из мировых площадок для урегулирования конфликтов и посредничества».¹ Успешное проведение второго Дипломатического форума в 2022 г., многочисленные встречи на высшем уровне в Анкаре способствовали превращению республики в центр дипломатической активности. Турция расширила деятельность на Ближнем Востоке [Köstem 2020: 1-23], не осталась в стороне при разрешении конфликта вокруг Нагорного Карабаха, выстраивает многоплановую политику партнерства со странами Центральной Азии, Африки и Латинской Америки. Турция стала активной стороной в переговорах с РФ и Украиной на уровне министров иностранных дел, содействует реализации так называемой «зерновой сделки», что позволило министру иностранных дел Турции заявить, что Анкара зарекомендовала себя в качестве бренда в сфере международных посреднических услуг.²

Такая активизация турецкой дипломатии на новых направлениях внешнеполитической деятельности вызвали интерес у экспертов аналитических центров Германии, признанного лидера Европейского союза. Позиция Турции крайне важна для Германии и ЕС, поскольку их связывают общие проблемы - незаконная

миграция, ситуация в Восточном Средиземноморье и Афганистане, война на Украине, что ставит задачу найти соответствующий баланс как для турецкой, так и для европейской аудитории.

Немецкий институт международных отношений и безопасности (нем. Stiftung Wissenschaft und Politik - SWP) является ведущим мозговым центром Германии в области международных отношений. В его рамках в 2019 г. начал работу Центр прикладных турецких исследований (CATS), который относительно быстро трансформировался в ядро международной сети европейских и турецких аналитических центров и исследовательских институтов (The CATS Network). Такая структура способствует обмену мнениями между экспертами по Турции из разных стран, что создает основу для научных дискуссий. Работа этого центра финансируется Фондом Меркатор (Stiftung Mercator) и министерством иностранных дел Германии.

В коллективном обзоре, посвященном новым векторам внешней политики Турции,³ эксперты центра отмечают, что война на Украине, продовольственный и энергетический кризисы создают ряд уникальных возможностей для Турции. Так, Р. Мейнардус отмечает, что эта война привела к стратегическому прорыву Турции, открыв новые возможности для продвижения страны как ведущей региональной державы. Именно географическое положение Турции является ее ключевым стратегическим преимуществом.

Другой автор - Самуэль Довери Вестерби подчеркивает, что Турция является «географическим мостостроителем», что приобретает особую актуальность, когда мир уходит от однополярности и превращается в «беспорядочное лоскутное одеяло союзов». Выгодное геостратегическое положение

¹ Пресс-релиз по поводу 8-й Стамбульской конференции по Посредничеству. No: 80, 9 марта 2022 г.

Посольство Турецкой Республики в Москве. URL: <http://moscow.emb.mfa.gov.tr/Mission/ShowAnnouncement/391457>)

² Чавушоглу: Турция - бренд в сфере международного посредничества. URL: <https://media.az/politics/1067870030/chavushoglu->

[turciya-brend-v-sfere-mezhdunarodnogo-posrednichestva/?ysclid=lai695g9mu347783051](https://www.swp-berlin.org/en/publication/explaining-turkish-foreign-policy-moves-in-the-context-of-russias-war-against-ukraine)

³ Explaining Turkish foreign policy moves in the context of Russia's war against Ukraine //CATS Network Perspectives. 07.07.2022. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/explaining-turkish-foreign-policy-moves-in-the-context-of-russias-war-against-ukraine>

помогает Анкаре продвигать свои интересы в торговле, безопасности и энергетике, что имеет решающее значение для сохранения некоего нейтралитета, поскольку необходимость принимать чью-либо сторону означала бы уменьшение ее евразийских «мостовых возможностей» между Китаем, Россией и западными союзниками. Турция, вероятно, будет продолжать свою стратегию «вечного хеджирования» до тех пор, пока существует среда, в которой усиливается нестабильность и переформируются партнерства и союзы.

Ж.-С. Монгрень, в свою очередь, уточняет, что переориентацию турецкой дипломатии можно объяснить изменением баланса сил в регионе и тревожным внутривосточным контекстом. Для Эрдогана военная спецоперация России на Украине создает окно возможностей. Он поддерживает «некий баланс между союзниками по НАТО и российским агрессором»,¹ представляя себя государством-маяком на Большом Ближнем Востоке. И в этом контексте можно говорить о большой внешнеполитической стратегии Анкары.

Х. Багчи считает, что Турция не будет проводить политику конфронтации, как это было в 2020 г., так как теперь ее национальные интересы состоят в том, чтобы одной ногой стоять в НАТО, а другой — на Ближнем Востоке. Запад, вероятно, будет относиться к Турции как к «особому региональному игроку» отчасти из-за военного конфликта России с Украиной, а также из-за недавнего «разворота» в отношениях Турции со странами Персидского залива, Израилем и Египтом. Благодаря возросшей геополитической ценности для Запада Турция, вероятно, станет самым «надежным» членом НАТО,

когда дело дойдет до возможных переговоров между Россией и Украиной.

Польский эксперт Кароль Василевски обращает внимание на то, что Турция дистанцировалась от санкций против России. И такая позиция предопределила то, что у Турции есть пространство для балансирования с пророссийским привкусом — вопреки ее первоначальной позиции, которая была более проукраинской.

Т. Аларанта из Финского института международных отношений указывает на то, что правительство Эрдогана интерпретировало российское вторжение в Украину как спровоцированное НАТО. Однако попытка Турции добиться стратегической автономии и сократить свою зависимость от Запада может иметь успех при возможности опоры на разные полюса, например Россию и Китай, которые она может использовать в качестве уравновешивающих сил².

Можно заключить, что эксперты центра едины во мнении, что война на Украине и ее последствия открывают перед Турцией новые возможности для возвышения, связанные с использованием географического положения для возможного создания энергетического хаба для поставок газа в ЕС в обход России, а также развитием проекта Транскаспийского срединного коридора как составного звена торгового пути из Китая в Европу.

Возможности Турции как энергетического хаба

Как полагает эксперт К. Тастан, «стремление Европейского союза снизить свою зависимость от российского газа и диверсифицировать источники поставок энергоносителей за счет ресурсов Центральной Азии, Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья, теоретически предоставляет Турции серьезные позиции в

¹ Чавушоглу: Турция - бренд в сфере международного посредничества. URL: <https://media.az/politics/1067870030/chavushoglu-turciya-brend-v-sfere-mezhdunarodnogo-posrednichestva/?ysclid=lai695g9mu347783051>

Explaining Turkish foreign policy moves in the context of Russia's war against Ukraine //CATS Network

Perspectives. 07.07.2022. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/explaining-turkish-foreign-policy-moves-in-the-context-of-russias-war-against-ukraine>

² Ibid.

европейской политике диверсификации и энергетической безопасности» [Kadri 2022: 38].

В 2021 г. ЕС импортировал около 140 млрд кубометров газа по трубопроводам и около 15 млрд кубометров в виде сжиженного природного газа (СПГ) из России. В общей сложности 155 млрд кубов. Турция связывает Европу с такими богатыми газом странами, как Азербайджан, Туркменистан, Иран и Ирак, и поиск альтернатив российскому газу может повысить привлекательность Турции как транзитного узла для транспортировки углеводородов в Европу. Введенный в эксплуатацию в 2020 г. газопровод из РФ «Турецкий поток» (проектная мощность 31,5 млрд кубометров газа в год) снабжает голубым топливом как саму Турцию, так и страны Южной Европы. Наряду с этим, Турция участвует совместно с Азербайджаном и Грузией в проекте запущенного в 2006 г. нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан и находится в центре трубопроводной системы Южного газового коридора (Southern Gas Corridor -SGC). Строительство в 2019 г. Трансанатолийского газопровода (Trans-Anatolian Gas Pipeline - TANAP, длина 1841 км) позволило соединить Южный газовый коридор и Трансадриатический газопровод (Trans-Adriatic Pipeline - TAP, длина 878 км), что открыло возможность для поставок газа из Азербайджана в Европу и стало поворотным моментом для Турции. Правда, пока в Европу поступает 10 млрд кубических метров газа, что покрывает не более 2,5% потребностей ЕС, а 6 млрд кубов газа остаются на турецком рынке¹. Проложенный газопровод из Ирана обеспечивает всего 10% потребностей в газе самой Турции, а освоение потенциально богатых месторождений газа в Иракском Курдистане связано с политическими, финансовыми, инфраструктурными проблемами.

С открытием значительных месторождений газа на шельфе в Восточном Средиземноморье этот регион стал

рассматриваться в качестве альтернативного источника, обеспечивающего энергетическую безопасность Европы. И здесь Турция, благодаря своему географическому положению, могла бы получить немалые дивиденды от поставок восточно-средиземноморского газа на европейские рынки. Однако на сегодняшний день Анкара исключена из любого многостороннего сотрудничества в рамках Восточно-средиземноморского газового форума (EMGF) и из двустороннего сотрудничества с другими прибрежными государствами, кроме Ливии. Противоречия между Турцией, Грецией и Республикой Кипр, кипрская проблема в сочетании с конфликтным потенциалом в отношениях с рядом государств региона сделали невозможным ее участие в энергетическом сотрудничестве.

Эксперт приходит к заключению, что стратегическая роль Турции кажется переоцененной, учитывая ограниченную долю энергоресурсов, которая проходит транзитом через Турцию в Европу. Кроме того, важным фактором остается недоверие между ЕС и Турцией, когда речь идет о долгосрочных проектах. Турция и ЕС зависят от импортируемого газа, поэтому логичнее сосредоточить сотрудничество на развитии проектов возобновляемой энергии, что было бы выгодно обеим сторонам.²

Турецкая инициатива Транскаспийского Срединного коридора

Начало специальной военной операции России на территории Украины привело к тому, что поставки товаров из Китая в ЕС по Северному коридору, связывающему Китай с Европой через Казахстан, Россию и Беларусь, сократились на 40%. Такая ситуация повысила привлекательность турецкой инициативы Транскаспийского Срединного коридора в обход как России, так и Ирана. Коридор свяжет Турцию с Китаем, пройдя Грузию, Азербайджан, Каспийское море, а затем либо через Казахстан, либо через Туркменистан, Узбекистан и Кыргызстан.

¹ SGC (Southern Gas Corridor). URL: <https://www.sgc.az/en>

² Tastan Kadri. Turkey and European Energy //Security. What role for Turkey in European energy security

following the Russian invasion of Ukraine? //SWP Comment, 2022. C38. 08.06.2022. doi:10.18449/2022C38

Инфраструктурной основой для этого проекта стала Трансказахстанская железная дорога, эксплуатация которой после завершения строительства в 2014 г. сократила на 1000 км транспортный маршрут с востока на запад, а также железная дорога Баку-Тбилиси-Карс, которая была введена в эксплуатацию в 2017 г. Этот «Железнодорожный шелковый путь» вновь открыл прямое сообщение между Кавказским регионом и Турцией после закрытия железной дороги между Арменией и Турцией в результате армяно-азербайджанского конфликта в начале 1990-х гг. Открытие грузовых перевозок между Азербайджаном и Турцией привело не только к использованию кратчайшего железнодорожного маршрута между Китаем и Европой, но и расширило сообщение между Турцией и государствами Центральной Азии и Южного Кавказа. Китай, новый игрок в этом регионе, активно приобретает портовые сооружения и финансирует железнодорожные пути в Восточном Средиземноморье, поскольку они представляют собой альтернативные транспортные магистрали в обход России. Инвестиции КНР в Турцию за период 2007-2021 гг. составили 21 млрд долл. (для сравнения – в Израиль – 19,4 млрд долл., а в Грецию – 11,8).¹ Объем торгового оборота двух стран в 2020 г. достиг 23,6 млрд долл., и Китай стал крупнейшим импортером турецкой продукции (11-е место), и третьим по величине торговым партнером после России и Германии.²

Частично финансируемый Японским агентством международного сотрудничества и Европейским инвестиционным банком тоннель Мармарай в Стамбуле (13,5 км), открывшийся в 2019 г., стал первой в мире

подводной железной дорогой, соединившей Азию и Европу через пролив Босфор. Как подчеркивает эксперт Туба Элдем, Турция стремится перехватить 30 % потоков, проходящих через Северный коридор, перенаправляя их в Средний коридор, и продвигает многостороннее сотрудничество, направленное на использование своего уникального географического положения в центре торгового треугольника, Европа-Азия-Африка,³ с целью развития региональной торговли и продвижения экономической интеграции Юго-Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии.⁴

Эксперты довольно скептически оценивают возможности для создания в Турции энергетического хаба в ближайшей перспективе, вместе с тем, ее превращение в связующее звено в торговле между Китаем и Европой минуя территорию России оказалось реальностью. И в этой связи отношения России и Турции, их взаимодействие в таких регионах, как Южный Кавказ, Каспийский регион, Ближний Восток, Центральная Азия, Восточное Средиземноморье, находятся в центре внимания европейского и турецкого экспертного сообщества.

Турция и Россия: линии соприкосновения и расхождения

Как отмечает С. Киникоглу, турецко-российские отношения стабильно развиваются с начала 2000-х гг. в торговой-экономической, военно-политической, культурно-гуманитарной, туристической сферах, и они стали структурным фактором внешней политики Турции.⁵ В двусторонней торговле доминирует российский экспорт, который в 2020 г. составил 18 млрд долл., а

¹ Jens Bastian. Expeditionary capital in the Eastern Mediterranean: why Turkey matters to China and vice versa. //Centre for Applied Turkey Studies (CATS) | WP NR. 04 OCTOBER, 2021. URL: http://CATS_Working_Paper_Nr_4_Jens_Bastian_Expeditionary_Capital_in_the_Eastern_Mediterranean

² Ibid.

³ Eldem Tuba. Russia's war on Ukraine and the rise of the Middle corridor as a third vector of Eurasian Connectivity. Connecting Europe and Asia via Central Asia, the

Caucasus, and Turkey // SWP Comment, 2022/C 64. 28.10.2022. doi:10.18449/2022C64

URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/russias-war-on-ukraine-and-the-rise-of-the-middle-corridor-as-a-third-vector-of-eurasian-connectivity>

⁴ Yilmaz Bahri. The Belt and Road Initiative and the Impacts on Turkey as a part of the Middle Corridor. //Working Paper . WP NR. 02 MAY, 2022 .

⁵ Kınıklıoğlu S. Eurasianism in Turkey. //SWP Research Paper, 2022/RP 07. 22.03.2022. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022RP07/>

импорт в РФ – 4,5 млрд долл.¹ В 2020 г. 33% потребляемого Турцией газа поступало из России, и в 1987-1994 гг. Россия была единственным поставщиком газа в Анкару, а «Турецкий поток» превратил эту страну в близкого партнера Москвы. Именно взаимодействие в энергетической сфере обеспечивают прочную основу предотвращения эскалации политических разногласий на высоком уровне.

И особый энтузиазм в отношении этого партнерства проявляют турецкие приверженцы евразийства. Так, Перинчек, лидер евразийского течения, содействовал урегулированию кризиса между Москвой и Анкарой после сбитаго по ошибке российского военного самолета. Он также не рассматривает аннексию Крыма как акт оккупации,² отметив, что «Крым не оккупирован Россией. Если мы не признаем Крым территорией России, мы не сможем заставить мир признать Турецкую Республику Северного Кипра». Он видит необходимость в приобретении российской противоракетной системы С-400, подчеркивая, что это не только предпочтение в вооружении, но и стратегический выбор, поскольку основные угрозы для Турции исходят с востока от Евфрата, со стороны США, Израиля, из Восточного Средиземноморья, где США, Израиль, Греция и Республика Кипр совместно организуют военные демонстрации против Турции Турецкие исламисты и евразийцы считают, что новый миропорядок находится в процессе становления, и что в меняющейся геополитической обстановке имеет смысл искать единомышленников на Востоке, и, следовательно, Анкара предпочитает иметь дело с такими государствами, как Россия, Китай, Иран и Пакистан.³

Как отмечает Д. Исаченко, испорченные отношения с Западом привели Анкару к сближению с Москвой, и основой этих отношений является «взаимное признание

интересов в области безопасности, перспектива совместных стратегических проектов, которые обещают большие преимущества, ... и могут придать больший международный вес собственной политике»⁴.

Зарубежные эксперты выделяют два региона, где интересы Турции и России сталкиваются в наибольшей степени, и это - Сирия и Южный Кавказ.

Сирия имеет стратегическое значение для Турции и России, но цели у стран в отношении Дамаска разнятся. Поддержка Россией президента САР Б. Асада позволила Москве вернуться на Ближний Восток в качестве ведущей державы, добиться определенного паритета с Западом, не допустить распространения исламистских группировок на территорию Северного Кавказа и Центральной Азии. А Анкара стремилась расширить свое влияние на Ближнем Востоке, сменить режим Б. Асада. Однако трансформация сирийского конфликта, как отмечает Д. Исаченко, поставила перед Анкарой новую задачу – противодействие консолидации курдских территорий⁵. Россия и Турция не смогли согласовать свои противоречивые позиции по Сирии, и только после урегулирования кризиса, вызванного инцидентом с российским истребителем, отношения нормализовались и верх взяла тенденция к сотрудничеству. Астанинский формат, в рамках которого Москва, Анкара и Тегеран провели в Казахстане встречи по урегулированию сирийского конфликта, стал символом российско-турецкого сотрудничества. Этот процесс остается в силе, и Турция является гарантом территориальной целостности Сирии, наряду с Россией и Ираном. Геополитическое соперничество между Турцией и Ираном в Сирии управляемо, подчеркивают эксперты, поскольку присутствие США и России в Сирии означает, что ни Иран, ни Турция не

¹ Trading Economics Turkey Exports to Russia. URL: <https://tradingeconomics.com/turkey/exports/russia>

² Анкара не признала Крым российским.

³ Kınıklioğlu S. Eurasianism in Turkey. //SWP Research Paper, 2022/RP 07. 22.03.2022. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022RP07/>

⁴ Isachenko, D. Turkey and Russia: the logic of conflictual cooperation // SWP Research Paper, 7/2021 (Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik. October 2021). URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021RP07/#hd-d22609e2449>

⁵ Там же.

смогут играть там решающую роль в одностороннем порядке.¹

Южный Кавказ в политике России и Турции.

С учетом географического и демографического факторов Южный Кавказ ассоциируется с «маленькой шахматной доской» на мировой политической арене. Кавказ образует сухопутный мост между Черным и Каспийским морями, и эта морская среда важна при оценке его геополитического значения.² Как отмечают эксперты, в очередном вооруженном столкновении Армении и Азербайджана из-за Нагорного Карабаха в 2020 г. Турция решительно заняла сторону Азербайджана, в то время позиция России оказалась более сдержанной, поскольку Москва стремилась избежать конфронтации между армянской и азербайджанской диаспорами в России и не поставить под угрозу отношения между Азербайджаном и Турцией.³ «Нейтралитет России в этом конфликте и ее стремление сочетать «стратегическое партнерство» с Арменией с хорошими отношениями с Азербайджаном были очевидны». ⁴ Турция поддерживала Азербайджан не только исходя из прежних тесных связей между двумя «братскими государствами», и в Декларации от 15 июня 2021 г. Анкара и Баку закрепили свои союзнические отношения.

Эксперты считают, что Нагорный Карабах оказал гораздо большее влияние на отношения Москвы и Анкары, чем неурегулированные территориально-политические конфликты Грузии с Южной Осетией и Абхазией. Выдвигается точка зрения, что Россия и Турция разделили

сферы влияния в регионе - в результате Москва разместила миротворческие силы в Нагорном Карабахе, обеспечив военное присутствие практически на всем Южном Кавказе, а Турция укрепила свои позиции с учетом использования транспортного Зангезурского коридора, который соединит Анкару и Баку через Нахичевань, что открывает прямой доступ Турции к Каспийскому региону и Центральной Азии.⁵

И Россия, и Турция подтвердили свои претензии на активное участие в формировании архитектуры безопасности на Южном Кавказе, на лидерство в регионе и сдерживание внерегиональных и западных держав, что нашло отражение в развитии «Платформы шести государств» «3+3».⁶ Отношения между тремя региональными державами (Россия, Турция, Иран), движущими силами этого формата, в лучшем случае неоднозначны, однако независимо от существующих противоречий, налицо и общие интересы.

И в этой связи эксперты мозговых центров ставят вопрос о перспективах взаимоотношений ЕС и Турции. Украинская «неразбериха», как пишет Галип Далай, является проявлением кризиса нынешнего европейского порядка безопасности или, точнее, его отсутствия, что делает необходимым определение роли не только России, но и Турции в любом европейском проекте новой архитектуры безопасности. И здесь, как считают исследователи, необходим запуск диалога на уровне Турция-ЕС для выявления потенциальной роли Турции в Общей внешней политике и политике безопасности ЕС (ОВПБ), в

¹ Azizi H., Cevik S. Turkish and Iranian involvement in Iraq and Syria competing strategies, rising threat perceptions, and potentials for conflict // SWP Comment, 2022/C 58, 12.10.2022. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/turkish-and-iranian-involvement-in-iraq-and-syria>

² Halbach U. Russlands Einflussmacht im Kaukasus. Konkurrenz und Kooperation mit Regionalmächten und globalen Akteuren . Stiftung Wissenschaft und Politik Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit //SWP-Studie. 10 Juli 2021, Berlin. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021S10/>

³ Isachenko, D. Turkey-Russia partnership in the war over Nagorno-Karabakh: militarised peacebuilding with

implications for conflict transformation // SWP Comment, 53/2020 (Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, November 2020). URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/turkey-russia-partnership-in-the-war-over-nagorno-karabakh>

⁴ Smolnik F., Sarjeladz M. Kaukasische Arithmetik. Die «3+3-Kooperationsplattform» und die regionale (Neu-)Ordnung im Südkaukasus . SWP-Aktuell 25 NR. 25 MÄRZ, 2022.

URL:<https://www.swp-berlin.org/en/publication/kaukasische-arithmetik>

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

сочетании с большей ясностью со стороны ЕС в отношении не входящих в ЕС членов НАТО, а именно Турции, Великобритании и США и их роли в новой архитектуре европейской безопасности.¹

Эксперты приходят к выводу, что российское вторжение в Украину, выявившее геополитические разломы, привело к широко распространенному в Анкаре мнению о том, что Турция сейчас занимает ключевую позицию в формировании нового многополярного мирового порядка, в котором роль региональных держав будет иметь первостепенное значение. Запад теперь, вероятно, будет относиться к Турции как к «особому региональному игроку» отчасти в связи с конфликтом на Украине, а также в связи с недавним «разворотом» в отношениях Турции со странами Персидского залива, Израилем и Египтом. Благодаря возросшей геополитической ценности для Запада Турция, вероятно, станет самым «надежным» членом НАТО, когда дело дойдет до возможных переговоров между Россией и Украиной.²

Заключение

Изучение экспертного мнения исследователей международной сети европейских и турецких аналитических центров и исследовательских институтов, объединенных Немецким институтом международных отношений и безопасности (SWP), позволяет сделать вывод, что внешняя политика Турции нацелена на расширение своего влияния на Ближнем

Востоке и в соседних с ней геополитических пространствах. Украинский кризис открыл новые возможности для расширения турецкого влияния на Ближнем Востоке, Южном Кавказе, сделал эту страну важным звеном в формировании транспортного коридора из Китая в Европу, минуя Россию. Претензии Турции на роль энергетического хаба для Европы пока туманны и неопределенны, но не лишены рациональной составляющей. Турция – член НАТО, но она смогла выстроить взаимовыгодные и довольно ровные отношения с Москвой. Испорченные отношения с Западом привели к сближению Москвы и Анкары и, несмотря на наличие спорных вопросов, удается находить взаимовыгодные приемлемые решения. Конечно, война на Украине усилит давление на балансирующую политику Турции, и не случайно упомянутые выше эксперты обращают внимание на необходимость привлечения Турции к формированию новой архитектуры европейской безопасности. Аналитики ставят дополнительные вопросы, однозначного ответа на которые пока нет. Как Турции сохранить баланс сил в Черном море, когда береговая линия России значительно увеличилась? Как будет выстраивать Анкара отношения с Украиной, Россией и Западом? Возможен ли выход Турции из НАТО, если интересы сотрудничества со странами Центральной Азии, а, возможно, и с ШОС, будут иметь тенденцию к росту?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аватков В.А.* Внешняя и внутренняя политика Турции. Ключевые изменения 2020 года //Свободная мысль. 2021. № 1 (1685). С. 81-90.
- Ирхин А.А., Москаленко О.А.* «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России //Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91-107.
- Шлыков П.В.* Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // Международная аналитика. 2021. Т. 12 (2). С. 130–152.
- Шлыков П.В.* Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С.51-88.

¹ Dalay G . Deciphering Turkey's geopolitical balancing and anti-Westernism in its relations with Russia // SWP Comment №35. MAY, 2022. URL:<https://www.swp-berlin.org/en/publication/deciphering-turkeys-geopolitical-balancing-and-anti-westernism-in-its-relations-with-russia>

²Explaining Turkish foreign policy moves in the context of Russia's war against Ukraine. CATS Network Perspectives. 07.07.2022. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/explaining-turkish-foreign-policy-moves-in-the-context-of-russias-war-against-ukraine>

- Эршен Э. Турция и евразийская интеграция: идеология или прагматизм? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2022. Т. 22, № 1. С. 111-125.
- Balta E., Çelikpala M. Turkey and Russia: Historical patterns and contemporary trends in bilateral relations. // G. M. Tezcür (Ed.). The Oxford handbook of Turkish politics. 2020. Oxford: Oxford University Press. Pp. 1-20.
- Köstem S. Geopolitics, identity and beyond: Turkey's renewed interest in the Caucasus and Central Asia. // E. Erşen, S. Köstem (Eds.). Turkey's pivot to Eurasia: geopolitics and foreign policy in a changing world order. 2019. London: Routledge. Pp. 111—128.
- Köstem S. Russian-Turkish cooperation in Syria: geopolitical alignment with limits. // Cambridge Review of International Affairs. 2020. Pp.1—23.
- Yongquan L. The Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9, no. 2. Pp. 94—99.

REFERENCES

- Avatkov, V.A. Foreign and domestic policy of Turkey. Key changes for 2020 // Free thought, 2021. No. 1 (1685). - P. 81-90.
- Balta E., Çelikpala M. Turkey and Russia: historical patterns and contemporary trends in bilateral relations. // G. M. Tezcür (Ed.). The Oxford handbook of Turkish politics. 2020. Oxford: Oxford University Press. Pp. 1-20.
- Erşen E. Turkey and the Eurasian integration: Ideology or pragmatism? // Vestnik RUDN. International Relations, 2022. 22(1), 111-125.
- Irkhin, A.A., Moskalenko, O.A. "The world is more than five". The emergence of Turkey as a global actor in world politics: prospects and challenges for Russia. // Bulletin of RUDN University. Series: International Relations, 2021. V.21. No. 1. - P. 91-107.
- Köstem S. Geopolitics, identity and beyond: Turkey's renewed interest in the Caucasus and Central Asia. // E. Erşen, S. Köstem (Eds.). Turkey's pivot to Eurasia: geopolitics and foreign policy in a changing world order. 2019. London: Routledge. Pp. 111-128.
- Köstem, S. Russian-Turkish cooperation in Syria: geopolitical alignment with limits. // Cambridge Review of International Affairs. 2020. Pp. 1-23.
- Shlykov, P.V. Turkey's foreign policy in the post-bipolar coordinate system // International Analytics, 2021. V. 12 (2). - P. 130—152.
- Shlykov, P.V. Between the USA, Europe and Eurasia: the transformation of Turkey's foreign policy priorities // Actual problems of Europe, 2020. No. 1. P. 51-88.
- Yongquan L. The Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9, no. 2. Pp. 94-99.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Борзова Алла Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН. Москва, Россия. (E-mail: bau845@mail.ru)

Савичева Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений РУДН. Москва, Россия. (E-mail: savicheva@mail.ru)

Кулумбегова Лина Темурьевна, ст. преподаватель кафедры политологии и социологии Югоосетинского

Alla Y. Borzova, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Theory and History of International Relations Department, RUDN University. (E-mail: bau845@mail.ru)

Elena M. Savicheva, Ph.D. in History, Associate Professor of the Theory and History of International Relations Department, RUDN University. (E-mail: savicheva@mail.ru)

Lina T. Kolumbegova, Assistant Professor, Department of Political Science and Sociology, South Ossetian State University

государственного университета им. А.А. named after A.A. Tibilov, Tskhinval, South
Тибилова, Цхинвал, Южная Осетия. (E-mail: Ossetia. (E-mail: linakulumbegova@mail.ru)
linakulumbegova@mail.ru)